

Михаил Михеев

T-34

T-34

Крепость на колесах

Время выбрало нас

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

**Т-34: Т-34. Крепость на
колесах. Время выбрало нас**

«Издательство АСТ»

2019-2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Т-34: Т-34. Крепость на колесах. Время выбрало нас /
М. А. Михеев — «Издательство АСТ», 2019-2022 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154296-2

Эти люди – не герои и супермены, плевками сбивающие самолеты и из пистолета поджигающие танки. Они – наши современники, волей контракта попавшие в далекое прошлое. И больше всего они хотят выжить и вернуться домой. Разный опыт, разные убеждения, разные умения... Смогут ли они адекватно ответить на вызовы, которые им бросает война? И кому доведется вернуться домой? Это будет ясно позже, а пока – на дворе 41-й год и дорога, по которой мчит, лязгая гусеницами, Т-34!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154296-2

© Михеев М. А., 2019-2022
© Издательство АСТ, 2019-2022

Содержание

Т-34	6
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Михаил Михеев
Т-34: Т-34. Крепость на колесах.
Время выбрало нас (сборник)

© Михаил Михеев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Т-34

*Трещит земля, как пустой орех,
Как щепка трещит броня.
А Боба вновь разбирает смех:
Какое мне дело
До вас до всех?
А вам до меня!*

*М. Соболев
«Песня о погибших пилотах»*

– Если ты, скотина, еще раз к ней руки протянешь, я тебе джойстик откручу.

Голос звучал лениво и неторопливо, по-хозяйски. За одну эту нотку барственности какой-нибудь Майк Тайсон уже отгрыз бы посмеившему открыть рот ухо. А за смешки, которые дружно, словно по команде, издала окружившая Его Величество кодла, еще и нос бы откусил. Скоты...

Не сейчас, только не сейчас. Драться с этими ублюдками желания нет от слова «ващще». Другие планы, другие задачи, а главное, им сойдет с рук, а его запросто вышвырнут из универа. И тогда...

Что «тогда» – не хотелось даже гадать. Достаточно представить лицо матери – и все. Но вот только как теперь быть? Их четверо, он один. У дебилов такое соотношение сил желание помахать кулаками вызывает автоматически. Черт! Вариант бежать... Противно.

В таких ситуациях долго размышлять вредно. И сейчас эта истина подтвердилась. Один из «шестерок», видимо, решил выслужиться перед боссом и, подойдя к жертве, дал ей звучного щелбана. А дальше. Дальше тело сработало автоматически – и понеслось!

Раз! Охамевший дятел с удивлением смотрит на палец, вывернутый под неестественным углом. Боль придет позже где-то на секунду, но к тому моменту палец уже перестает его интересовать. Зато начинают привлекать к себе внимание отбитые... гм... гениталии. Шаг вперед. Тело свивается, будто пружина – и распрямляется. В финальной точке движения кулак аккуратно соприкасается с кончиком подбородка второго противника. Тот нечленораздельно хрюкнул и плавно, словно из него разом выдернули кости, стек на пол. Похоже, у него если не нокаут, то уж нокдаун точно. Чуть сильнее – и гарантированный перелом челюсти. Множественный. Но так даже лучше, разница между побитым хамом и покалеченным студентом для закона огромна. Третий только-только начал соображать, что процесс движется как-то не совсем правильно, однако довести мысль до логического завершения не успел. Вместо этого он ушел в ближайшую стену, трижды соприкоснулся с ней затылком и сполз на грязный пол, безучастный к происходящему. И остался на ногах только главнюк, тоже не сообразивший пока, как изменилась ситуация.

– Ну что, поговорим?

– Да ты...

Взмах руки, резкий, но широкий и неумелый. Чуть пригнуться, пропуская его над головой. И – раз-два-три – по морде.

– Н-на!

Увидеть заваливающегося назад противника со сведенными к переносице, изумленными и бессмысленными глазами. И голос за спиной, как всегда невовремя:

– Так-так-так, и что это здесь происходит?

Два часа спустя он сидел в кабинете декана, и настроение было – гаже некуда. Сам декан восседал за столом и мрачно оправдывался:

– Александр, ну, я такого даже не ожидал, извини уж...

– Да ладно, Паш, все нормально, – его собеседник, поморщившись, махнул рукой. – Что, мы с тобой по молодости из-за девчонок никогда и ни с кем не дрались? Ты мне лучше скажи, что теперь с этим орлом делать?

Оставалось сжаться в комочек и не отвечать, потому что конкретно этот человек и впрямь мог сделать с ним чего угодно. Господин Колобанов, известный в городе предприниматель и меценат. Если верить слухам, один из богатейших людей – естественно, по меркам их замшелой провинции. Какая-то должность в мэрии – но на первые роли Колобанов никогда не лез, что ничуть не умаляло его возможностей и реального веса. И нищий студент, рискнувший набить морду его племяннику, в данной ситуации мог рассчитывать лишь на неприятности.

– Итак, я слышал вашу версию, молодой человек, – Колобанов сам был не стар, по виду, несмотря на заметную седину в волосах, и сорока не было, но такое обращение его, похоже, забавляло. – Слышал версию моего непутевого племянша. Остается единственный вопрос – кому из вас я должен верить?

– Дядя, я...

– А ты молчи, – голос бизнесмена внезапно стал жестким, слова падали, как расплавленный свинец. – Позорище! Вначале решили помахать кулаками. Молчать! А потом вчетвером – вчетвером! – получили по морде от одного. Мне-то мог бы и не врать. Вы устроили свои тупые разборки прямо под камерой видеонаблюдения. Знаешь, я могу простить то, что ты ведешь себя, как мажор. Но вот глупость... Паш, сделай ему отчисление. По собственному желанию, ес-сно. Поумнеет – восстановится.

– А...

– Ключи от машины. Карту. И пшел вон.

Судя по всему, авторитетом дядюшка пользовался непререкаемым. Во всяком случае, ему даже не потребовалось повышать голос – племянник беспрекословно выложил на стол ключи от своей шикарной бабовозки марки «Порше» и пластиковую банковскую карту. А потом встал и с видом побитой собаки вышел. Колобанов дождался, пока тяжелая дверь мягко, но в то же время солидно закроется, вздохнул и с какими-то тоскливыми нотками сказал:

– Знаешь, Паш, не пойму, в кого это чудо уродилось? Ты же его помнишь мальчишкой, нормальный пацан был. И что стало?

– А ты его упустил, – махнул рукой декан. – Слишком долго у тебя своих детей не было, вот и баловал племянников. И добаловал, что они о себе возомнили не по чину. Сколько на то, что он за вечер в клубе тратит, ты мог в свое время жить? Месяц? Два?

– А-а... – махнул рукой бизнесмен, встал, прошелся по кабинету, заметно привлекая левую ногу. Поймал удивленный взгляд и вдруг подмигнул: – Не дрейфь, парень. Я, конечно, сволочь, но без нужды не обижу. Паш, подтверди.

– Угу, – хмыкнул декан. Голос прозвучал как-то странно.

– Вот видишь. Тебя как зовут?

– Сергей... Сергей Хромов.

– Ну, а как меня зовут, ты уже знаешь. Ты храбрый парень. Немногие рискуют влезть в конфликт с человеком, за спиной которого стоит кто-нибудь вроде меня.

– Надоело все, – с внезапной злостью прошипел Сергей. – Ненавижу я вас всех. Хозяева жизни...

Он бы, наверное, еще много что сказал, но Колобанов внезапно хлопнул в ладоши. Трижды. Это было так неожиданно, что студент осекся на миг. Паузы хватило:

– Может, и хозяева, – голос Колобанова звучал странно-задумчиво. – Паш, как думаешь, он нам подходит?

– Не знаю, – декан пожал широченными плечами. – Во всяком случае, он лучше прочих. Так что. Почему бы и нет?

– В любом случае, решение принимать не нам. Хромов, где драться научился?

– То там, то сям.

– То там, то сям. Первый разряд по боксу и самбо, секция рукопашного боя, – хмыкнул декан. – Пожалуй, с ним тяжело было бы справиться даже мне.

Хромов посмотрел на него удивленно, талантов бойца он за деканом никогда не подозревал. Равно как и того, что хоть кто-то здесь в курсе его старых увлечений. Колобанов понимающе кивнул:

– Откуда ты родом?

– Не все ли равно?

– Пробьем. Ладно, если не боишься, готов заработать много денег и не иметь при этом проблем с законом, завтра жду тебя здесь же. Если ты нам подходишь, разговор продолжится. Если нет – получишь некоторую сумму в компенсацию за потерянное время.

– А если я... не приду?

– Будешь жить, как прежде. Студентом без особых перспектив. Репрессий не будет, обещаю... Ну а согласишься – я уже озвучил. Только имей в виду, риск прилагается. Деньги так просто не даются.

На следующий день, сидя в громаде колобановского «Мерседеса», Сергей с любопытством оглядывал невиданный ранее салон. В такой машине он ехал впервые в жизни. Однако надо признать, наскучило это быстро. Салон выглядел... безлико. Качественно, утилитарно, просторно – но не более того. У других хозяев салоны увешаны побрякушками, на креслах какие-то чехлы... Здесь – ничего, что говорило бы о хозяине. Ни пылинки, образцовый порядок, словно машину только-только забрали из автосалона.

А так – ничего себе машинка, удобная, и даже с заднего сиденья чувствовалось, насколько тесно в городской толчее могучему двигателю. Сидящего за рулем хозяина это, впрочем, не беспокоило, он ехал неторопливо, даже вальяжно, и лихачить не пытался. Хотя, тут уж можно не сомневаться, уж его-то бы дорожная полиция тормозить не стала.

Но – ехал, неспешно переговариваясь с развалившимся на правом сиденье деканом. Сергей прислушался было, однако ничего интересного не услышал. Похоже, эти двое знали друг друга очень давно и обсуждали что-то, понятное только им. Сообразить, о чем идет речь, да еще и в середине разговора, было сложновато. Хромов и не пытался – все равно скоро приедут, и вопросы разрешатся сами собой.

К удивлению Сергея, приехали они не в район, застроенный элитными коттеджами, и даже не в центр города, а на окраину, где стояли старые, изрядно потрепанные жизнью кирпичные пятиэтажки. Но, стоит признать, был в них какой-то уют, начисто пропавший во многих более современных зданиях. Еще пять минут – и все трое вошли в небольшую квартиру на пятом этаже. Простую, но очень функциональную.

– Проходи, садись, – махнул рукой Колобанов. – Паш, займи его пока чем-нибудь, я чайник поставлю.

Он и впрямь принялся греметь посудой, а потом ушел в дальнюю комнату, чтобы вернуться уже без пиджака и галстука, можно сказать, по-домашнему. Это время Сергей потратил на то, чтобы оглядеться и сделать кое-какие выводы. Невеликие, конечно, однако же, судя по всему, в этой квартире бизнесмен жил в те времена, когда не был еще настолько богатым, чтобы покупать целые дома. И, похоже, захаживал сюда он частенько, то ли из ностальгии, то ли еще почему. Квартира выглядела вполне обжитой, да и встреченный на лестнице сосед поздоровался с Колобановым привычно и без удивления.

– Итак, ты, наверное, гадаешь, с чего попал в нашу веселую компанию? – поинтересовался Колобанов, аккуратно поддёргивая брюки на коленях и опускаясь на диван. Сергей в ответ пожал плечами:

– Думаю, скоро сами расскажете.

– Речь не мальчика, но мужа... Однако сейчас у тебя последний шанс отказаться, выпить чаю и уйти с гордо поднятой головой. Репрессий не будет.

– А иначе что? Услышу непристойное предложение, а потом или соглашусь, или исчезну без следа? – это прозвучало с некоторым вызовом, но, как ни удивительно, никого не разозлило. Декан хрюкнул, давясь смехом, Колобанов же и вовсе лишь плечами пожал:

– Да нет, все просто. Ты прикоснешься краешком к тайнам, а потом всю жизнь будешь жалеть, что упустил шанс. Даже не денег заработать, а влезть с головой в самое невероятное приключение своей жизни.

– Уверены, что мне нужны приключения?

– Ми-илай! – покровительственно усмехнулся бизнесмен. – Ты что, думаешь, я о тебе только вчера узнал? Извиняй, тебя изучили вдоль и поперек. И студента Хромова, и еще кое-кого. Разочарую тебя, в списке подходящих нам кандидатур, которые Павел очень старательно рассматривал, ты был далеко не первым номером. Просто... так получилось, что я столкнулся с тобой раньше, чем с остальными. Может, это судьба.

Сергей промолчал. Под спокойным, ни разу не ехидным взглядом Колобанова и чуть покровительственным декана он чувствовал себя не вполне уютно. Сейчас перед ним были люди, способные попросту стереть его в порошок. И, в то же время угрозы от них не исходило. Ну вот не пытались они угрожать, ни словом, ни жестом.

– Хорошо, я согласен.

– Это радует, – фразу Колобанова прервал резкий свист. Бизнесмен поморщился. – Паша, выруби чайник, пожалуйста. И тащи кружки-ложки, ну и все, что найдешь. Сергей, тебе чай или кофе?

– Чай.

– Мне тоже. Все, давай, давай, что где сам знаешь. А я пока кое-что достану.

– А ты что расселся? – декан посмотрел на Сергея удивленно. – Руки мой – и помогай. В темпе, в темпе.

Чай был так себе, из пакетиков, зато варенье вкусное. Клубничное. Разговор ни о чем... И, лишь когда они закончили, Колобанов наконец перешел к делу.

– Что ты думаешь вот об этом? – на стол лег альбом с фотографиями. Сергей взял его, открыл. О-па! Сказать, что он был удивлен, значило ничего не сказать.

– Вы что, реконструкторы? – поднял он глаза на Колобанова. Тот лишь пожал плечами. Зато декан ухмыльнулся:

– Вот потому, что все подумают так же, даже если ты откажешься и начнешь орать на каждом углу, какие мы сволочи. Пальцем у виска покрутят – и все. Мало ли увлечений у не наигравшихся в войну стариканов? А на самом деле все эти фотографии – подлинники.

Вот теперь желание покрутить пальцем у виска как-то резко возникло уже у Сергея. Подлинники! Да на одних Колобанов с деканом в средневековых одеждах, на других – в форме красноармейцев, на третьей вообще в тоги римские вырядились. И таких фото – десятка три, если не больше. Правда, они на этих фото помоложе выглядят, но вполне узнаваемы.

– Ты фантастику читаешь? Читаешь-читаешь. Не слишком много, так, в числе прочего, но все же. И наверняка читал книги про параллельные миры, – Колобанов встал, прошелся по комнате, вернулся к столу, уперся в него ладонями и навис над Сергеем. – Это – не фантастика. Именно прогулками по иным мирам мы в свое время и заработали и деньги, и свое положение.

ние¹. И предлагаем тебе присоединиться к нашему дружному коллективу. Кстати, коллектив – вторая причина, по которой твои вопли ни к чему не приведут. Мы не одни, за нами Контора, мало кому известная, но обладающая определенным влиянием. И уж сделать так, чтобы тебя приняли за идиота, пытающегося таким дурацким способом отомстить обидевшим тебя богатым буратино, она сможет запросто. Ну так как, в ряды вливаешься?

– В каком качестве? – Сергей еще не избавился от шока и спросил механически, на автопилоте. Колобанов лишь рассмеялся:

– Молодец, правильный вопрос. В качестве подопытного кролика, разумеется.

Рассказ Колобанова, несмотря на сухость изложения и ровный, спокойный тон, вышел захватывающим. Как оказалось, фантастическая, на первый взгляд, идея прогулок по иным мирам давным-давно решена. Только мало кто об этом знает.

И Колобанов, и декан в этом деле уже давно. Больше пятнадцати лет. И занимаются они нечем иным, как разведкой иных миров. Вот, кстати, причина того, что декана так часто нет на месте. Все считают, что он бизнесом занимается. И впрямь занимается, но он – лишь прикрыtie. А основное – как раз походы за грань. И хромота Колобанова оттуда же – в последнем выходе получил ранение, стыдно признаться, в ягодицу. Не смертельно, но и не сахар. Впрочем, не привыкать – и раньше доставалось.

Так вот, эти двое в организации, исследующей и грабящей (ну, не то чтобы грабящей, но Колобанов открытым текстом объяснил, что трофеи – это святое) параллельные миры, были людьми не последними. Работая с самого начала, просто в силу заслуг рядовыми не останешься. Не последними, да. Но и, как ни крути, далеко не первыми. А у руководства имелись определенные планы, далеко выходящие за рамки возможностей обычной разведгруппы.

Ближайшим из этих планов был... эксперимент. Дело в том, что параллельные миры фактически один в один повторяли историю их собственного. Имелись, конечно, и различия, но из тех, что рассмотреть можно разве что с помощью микроскопа. Однако, как показали результаты походов самого Колобанова, при достаточно длительном и мощном воздействии происходят какие-то изменения в энергетической картине межпространственного барьера. Какие воздействия? Бог их знает, разведчики регулярно ухитрялись наворотить такого, чего и в голливудских боевиках не увидишь. Какие изменения? А вот это Колобанов объяснить тем более не смог, лишь руками развел. Теория процессов выходила далеко за рамки его понимания. Практику и не обязательно разбираться во всех тонкостях процесса.

Впрочем, теоретиков хватало и без него. И тогда решено было провести эксперимент с забросом группы в миры, стоящие примерно на уровне середины двадцатого века. Ориентировочно на год-два, причем, для его чистоты, требовались люди самые обычные, без спецподготовки и, желательно, даже без понимания того, что случилось. Шесть человек, больше не потянет установка межпространственного перехода. Обратное – сколько хочешь, а вот туда шестеро и ни человеком больше. Раньше вообще вдвоем ходили, на что-то лучшее энергии не хватало, однако времена идут, теория совершенствуется, да и аппаратура тоже.

Зачем ему об этом говорят? Да все просто. Чистота чистотой, но кто-то же должен притащить уцелевших обратно, к порталу. Ну, или хотя бы сам явиться. А ученые тем временем посмотрят, как вмешательство повлияет на состояние барьера. И нечего морду воротить, что людей на смерть без их согласия посылают. Все на самом-то деле согласились, и за неплохие деньги. Их только в детали не посвящали. Эксперимент по выживанию в особо сложных условиях. Ни словом не соврали, просто не уточнили детали. И предприятие совсем небезнадежное, тому примером и сам Колобанов, и миллионы переживших ту войну советских людей. Почему выбрали именно его? Да потому, что физические кондиции хорошие, храбр, неглуп... И притом величина – убегающе малая. Помрешь – никто и не хватится, кроме разве что матери.

¹ См. роман «Стрелок».

Но ты ведь ей сам скажешь, что завербовался в экспедицию... Или в Иностраннный легион, в Африку за длинным рублем рванул. Вариантов масса.

Ну что, парень, рискнешь? За хорошую плату, а? Двадцать штук в год, и не рублей, естественно. Конечно, немного, но то, что там сможешь нагрести, твое все до копейки. Когда отправляться? А вот завтра и начнем...

Сознание вернулось рывком, и этот процесс назвал бы приятным разве что законченный мазохист. Болела голова, во рту пересохло, а в глаза словно сыпанули песку. Ну и прочие признаки общей интоксикации организма, в народе именуемой похмельем.

Сергей покрутил головой, с усилием заставляя шею ожить, вернуть ей чувствительность. Черт! И ведь жаловаться-то некому, Колобанов его честно предупредил, что будет хорошая попойка, якобы в честь знакомства с коллективом. А что? Повод ничуть не хуже других. А на финал немного снотворного – и все, очнутся «выживальщики» уже на конечной станции своего маршрута. Вот только похмелья, увы, никто не отменял.

Сергей с немалым усилием заставил тело принять сидячую позу. Глаза вновь резануло – на сей раз солнечным лучом, рвущимся сквозь неплотную завесу листвы. И это моментально сняло все сомнения. Ну да, он до последней секунды подозревал (и, чего уж там, надеялся), что все это – не более чем дурацкая шутка скучающего местечкового олигарха. Однако из октября перебросить в лето, да еще и, судя по самым обычным елкам, березам, осинам и прочим соснам, а также густо вьющимся комарам, лето самое обычное, среднерусское. Нет, это явно за пределами возможностей любого шутника, а значит, как ни фантастически все это звучит, они и впрямь в ином мире. Интересно только, в какую эпоху, и не выскочит ли из кустов неандерталец с дубиной.

– Что за черт!..

Сергей повернул голову влево и увидел, как из густой, хотя и немного пожухлой травы, поднимается, очумело мотая головой, Игнатъев. Одутловатое лицо профессионального прожигателя жизни было насыщенно-красным, покрытым мелкими бисеринками липкого даже на вид пота. Взгляд, правда, острый, цепкий – Игнатъев не только умел пить все, что горит, и трахать все, что шевелится, но и в не такой уж далекой молодости плавал с аквалангом, прыгал с парашютом, летал на дельтаплане и до одури гонял на автомобилях, мотоциклах, снегоходах... В общем, ловил адреналин, что, в свою очередь, требует не только придурковатой безбашенности, но и кое-каких мозгов. А еще – железного, несмотря на все излишества, здоровья. Неудивительно, что в себя он приходил буквально на глазах.

– Спроси, что полегче.

– У-у-у...

В содержательный разговор явно стремился вмешаться еще один участник. Правда, это у него получалось как-то не очень. Петр Петрович Востриков, в обыденной жизни скандальный журналист и заслуженный работник культуры городского масштаба (засрак, как его называли за глаза подчиненные, это Сергей знал точно), вылез из кустов на четвереньках. Судя по виду, ему изрядно досталось от... кустов. Шиповника здесь росло море, и Востриков сейчас выбирался из его самой глубокой впадины, на четвереньках, порвав и изгваздав модный дорогой пиджак. Да уж, тяжело в учении – легко в зоне поражения. Обратное, похоже, тоже верно. Никакой подготовки, чистота эксперимента, чтоб ее, и, как результат, жесткое начало путешествия. Вон, какие лица перекошенные.

– Вашу мать...

Все остальное, что родила изящная мысль рафинированного интеллигента, звучало на редкость нецензурно. Заслушаться можно. Похоже, голова у него тоже болела. Сергей поморщился, незаметно извлек из кармана коробочку с лекарствами. Маленькое преимущество посвященного в историю – есть возможность подготовиться. К примеру, те же лекарства в

карман сунуть. Антибиотики там и прочий парацетамол. Капсула нурофена – и все, можно присесть, опершись на ствол березы, в ожидании возвращения к нормальному самочувствию. Минут десять боль придется терпеть, ну а потом должно подействовать.

Веки моментально потяжелели, и глаза начали слипаться, но из померещившейся нирваны его вывел несильный пинок в голень и возмущенный вопль:

– Ты чего разлегся?

Сергей лениво поднял глаза, окинул взглядом подбоченившегося и напоминающего сейчас бойцового петуха Вострикова и негромко поинтересовался:

– Мешаю? Ну, так отойдите подальше.

– Ты что о себе думаешь, щенок?

Да уж, культура так и прет. И голова еще не прошла. К горлу подкатил комок мутной злости. Сергей встал, оказавшись вдруг на полголовы выше своего собрата по приключению, и негромко сказал:

– Не стоит говорить про меня гадости. А то ведь я могу решить, что вам к лицу черепно-мозговая травма. А всем скажу, что вас аист по дороге уронил...

Востриков явно находился в неадеквате, но для того, чтобы представить, насколько близка его физиономия к кулаку, соображаловки хватило. Неудивительно – когда-то Востриков начинал журналистом, репортером скандальной хроники, а там заработать травматическое удаление зубов было проще, чем высморкаться. Годы прошли – а рефлексы остались.

Однако рефлекс рефlekсами, а приобретенный за годы сытого и уважаемого существования апломб требовал выйти из внезапно образовавшегося конфликта победителем. То есть отступить нельзя, стоять на месте, а тем более наезжать – чревато. Сергею, головная боль у которого как раз прошла, то ли от лекарства, то ли просто от злости, даже стало интересно, как он поведет себя в такой ситуации. Однако понаблюдать за мучительными телодвижениями интеллигента не получилось – все очарование момента разрушил новый персонаж.

– Это что вы здесь делаете, а?

В отличие от их помятой троицы, Хинштейн выглядел так, словно только-только вышел с заседания совета директоров какой-то немаленькой фирмы. Он в недалеком прошлом в такой совет и входил – ровно до тех пор, когда отец влез в сомнительную аферу и, несмотря на многообещающую фамилию, не смог из нее вылезти. Так что отправился Хинштейн-старший очищать Север от снега, а его сын оказался вдруг не у дел. В смысле, вообще – мажоры, на самом деле никому особо не нужны, их терпят ровно до того момента, пока за спинами маячит фигура родителя-покровителя. Ну а если фигура исчезает, человека сбрасывают, как расходный материал, что, в принципе, и произошло.

Как ни странно, в отличие от многих орлов своего круга, Альберт Хинштейн оказался достаточно умен, чтобы сделать трезвые и логичные выводы. Не успел, видать, мозги в клубах растерять. Вот и попал в их теплую компанию, хотя Колобанов решительно отказался пояснять, как сумел завербовать такого орла.

– Все нормально, – махнул рукой Игнатъев. Он, в отличие от Вострикова, успел окончательно прийти в себя. Наверное, прошлые увлечения сказались, для экстремала быстро соображать – норма. – Ребята, кажется, немного в шоке.

«Ребята», один из которых был на пятнадцать лет моложе, а второй на десять старше Игнатъева, синхронно кивнули. Оба моментально сообразили, что принять эту версию наиболее простой способ не доводить разговор до драки и притом сохранить лицо. Хинштейн тоже кивнул – он вряд ли поверил услышанному, но развивать тему не стал. Умный еврейчик...

– Где это мы? И где остальные? – Хинштейн с интересом огляделся.

– А черт его знает, – Сергей демонстративно пожал плечами. – Ничего в голову не приходит. Какие-нибудь идеи есть?

– Самому непонятно. Но все же... Если мы вчетвером здесь, то, по логике, и остальные должны оказаться в пределах видимости.

Да уж, и впрямь возможность соображать не утратил. А и в самом деле, сидели они всемером. Перед забросом Колобанов как раз вышел – значит, перенестись должны были, как он и обещал, шестеро. Соответственно еще двое оказались в зоне перехода. Разумеется, если все прошло штатно – бизнесмен предупреждал, что такое количество народу на практике еще никто не переправлял. Это обратно можно сколько хочешь людей выдергивать – и такое делали – а вот туда пока не пробовали. А вдруг не получилось? Первопроходцы, мать их через колено... Гадай теперь, чем все закончится.

Громкий хруст за спиной заставил их дружно развернуться – как раз вовремя, чтобы увидеть, как из неглубокого оврага медведем вылезает Ковальчук. По лесу сей мордатый детишка ходить не умел совершенно, компенсируя этот недостаток упорством и хорошей физической формой. Вон, плечи аж распирают теплый, крупной вязки свитер. Лицо красное, потное – ну да, одежда не по сезону.

– Люди! Мы где?

– Самим интересно, – буркнул Сергей. Ему, кстати, и впрямь было интересно. Колобанов предупредил только, что они попадут в середину прошлого века. Создавалось впечатление, что и сам не знал толком. Хотя. Можно предположить, что это – период Второй мировой. Декан – он вообще был в теории куда подкованней своего приятеля-бизнесмена, хотя и отдавал ему лидерство в разговоре, – сказал между делом, что параллельные миры формируются в момент глобальных изломов. Чем ближе прокол к точке формирования, тем проще его осуществить, и этим обстоятельством ушлые исследователи пользовались без зазрения совести. Впрочем, по датам не факт – если верить историкам, весь двадцатый век творилось такое, что новые миры вполне могли отпочковываться хоть каждые полчаса. В любом случае, время тут, скорее всего, не самое спокойное. Хотя... когда оно было спокойным вообще?

– Во-во. Интересно... А между прочим, здесь и сейчас лето, – буркнул Ковальчук и стянул через голову свитер. Рубашка под ним была мокрой и облегала тело. – Я чего-то не понимаю?

– Мы тоже.

– А где...

– Да здесь я, здесь.

Голос прозвучал чуть ворчливо, но как-то успокаивающе. И обладатель его выглядел под стать – невысокий, плотно сбитый, в камуфляжной одежде. Мартынов Александр Павлович, в недалеком прошлом начальник охраны крупнейшего (и, к слову, единственного) в их городе торгового центра. Почему ушел? А хрен его знает. Пенсионер, которому не сидится дома, и выглядит соответственно. Но вот глядя на его неторопливые движения, как-то неохота поворачиваться к нему спиной. Из всей их группы Мартынов был единственным человеком, которого Сергей опасался.

Из леса он вышел неторопливо и спокойно, даже чуть лениво, но при этом момент, когда Мартынов оказался вдруг совсем рядом, все пропустили. Плюхнувшись на толстый полусгнивший ствол какой-то незадачливой елки, давным-давно покинувшей сей бранный мир, он стянул с ноги кроссовку, вытряхнул из нее мусор, неспешно, обстоятельно надел и поинтересовался:

– Ну что, все собрались? Тогда, может, попытаемся понять хотя бы, что нам делать дальше?

Следующие полтора часа прошли в спорах о том, куда они попали, инвентаризации всего, что нашлось в карманах, и выработку дальнейших планов. Споры были долгие, громкие, но, как оказалось, бессмысленные. Для того, чтобы определиться, не хватало информации, из карманов удалось извлечь кучу ненужного хлама вроде ключей и презервативов, самым ценным из

которого оказались складные ножи Мартынова, Ковальчука и самого Хромова. Ну а дальнейшие действия... Решено было идти и попытаться найти хоть какой-нибудь ручей. Во-первых, всем изрядно хотелось пить, а во-вторых, существовала вероятность, что ручей будет впадать в реку, а где река – там люди. Привычку селиться по берегам рек еще никто не отменял.

Сергей в основном молчал. Пускай говорят другие – он здесь по возрасту не то чтобы младший, с Хинштейном и Ковальчуком они ровесники, но лучше не высовываться. В конце концов, он здесь не для того, чтобы командовать, а ради выживания и возвращения. Ну и заработка, конечно – двадцать тысяч «зеленых» в год Колобанов ему обещал.

А вообще, такое впечатление, что эксперимент ставился не только над таинственными межпространственными барьерами, но и над людьми, собранными в их группе. Ну, с самим Хромовым все понятно. Нищий студент, готовый зубами выгрызть себе, любимому, светлое будущее. Работающий за деньги наемник, чего уж там. Игнатъев – тоже ничего сложного. Престарелый искатель приключений, не желающий смириться с неумолимо подкатывающимся возрастом. Плевать ему и на политику, и на убеждения. В чем-то это даже вызывало уважение – ничего из себя не корчит человек, живет, как считает нужным, и говорит, что есть. Может стать, кому-то подобное будет не по нраву, однако, по большому счету, это только их проблема. В общем, с Игнатьевым все ясно. Зато остальные.

Востриков – оппозиционер. Непонятно, почему. То ли по убеждениям, то ли пиарится на этом, а может, кто-то ему за такого рода мировоззрение платит. Ничего удивительного, ведь не зря журналисты с успехом оспаривают право считаться представителями древнейшей профессии. И характер у Вострикова под стать его убеждениям – человек крикливый, наглый, но при этом осторожный. Такие умники неплохо умеют пламенными речами зажигать толпу на митингах, талантливыми (этого не отнять) статьями формировать общественное мнение. И шустро, а главное, вовремя сваливать, предоставляя другим право расплачиваться за допущенные ими ошибки, если что-то пошло не так.

Хинштейн... Ну, он умный. В долговременной экспедиции, скорее всего, от кого-то прячется. Как-то проскочила у него весьма многозначительная оговорка. Умный... вроде бы. Но притом откровенно считает всех неевреев третьим сортом, что-то вроде говорящих обезьян. Тщательно это скрывает, но, по молодости, не всегда успешно. Впрочем, подобное отношение характерно для многих его соотечественников.

Ковальчук. Рубаха-парень, простой, как три копейки, умеющий понять и поддержать шутку. Глядя на него, как-то сразу понимаешь, что батя сего гарного парубка ухитрился убить сразу двух зайцев – и сына вырастить, и дуб. Если, конечно, не обратить внимания на то, как закаменело его лицо вчера, когда они познакомились. Он тогда, помнится, сказал «можно просто Володя», а Востриков, от великого ума, тут же рассказал анекдот про «Тобик, просто Тобик»². Всего на миг закаменело, справился с эмоциями парень мгновенно, и никто, кроме Сергея, на это внимания, скорее всего, не обратил. Для молодого человека такое умение владеть собой, как правило, нехарактерно. Так что Ковальчук – этакая вещь в себе. И вообще, он в свое время перебрался в Россию из какого-то пригорода Киева, а на Украине, если верить слухам и телевизору, все на голову ушибленные.

Ну и Мартынов, конечно. Сергей все-таки в недалеком прошлом был неплохим спортсменом. Высот, конечно, не добился, но умел немало. И уж рассмотреть под нарочитомедленными движениями пенсионера пластику не понаслышке знакомого с рукопашной бойца сумел моментально. Равно как и то, что Мартынов ни с кем не спорил прямо, но повернуть разговор в нужном ему направлении умел. Интересный персонаж...

Хорошо еще, Колобанов не впихнул в их тесную компанию женщин. С него бы случилось. Хотя, скорее всего, циничный бизнесмен просчитал риски и понял, что бабы в таком деле – это

² Встречает кастрированный пес сучку. Та:– Привет! Я – Люська Большие Сиськи.– А я Тобик. Просто Тобик.

все же чересчур. У них тут и без того хватает шансов оказаться пауками в банке. Вострикову, например, Сергей недавно едва не врезал.

А идти по лесу, даже сухому, было не так-то просто. Хромов, в общем-то, совсем уж неумехой себя не считал, да и подготовиться имел возможность. Неброская одежда из тех, что так любят всякие грибники и лесники. Правда, сейчас у них мода на камуфляж, но энцефалитка³ ничуть не хуже, а внимания к себе у неискушенных в таких вопросах аборигенов привлечет меньше. Правда, жарко в ней, пришлось пока снять, благо комаров не наблюдалось. Обувь, опять же, универсальная – кроссовки, причем очень хорошие, качественные. Работодатель расщедрился. А вот остальные...

Игнатьев в своих джинсах и, опять же, кроссовках держался уверенно, только кофту стянул. Мартынов и вовсе чувствовал себя, похоже, как рыба в воде. Ковальчук, избавившись от свитера, тоже. Зато двум последним участникам их импровизированного марш-броска приходилось страдать за всю команду. У них-то модные ботинки, а Хинштейн еще вдобавок и в костюме. Вострикову было чуть проще, образ «человека из народа» и либерала позволял ему таскаться в джинсах, которые выглядели здесь предпочтительнее дорогой ткани. Зато физическая форма немолодого уже журналиста оказалась хуже. В общем, так на так, и уже через какой-нибудь час от обоих валил пар, и ноги, судя по всему, на обувь порядком обиделись. Во всяком случае, хромали оба, Хинштейн на левую ногу, а Востриков на обе сразу. Товарищи по путешествию, мать их...

К счастью, марш-бросок закончился довольно быстро. И не ручьем, о котором уже отчаянно мечтали все, а вполне цивилизованной дорогой-грунтовкой, каких на свете увидеть можно где угодно и сколько угодно. Причем не обязательно в России – по слухам, в той же Канаде этого добра в пять слоев и с горкой, да и гордая Америка, чуть сверни с хайвея, тоже предьявит тебе полное разнообразие «направлений». Конкретно эта была сухой, пыльной и могла похвастаться глубокими колеями. Однако, несмотря на безрадостный вид, настроения всем она подняла – как-никак где дорога – там люди и возможность хотя бы понять, где же они находятся.

Они не успели даже решить, в какую сторону по этой дороге направиться, как в какой-то паре десятков метров от них, из-за поворота, появились люди. Но что это были за люди!

Зрелище было сюрреалистичным настолько, что даже ожидающий нечто подобное Сергей на какое-то время впал в ступор. Поднимая ногами клубы пыли, шла колонна военнопленных. Да-да, именно таких, как показывают в старой хронике. Разве что картинка была в цвете, но как раз это в глаза и не бросалось – все та же пыль, густо покрывающая одежду, волосы, лица, превращала их в однотонные серовато-рыжие силуэты. Было военнопленных не так и много, человек сорок, может, пятьдесят, но пыли они, привлекая ноги, поднимали, будто колонна танков.

Охраняла все это безобразие пятерка немцев, очевидно, чувствовавших себя в полной безопасности. Пешком шагали всего двое, по сторонам колонны, остальные ехали позади, на телеге. Несильный ветер исправно сносил пыль в сторону, так что фрицы чувствовали себя достаточно комфортно. И, увидев на дороге новых действующих лиц, отреагировали они первыми.

– Хальт!

Первым с дороги бросился Мартынов, Сергей отстал на каких-то полсекунды. И почти сразу загремели выстрелы. Наверное, будь у немцев автоматы, как любят изображать в фильмах, тут им и настала бы хана. Однако винтовки, тем более небрежно заброшенные за спину, оружие не самое скорострельное. Да и немцы к появлению на пути еще кого-то оказались не готовы. Сделав буквально пару прыжков в сторону, Сергей рванул было прочь, благо вряд ли

³ Разновидность верхней одежды для леса. Обеспечивает максимальную защиту от клещей, мошки, комаров и пр.

немцы учинили бы серьезную погоню. Шансы имелись, он находился в неплохой форме, однако лес – не стадион, нога подвернулась, и, ломая ветки, Сергей с громким треском растянулся на земле. Попытался встать – но ногу пробило болью. От неожиданности Сергей взвыл, а еще через секунду обнаружил перед носом ствол винтовки. И довольно ухмыляющегося немца на другом ее конце.

Все-таки язык у фрицев отвратительно лающий. Что там ему говорят, учивший, как и большинство современных людей, английский, Сергей не понял, но смысл ясен был и без перевода. Встать, руки вверх, топай на дорогу... Он и встал. А потом грохнулся – нога не держала, и ощущения были непередаваемые. Возле лица вновь колыхнулся ствол винтовки. Вот и все. Сергей закрыл глаза, смотреть в лицо смерти дано не каждому.

Выстрела не последовало. Вместо этого Сергей ощутил на своей ноге быстрые, цепкие пальцы. Открыл глаза – и обнаружил, что немец, присев на корточки, осматривает его ногу. С интересом посмотрел на кроссовки, которые так подвели хозяина, однако отвлекаться не стал. Вместо этого он вдруг перехватил голень пленного обеими руками и как-то особым образом крутанул.

Это было мало похоже на то, как вправляют конечности в современных клиниках, однако сработало не хуже. Конечно, в первый момент пробило так, что в глазах потемнело. Зато когда немец, встав, опять недвусмысленно качнул стволом винтовки, Сергей поднялся без заметных усилий. Значит, вывих был, а немец его вправил. Оригинально...

Но еще больший шок ожидал Сергея, когда он вновь оказался на дороге. Ну, то, что товарищей по приключению немцы повязали, ничего удивительного не было. В конце концов, у них не оказалось ни необходимых рефлексов, ни готовности к подобного рода угрозам. Однако тот факт, что колонна военнопленных, оставшаяся под охраной всего двух человек, просто стояла, и никто не пытался не то чтобы напасть на конвоиров – хотя бы даже бежать – и впрямь удивлял. Их-то всю жизнь учили, что наши не сдавались, а кто попадал в плен, раненый и оглушенный, бежали при первой возможности. Даже из концлагерей бежали. Какие там лагеря? Полностью морально сломленные люди, словно пришибленные. И новых пленных, беззлобно, в общем-то, скалясь, немцы затолкали в хвост колонны, по команде вновь зашагавшей вперед. Даже не обыскали, сволочи.

Шли часа три, до какой-то деревни. Классическая такая деревенька, пара дюжин домов и единственная улица, кривая и разбитая. И флаг над единственным двухэтажным домом, перед которым что-то вроде площади. Флаг, что характерно, красный.

Похоже, начал выстраивать логическую картинку Сергей, первые дни войны и сопутствующий им бардак. Ну да, двадцать пятое июня. Немцы вскрыли советскую оборону и прут вперед, как алкаши за водкой, наглядно демонстрируя окружающим, что такое блицкриг. Потому и шок такой у всех, просто не поняли еще, как это случилось. Кое-кто из невольных соседей по колонне рассказал, что взяли их тепленькими, некоторых вытряхнув прямо из коек. Даже до оружия не успели добраться. А в этой деревне, может статься, даже не сообразили, что оказались во вражеском тылу, и теперь испуганно смотрят из окон.

Кстати, это объясняло, почему и фрицы такие блаженно-расслабленные. Для них, во всяком случае, тех, кто идет во втором эшелоне, происходящее не более чем круиз вроде европейского. Нет пока ожесточения. Да и пленные особых хлопот не доставляют. Вот и сейчас они попросту согнали подконвойных на площадь, благо места хватало. После этого ограничились, скорее, формальной охраной, как понял Сергей, банально кинув жребий. Двое с недовольными лицами остались при пленных, расположившись в тенишке возле здания, а остальные, сорвав по дороге флаг, отправились по дворам. Курки-млеко-яйки, все как положено. И, что характерно, это даже не вызвало в душе Сергея каких-либо эмоций. То ли усталость, то ли уже последствия более циничного, чем раньше, мировосприятия двадцать первого века. Победитель берет трофеи – и это норма. А немцы, как ни крути, пока что побеждают.

И что характерно, местные на улицах через некоторое время появились. Деревня, жизнь продолжается, необходимость коров гнать или дрова колоть никто не отменял. Немцы же пока террором не занимаются, вот и успокоились.

На устало сидящих пленных местные пейзажи не смотрели ни зло, ни сочувственно. Просто не обращали на них внимания. Даже воды не принесли. Впрочем, фрицы, видать, были заинтересованы в том, чтобы доставить вверенный им контингент в целостности, поскольку организовали снабжение. Ну, как организовали – разрешили пользоваться стоящим в соседнем дворе сортиром (хозяева наверняка были ну очень рады), ткнули пальцем в пару солдат поздоровее и погнали их к колодцу за водой, да пригнали несколько баб, которые зло поглядывали и на немцев, и на пленных. Тем не менее, споры были решены посредством несильного удара прикладом по спине, и впечатленные таким ораторским искусством женщины достаточно шустро приготовили на всех нечто не особо изысканное, но и вполне съедобное.

– Бежать надо, – Игнатев подошел к Сергею, как только начало смеркаться. – Пока все расслабленные и ленивые...

– Согласен, – отозвался тот, рассматривая поврежденную ногу. Голеностоп немного опух, но, как говорится, могло быть и хуже. – Ночью валим, и делу конец. Остальные как?

– Я с ними пока не разговаривал. Сейчас...

Увы, «сейчас» не получилось. Немцы оказались не глупее паровоза и как раз в этот момент предприняли меры для недопущения инцидентов, загнав пленных в стоящий на краю деревни сарай, намертво приперев дверь. Здесь было темно, хоть глаз выколи, и попытка добраться до ушагавших в дальний угол товарищей закончилась печально. Игнатев на кого-то наступил и тут же жестоко получил по морде – народ, только-только отошедший от первого шока, был злой и шуток не понимал совершенно.

Пока Игнатев получал по шее сам и впечатлял того, кто решил помахать кулаками, Сергей присел в углу, на кучу пожухлого, но еще сохранившего остатки аромата прошлогоднего сена. Выбираться надо, тут спору нет, однако как? Увы, дальше этой умной мысли процесс размышления идти упорно отказывался – накатывалась усталость, глаза слипались. А потом стало и вовсе не до того, поскольку ситуация, как это частенько бывает, изменилась рывком и капитально.

За воротами раздался лязг, и через каких-то несколько секунд они медленно, с мучительным скрипом распахнулись. Ударил свет... Немного позже Сергей осознал, что не такой уж и яркий, к тому же и снаружи еще не вконец стемнело, однако фары трех рычащих, словно пьяные тигры, грузовиков полоснули по глазам успевших привыкнуть к мраку сарая людей, словно ножом.

Проморгаться удалось не сразу, да и остальные пребывали не в лучшем состоянии – сбились в кучу, терли глаза, злобно матерились. Однако тем, кто устроил им почти что лазерное шоу, было параллельно, какие чувства испытывают люди. Они спокойно наблюдали, и было их чуть больше, чем до хрена. Видать, какая-то часть, да не из простых – вон, недавние конвоиры стоят, вытянувшись во фронт, как и положено салагам, угодившим под очи крутых орлов из спецназа. А те, что характерно, плевать хотели на чувства и ощущения конвоиров. Вон, один громко распекает их, что весьма напоминает рык волкодава на не успевшую убраться с дороги шавку. Наверняка по какому-то надуманному поводу – по чему-то серьезному говорить будут иначе, однако и без того видно, что конвойным отнюдь не радостно.

А впереди этого великолепия прохаживается офицер. Классический такой, их в старых фильмах о войне именно такими и показывали. Небось, срисовывали с натуры. Высокий, худой, как жердь, руки держит за спиной. Такому Люцифера в кино играть али Дракулу – антураж соответствующий, энергетика тоже. Впрочем, ничего жуткого он пока не сотворил. Постоял, молча, затем, повернувшись, что-то сказал обругивающему конвоиров солдату – или, возможно какому-нибудь сержанту. Видно было плохо, но погоны вроде бы чуть-чуть отлича-

лись. Тот, моментально прервав процесс распекания младших по званию, что-то проорал, и те задвинулись, будто получив свежие батарейки. Дюрасел в заднице... Сергей еле удержался от нервного смешка. Пять секунд – и ворота снова закрылись. Лязгнул, входя в пазы, древний засов, еще раз взревели снаружи моторы, и все стихло.

– Приплыли, – как Игнатъев оказался рядом, Сергей не заметил. – Теперь не сбежать.

– Думаешь?

– Это – не лохи. К тому же там у них пара собачек была.

– Не видел.

– Я видел. Этого достаточно. Красивые такие овчарки, лощеные. Нам с тобой на двоих и одной хватит. Придется ждать.

– Чего?

– Случая. Эти, которые приехали, вряд ли тут с нами будут долго. Не та статья, таких орлов в охране не держат. Может, завтра своей дорогой двинут, а там мы и сбежим куда-нибудь. Может, даже с марша.

Возможно, Игнатъев был прав. А может, и нет. Вот только усталость навалилась, будто чугунная гиря, нога всерьез ныла, а перед глазами все еще маячил ствол винтовки. И его неполные восемь миллиметров заслоняли, казалось, весь свет. В общем, Сергей кивнул, хотя себе-седник этого не мог видеть, натянул энцефалитку, чтобы не задубеть ночью, и почти сразу провалился в темный, будто омут, сон.

Утром выяснилось, что Игнатъев все же не прав. Во-первых, немцы, прибывшие вечером, никуда не делись, а во-вторых, пленных никуда не погнажи. Правда, дали опраться, умыться (колодец вычерпали буквально до дна) и накормили. Примерно так же как вчера, невкусно и не до отвала, однако достаточно сытно, чтобы животы не бурчали.

Ближе к обеду их выгнали наружу, и в глаза бросились две вещи. Куча техники – танки и броневики советского производства. Тут ошибиться не получалось никак – благодаря интернету, их характерные силуэты растиражировали широко, и любой мужчина, да и многие женщины, хоть немного да разбирался в вопросе. Три БТ, правда, какой модификации хрен знает, их наклепали много и разных. Т-26 аж четыре штуки, причем один невероятно древний, с двумя башнями. Экзотика! Т-28 со своими тремя башнями. Что-то мелкое и легкое, более всего напоминающее корыто с гусеницами. Ну и вишенкой на торте целых три броневика, два пушечных и пулеметный.

Немецкие танки, кстати, тоже имелись. Три штуки, с уставными тевтонскими крестами на броне. Один – Pz-IV, его легко было узнать по характерному «окурку» вместо нормального орудия. Остальные же – черт его знает, познаний Сергея для классификации решительно не хватало. Может, и не немецкие даже, а чешские или еще какие. Немцы, по слухам, тащили сюда бронехлам со всей Европы. Но одно было у них общим – чистота.

Образцы германского ВПК казались даже не вымытыми – скорее, вылизанными и свежоокрашенными. А вот советские – наоборот, грязные и запыленные. И техническое состояние у них было так себе, что для трофеев и неудивительно. У Т-28 не было одной пулеметной башни, вместо нее торчали лохмотья смятого и перекрученного железа. Ближайший Т-26 щеголял сквозной пробойной в башне. Два броневика вместо колес стояли на ободах и имели явные следы огня. Что с остальными – не совсем понятно, точнее, попросту не видно. Зато кинокамеру на треноге Сергей узнал сразу. Ну, вот и разгадка, сейчас фрицы тут пропагандистское кино снимать будут, с бравыми немецкими «зольдатен» и своей лучшей в мире техникой, а также грудой советского металлолома и толпой пленных для массовки. То-то конвоиры гребли по дороге всех подряд – как выяснилось вечером, разведчики иных миров оказались в колонне не единственными, кто не имел отношения к доблестной Красной Армии. Правда, все же подавляющее большинство и впрямь носили гимнастерки.

Однако началось все не с марша усталых пленных и не с грохота танковых гусениц. Вначале к их толпе подошли двое с замашками опытных капралов и в два счета выстроили всех в две шеренги, с интервалом между ними шагов в пять. Воистину добрым словом и прикладом можно добиться впечатляющих результатов. Ну а потом подошел офицер.

Вблизи он не казался уже тем inferнальным чудищем, которое маячило вчера в свете фар. Обычный человек, худощавый, подтянутый. Лет сорок на вид. Взгляд спокойный и, что характерно, не злой. Скорее, безразличный. Те, кто сейчас перед ним стоял, проходили в немецком табеле о рангах где-то между крысами и тараканами. Возможно, он бы иначе смотрел на тех, кто сидит в окопах, держа в руках винтовки, но пленные, бросившие оружие и сдавшиеся до того, как все средства, включая собственную жизнь, исчерпаны, уважения не были достойны ни на гран.

Он шел вдоль шеренги, небрежно похлопывая по голенищу стеком. Позади него держался крупный, но отчаянно сутулящийся мужчина в гражданском. Этот, похоже, совершенно не хотел казаться хоть в чем-то превосходящим офицера, ни в росте, ни в ширине плеч. И одет – не по-немецки. Опять же, если верить фильмам, так одевались горожане в предвоенные и первые послевоенные годы. Не в точности, конечно, однако похоже. Пиджак, сапоги... А вот приклатненной кепки не наблюдалось, голова оставалась непокрытой.

Наконец офицер остановился, еще раз щелкнул стеком и негромко, явно не стараясь напрягать лишний раз связки, заговорил. Мегафоном работал его сопровождающий, оказавшийся переводчиком. Ну, этот старался за десятерых. Особой нужды в том, правда, не было – тишина стояла едва не гробовая. Немцы молчали из чувства дисциплины, а пленные... этим шуметь было как-то не с руки.

– Господин офицер приветствует храбрых русских солдат. Он обещает, что пленные будут иметь еду, крышу над головой и медицинское обслуживание. Кто желает, может перейти на службу великому рейху.

В общем, много говорил, и всякого. И ведь слушали! Это Сергей знал, что их ждет в лагерях, а эти глаза выпучили, уши развесили и клювами щелкают. Рыбки-зайчики-птички, чтоб их. Ну и финальная фраза о выдаче жидов и комиссаров, куда же без нее. Правда, к чести этих людей, никто не бросился выпихивать из строя товарищей. Хотя ведь было кого, наверняка.

Нет, вряд ли здесь были комиссары. Даже офицеры (здесь и сейчас их называли командирами, но – какая разница?) вряд ли были. Сергей уже успел расспросить кое-кого и знал, что рассортировали пленных сразу же и всех, от лейтенанта и выше погнали в другой колонне. Здесь же рядовые да сержанты. Ну, и несколько гражданских. Так что комиссаров нет, а вот евреи.

Немец шел вдоль шеренг неторопливо, уверенно. И тыкал своей палкой. К тем, на кого он указал, тут же подсакивали солдаты и выдергивали из строя. Что же, стоит признать, дело свое фриц знал отменно, у всех, на кого он указал, а было их четверо, признаки семитской крови были, что называется, на всю рожу. Правда, Хинштейна пропустил, но у того во внешности еврейскими можно было назвать разве что темные вьющиеся волосы. Изрядное облагораживание русской, шведской и еще хрен знает какой кровью явно пошло ему на пользу. И спасло жизнь, во всяком случае, на какое-то время.

Немец посмотрел на испуганно сжавшихся евреев, чуть дернул уголком рта и махнул рукой. Тут же подошел солдат, таща на плече целую связку лопат. Бросил под ноги пленным. Офицер снова заговорил, и переводчик заорал:

– Господин офицер спрашивает, кто согласен выкопать для них могилу?

Строй молчал. Немец вновь дернул губами, повернулся к евреям и заговорил:

– Те из вас, кто выкопает могилу для всех этих русских, будет отпущен.

Скорость, с которой евреи подхватили лопаты и начали рыть в указанном им месте, впечатляла. Правда, заглубиться им позволили несильно. Немцы отобрали лопаты, пинками отогнали евреев чуть в сторону. Офицер вновь повернулся к строю:

– Ну что, видели, кто они такие? Кто согласен копать им могилу?

Шагнул вперед один, второй, третий... С десяток человек, не меньше. А еще через несколько минут работа кипела, яма углублялась буквально на глазах. Ну а когда закончили, то в нее евреев и положили. Выдали копавшим винтовки, русские, трофейные – этого добра тут похоже, было в избытке. Дружный залп – и вот могилу уже закапывают⁴.

А киношники-то работают... Краем глаза Сергей видел, как возле камеры бодро крутится оператор, с невероятно деловым видом снимая все, что происходит, и с невероятной сноровкой меняя коробки с пленками. Работают, стараются, отрабатывают свое жалованье. Пропаганда у фрицев, как ни крути, на уровне и переднем крае местного научно-технического прогресса. Сняли и расстрел, и несколько дублей прохода военнопленных с разных ракурсов. После этого тех, кто участвовал в расстреле, увели, остальных же пригнали к танкам.

Вот здесь началось самое интересное. Немцы бодро прогнали перед камерой свои танки, затем принялись снимать трофейную технику. После съемок, разрешив наконец пленным сесть, растащили ее в сторону и вновь принялись снимать, но уже совсем другое кино. Для начала один из БТ поставили на пригорке, расставили камеры, на этот раз несколько штук. После этого Pz-IV, разогнавшись, ударил БТ в борт и сбросил его вниз. Получилось достаточно эффектно – многотонная машина перевернулась в жутким грохотом и улетела с крутого склона. Башня, вылетев, закувыркалась отдельно и где-то на середине пути застряла, воткнувшись пушкой в землю.

Потом сожгли броневики – те, что уже и так были поджарены. Крупным планом покажут небось... Затем снимали немецких солдат, рассматривающих танки, засовывающих руки в пробоины и забирающихся на броню. Словом, полноценная боевая кинохроника, рассчитанная на нестойкие обывательские мозги.

– Кто из вас умеет водить броневик?

Офицер выглядел донельзя довольным происходящим. Видимо, переводчик это чувствовал и разве что хвостом не вилял, дабы угодить хозяину. Смотреть на это было противно... Однако мнение Сергея никого сейчас не волновало. Чуть оттерев его плечом, встал и шагнул вперед невысокий коренастый мужик в комбинезоне.

– Я умею... господин офицер.

– Гут, гут...

Задача выглядела простой. Сесть в оставшийся броневик, проехать несколько десятков метров, а в это время танк в него выстрелит. Водителю предполагалось надеяться на то, что снаряд его не убьет. Угу, как же. Однако немецкий сержант, в отличие от простых солдат вооруженный не винтовкой, а неплохо знакомым по советскому кино автоматом, молча ткнул стволом в пузо водителю. Ну, вот и все, цинично подумал Сергей. Думать надо было, а не лезть вперед остальных. А теперь или крути баранку, или получишь пулю не сходя с места.

Броневик завелся с ужасающим треском. Интересно, у него глушитель оторвало, или его изначально не было? Тем не менее, с места машина взяла резво, и почти сразу танк, не «четверка», правда, а другой, с орудием заметно меньшего калибра, шевельнул башней, лоя бронемашину в прицел. Бах!

Как оказалось, танковое орудие, по сравнению с теми монстрами, что родились после войны, совсем вшивенькое, бабахать может на редкость громко. По ушам словно молотком врезали. А вот результат оказался каким-то невпечатляющим. Бабахнуло несильно и вдобавок

⁴ О таком случае в свое время автору рассказывал побывавший в плену ветеран. Достоверность пусть остается на его совести, но во вранье человек ни до, ни после того случая замечен не был.

далеко в стороне. Броневику вильнул и дальше пошел грамотно, то ускоряясь, то замедляясь и виляя, как пьяный. Танк рыкнул еще раз, с тем же результатом, после чего офицер безо всякого страха зашагал наперерез броневику.

Сергей вполне серьезно ожидал, что сейчас обшитое броней чудо отечественного автопрома сметет фрица, как бумажного. Все же, сколько бы грязи не вылили на красноармейцев в девяностые, они все равно оставались символом мужества и храбрости. И таран наглого фашиста в это мироощущение вписывался идеально. Переводчик, видимо, думал так же, поскольку стоял рядом с патроном совсем недолго, сиганув в кусты не хуже чемпиона по бегу. А немец стоял. И броневику, скрежетнув допотопными тормозами, замер, не доехав до него метра полтора, не более.

Пока офицер через подоспевшего, выглядящего помятым, но ни разу не сконфуженным переводчика объяснял вылезшему из броневика водителю, что надо делать, Сергей переосмысливал свои знания. Похоже, не так много они весили – реальность оказалась грубее и куда безысходнее, чем выглядела изначально. И вообще, много ли правды было в тех обрывках знаний, что задержались в уголках памяти, оставалось только гадать. Впрочем, развить мысль и окончательно погрузиться в омут комплекса неполноценности Сергей не успел – начался второй акт марлезонского балета.

На этот раз броневику не пытался демонстрировать чудеса на виражах, а тупо пер на небольшой скорости. И все равно с первого выстрела танк не попал. Видимо, с прицелами у них было далеко не все так здорово, как любили расписывать диванные знатоки тевтонского гения. Зато следующий...

Как водитель сумел почувствовать, что сейчас в него попадут, и, распахнув дверь, выпрыгнуть из броневика, так и осталось для Сергея тайной. А в следующий момент борт машины брызнул искрами, как от электросварки. Двигатель ее заглух почти сразу, прокатившись по инерции еще несколько метров, броневику уткнулся в кочку и замер, чуть накренившись. А потом загорелся, не так, как в кино, а куда медленнее, но все равно ярко. Судя по тому, как побежали в сторону язычки жидкого огня, снаряд пропорол бензобак.

– Гут, гут, – офицер шел к медленно поднимающемуся отряхивающему комбинезон водителю и неторопливо, демонстративно хлопал в ладоши. – Гут.

Что он говорил дальше, Сергей не слышал, их отогнали немного в сторону, чтобы в очередной раз немного передвинуть декорации. Однако, судя по тому, что водитель к их компании вернулся с буханкой хлеба под мышкой, им остались довольны. Ну а потом шоу продолжилось.

Человек пять загнали в Т-28. Лезть в изрядно покалеченный стальной гроб народ совершенно не жаждал, однако приклады винтовок и тяжелые сапоги, которыми немцы очень ловко поддавали отобранному персонажу под ребра, живо продемонстрировали всем, кто тут самый главный папа. В считанные минуты эрзац-танкистов упаковали в бронированный гроб, после чего шустро облили бензином и подожгли.

Горел танк красиво и впечатляюще, куда там броневику. Люди из него выскочили как ошпаренные. Точнее, как поджаренные – тот, который вылез последним, покатился по траве, сбивая пламя с одежды, но безуспешно. Видать, на нее тоже попало бензина. Вопли его слышны были издали. Потом коротко хлопнула винтовка, и крики разом оборвались, только осталось возле танка вяло чадящее тело, больше всего похожее на грудю тряпья. Остальные разом остановились, задрал руки вверх... А потом грохнуло!

Очевидно, немцы не слишком хорошо проверили трофейную технику. А то и вообще не проверяли. И, очень похоже, в танке осталась часть боезапаса. Рвануло не то чтобы очень знатно, однако громко. Башня Т-28 подскочила на полметра вверх и брякнулась обратно, заметно перекосившись. Огонь выплеснулся в стороны и вниз, будто при запуске ракеты с Байконура. Как в старых хрониках, только не так масштабно. На совесть изготовленный корпус от внутреннего взрыва не развалился, выдержал, но вырванные из бортов заклепки полетели

в разные стороны будто пули. Двое из стоявших с поднятыми руками получили свое тут же – одному импровизированной картечью снесло полголовы, второй тут же вскочил и затанцевал жутковатый танец, неестественно выгибаясь. На грязной гимнастерке, на спине, растекалось пятно крови. Вновь хлопнула винтовка, раненый упал, дернулся пару раз и замер. Судя по громким выкрикам и жестикуляции, оператор был доволен.

На этом съемки закончились – набежали тучки, мелкие, но противные, начал брызгать дождик, и оператор махнул рукой – шабаш, значит. После этого людей вновь загнали в сарай. Правда, едой в этот раз не слишком озаботились, бросив вслед им несколько ковриг свежего, еще теплого хлеба. И – все.

– Надо валить, – на этот раз Игнатъев подошел к Сергею почти сразу, благо в сарае было малость светлее, чем вчера. Тучи расползлись, а солнце стояло еще достаточно высоко, и его лучи пробивались через щели в крыше. – Надо дергать, а то им завтра и массовый расстрел заснять может захотеться.

– Согласен. Только как?

– Пока не знаю. Придумаем что-нибудь.

– Придумаем... Собачек в виду имей. Любого из этих уродов я скручу, да и ты, наверное, тоже, а вот собак обманывать меня не учили. Да и ты это вряд ли умеешь.

– Эт-точно Кстати, а справишься ли?

– Справлюсь. Я всегда хотел чемпионом стать по боям без правил, тренировался хорошо.

– И чего ж не стал?

– Обстоятельства, – неохотно ответил Сергей. – Дрался в... одном месте. Ну и свернул кое-кому шею. Он меня так презирал, что даже не размялся перед боем. Ну и пострадал. Он на полгода в кому, мне – год условно, как-то так.

– Бывает, – глаза достаточно привыкли к здешнему паршивому освещению, чтобы рассмотреть кивок Игнатъева.

– Меня больше удивляет, что Востриков с Ковальчуком на шею фрицам не кинулись. Востриков же у нас либерал, а их ориентация.

– Угу. Ориентация. Во всех смыслах. Только ему по хребту вчера прикладом съездили, и он пребывает в депрессии.

– За что они его так?

– Да он к ним целоваться полез. Ну а они его, наверное, за гомика приняли. Хорошо еще, не расстреляли – мне дед рассказывал, у них с такими не церемонились.

– Может, он и впрямь? – Сергей выразительно шевельнул пальцами, сообразил, что собеседнику не видно, но Игнатъев понял – он вообще был догадливым.

– Не знаю, мне как-то все равно.

– А Ковальчук?

– А что Ковальчук? Не гомик уж точно.

– Я не о том.

– И не фашист. Или ты думаешь, что на Украине все «цэвропейцы»? Забудь, там народ всякий есть. Дураков, правда, больше, чем нужно. Оно и понятно, кстати, умные давно к нам уехали.

– Да? Ну, посмотрим. В любом случае, придется ждать темноты.

Темнота в сарае вновь наступила куда раньше, чем на улице, но, к счастью, часы у них вчера не отобрали, а потом Сергей засунул их во внутренний карман. Остальные, кстати, поступили так же. Сейчас мягко светящиеся в темноте стрелки пришлось очень кстати. Без них во времени можно было запросто «потеряться».

А вообще, немцы вели себя на диво безалаберно. Не обыскали даже. Наверное, бдительность конвоиров усыпило испуганное безразличие тех, кого они гнали. К тому же второй эше-

лон – это почти всегда не самые лучшие солдаты. Лучших на такие задания и не пошлют. Ребята-тишки, конечно, на вид крепкие и спортивные, ну да это заслуга не армии, а высокого уровня общего спортивного воспитания – перед войной немцы капитально вкладывались в молодежь. Это все были, конечно, рассуждения, но как рабочую гипотезу их можно было принять. Впрочем, и размышлять об этом имело смысл, лишь убивая время, которое текло медленно, будто густая еловая смола.

Итак, конвоиры прохлопали ушами. Причем не только содержимое карманов, но и не самую обычную для этих мест одежду и даже совершенно неизвестные в этом времени кроссовки. А ведь его обувь фриц, что ногу вправлял, в упор видел. Однако же и впрямь не самые лучшие солдаты. Затем марш по пыли – и все, под ее слоем особенности цвета и кроя нивелируются и внимания уже не привлекают.

Те умники, которые подъехали вечером, конечно, из другого теста. Не волки – но и не шавки, серьезные профессионалы, приданные группе пропагандистов, это понятно. Однако тут сработал немецкий орднунг. Пленных к ним пригнали – стало быть, они уже проверены, и нечего тратить силы, контролируя работу другого ведомства. За это, что называется, не платят. Ну что же, в кои-то веки немецкий порядок спровоцировал бардак, хоть что-то радует.

Он все же задремал, и из странного, неприятного «зависания» между сном и явью его вывел несильный, но чувствительный тычок локтем под ребра.

– Эй, ты что там, заснул?

Голос Игнатьева был слегка раздраженным. Сергей взглянул на часы – ну да, уже скоро полночь, пора начинать работать, если они хотят все же отсюда убраться. Осторожно сместившись в сторону, он достал нож – все равно ничего лучшего под рукой не наблюдалось. Зато там, где он только что сидел, была мягкая земля – специально вчера смотрели-выбирали.

Копали вдвоем с Игнатьевым, потом их сменили Ковальчук с Хинштейном. Последний, насмотревшись на то, что ждет его, если немцы вдруг узнают его национальную принадлежность, и впечатленный до глубины души, работал с бешеным энтузиазмом. И неудивительно, что именно он, потеряв осторожность, разбудил какого-то дрыхнувшего по соседству хмыря.

– Вы что тут делаете, а?

Наверное, в прошлой жизни этот человек был страусом. У той птички глаза больше мозга, и у него, похоже, имелась та же проблема. Игнатьев прошипел:

– Заткнись, мы отсюда валим.

– Вы что, с ума сошли? Сбежите, а с нас потом за это спросят.

– Так беги с нами, болван.

– А ну, перестаньте рыть. А не то я охрану позову.

– Знаете, вы так говорите, будто у вас через пятнадцать секунд нос будет сломан, – включился в разговор Сергей.

– Чего-о?

– Успокойся, местная интеллигенция к культурному обращению непривычная. С ними надо вот так, – сказал Игнатьев и зарядил возмущенному аборигену в лоб. Тот возмущенно хрюкнул, свел глаза к переносице и осел. – Проще надо быть, проще, и люди к тебе потянутся.

Однако дело свое оглушенный сделал. По соседству заворчалось сразу несколько человек, еще ничего не соображающие, но шум поднять вполне способные. Пришлось работы срочно прекратить, хотя яма уже достигла в глубину полуметра, и, учитывая отсутствие фундамента, до свободы было не так уж далеко. Но, увы, требовалось подождать, когда люди вновь заснут – судя по общему настрою пленных, они вполне могли попытаться воспрепятствовать побегу.

А потом негромко лязгнул засов, и ворота приоткрылись. В неверном свете луны появившийся на фоне тускло освещенного проема силуэт опознать было сложно. А вот голос...

– Орлы, вы здесь долго прохлаждаться собираетесь?

– Палыч! – выдохнул Игнатъев, как-то разом обмякнув, что для этого немаленького человека выглядело неожиданно. Мартынов весело хмыкнул:

– Я, я. Пошли уже.

– А... собаки?

– Какие собаки? Бегали тут две, а больше не было, местных бобиков фрицы еще вчера постреляли.

Вот так пенсионер, подумал Сергей, выбираясь наружу. Мартынов выглядел, как всегда, словно и не было бегства, почти двух суток странствий непонятно где и непонятно куда девшихся собак. Как он с ними справился? И не только с ними. На плече боевого пенсионера висела немецкая винтовка, еще три были прислонены к стене – похоже, об охране теперь можно не беспокоиться.

– Оружие разобрали – и бегом, бегом...

– Александр Павлович, – как ни странно, голос Вострикова звучал практически спокойно. Похоже, все происшедшее неплохо способствовало его душевному равновесию и образу мышления. А также инстинкту самосохранения и вежливости. – Я предлагаю...

– Сдаться? – зло хмыкнул Сергей.

– Молодой человек, не лезьте с глупыми шутками, когда старшие разговаривают. Александр Павлович, помните писателя Курочкина? «На войне как на войне» написал. Фильм по этой книге еще сняли...

– Ну, помню. Быстро говорите, что хотели, у нас времени не вагон.

– У него еще одна книга была, там описывалась ситуация – почти копия нашей. Там пленные сбежали на танке, а здесь техники – как грязи. В немецких тылах бардак жуткий, сплошной линии фронта нет, вполне можем уйти. А пешком нас живо догонят.

Вот так, слово сказано. Русские – наши, немцы – враги. Перевоспитывается либерал. И кто сказал, что прикладом по хребту – это непедагогично?

– Этот металлолом? – в голосе Мартынова звучало неприкрытое сомнение.

– Кое-что немцы заводили, и оно ездило.

– Да видел я. Но управлять этими танками я не умею.

– Может, кто из них умеет? – Востриков махнул рукой за спину. Все непроизвольно обернулись – и увидели тех самых пленных, которые сейчас неуверенно выбирались наружу. Мартынов зло выругался, потом шагнул вперед:

– Ладно, думать некогда. Эй, вы! Кто умеет управлять танком?

После короткого замешательства вперед протолкнулся тот мужик в комбинезоне, что недавно рулил броневиком. Потом какой-то парень лет восемнадцати, худой и ушастый настолько, что с него можно было писать портрет Чебурашки. Потом еще двое. Мартынов кивнул:

– Разобраться с техникой. Проверить, что живое, а что – не очень. Но не вздумайте без меня ее заводить – немцы рядом. И, если вдруг найдете снаряды, не пытайтесь их испытать. Альберт, Петрович. Берете винтовки и сторожите это стадо, чтоб у них в очке шило не завибрировало. Игорь, бери винтовку. Сергей, Володя, вам пока оружия нет. Сами добудете. Ты, – палец уперся в водителя. – Пойдешь с нами. Все, все, пошли. Время дорого.

Игнатъев подхватил винтовку, забросил ее на плечо. Сергей, переглянувшись с Ковальчуком, пожал плечами. А куда деваться? Если оружия нет, то и вооружаться им нечем. Хорошо еще, нож сегодня не до конца затупил.

– Александр Павлович, – Востриков, похоже, не мог отделаться от интеллигентской манеры обращения, что, впрочем, было не так уж и плохо.

– Ну, чего еще? – обернулся Мартынов.

– А как с винтовкой обращаться?

– Молча. Ох, горе мое. Смотрите. Это – винтовка системы Маузера. Если конкретно, Маузер девяносто восемь курц. В смысле, укороченный. Пользоваться им довольно просто... – Мартынов ловко разрядил оружие, потом вновь его зарядил. – Целимся и стреляем. В общем-то, все. Главное, затвор от грязи беречь, это вам не Калаш, а точная немецкая механика. Повторите.

Через пять минут и несколько попыток разной степени успешности он с сомнением покачал головой и вздохнул:

– Ладно, справитесь... я надеюсь. Имейте в виду, патрон очень мощный, отдача соответствующая. Лягается, как лошадь, так что не пугайтесь. Все, пошли, время дорого.

До площади они добрались минут за пять. Хотя на дворе и стояла ночь, однако мрак нельзя было назвать непроглядным. Так, очень густые сумерки, кассовый фильм про вампиров в таком антураже не снимешь. Шли не особо и таясь – собак в деревне все равно не осталось. Немцы тоже не попадались – они были еще непуганые, так что ничего похожего на патрули организовать даже не пробовали. Заняли то двухэтажное здание – за этим процессом Мартынов специально наблюдал, пока не стемнело, выставили единственного часового, и все. Часовой, правда, не пытался куда-нибудь присесть, а бродил туда-сюда перед импровизированной казармой, но с ленцой, неторопливо. Бдительностью здесь и не пахло.

На площади стояла техника – три танка, три грузовика. В одном танке безмятежно дрых механик-водитель, сам внутри, ноги торчат из люка. Богатырский храп разносился над площадью, и даже звенящие в воздухе комары не могли нарушить эту идиллию... Мартынов ткнул пальцем в часового, потом в танкиста:

– Этих снимаем, забираем оружие, потом зачищаем здание. Их там, на самом деле, не так и много. Еще полторы дюжины солдат, офицер и оператор. Справимся, если не будем мешкать.

– Понятно, – Сергей потер отчаянно зудящее ухо. Кого-кого, а лично его комары успели достать. – А где эти... которые в расстрельной команде были?

– Их отдельно разместили. В сарае наподобие вашего. Заперли – не очень, видать, доверяют. Только что часовых не поставили. И правильно, куда им сейчас бежать? За такое свои расстреляют.

– Ага. А... оружие? У них была целая куча нашего, трофейного.

– Да какая там куча – всего ничего. Вон, в кузове одного из грузовиков лежит. Только какого именно, хоть убей не знаю. Они его туда побросали, а в какой последовательности здесь, на площади, машины поставили, хрен поймешь. Я этого не видел.

– Жаль. Ладно, тогда мой – танкист.

– Почему?

– Там неудобно драться, Игнатьев не повернется, у него комплекция не та, а Володя, насколько я успел понять, рукопашным боем не занимался.

– Штангой я занимался, – буркнул Ковальчук.

– Во-во, Геракл из тренажерки. Бицепсы накачал, а рефлексов нужных нет.

– Да я тебя вместе с твоими рефлексами...

– Цыц! – шепотом рявкнул на них Мартынов, на корню прерывая начавшуюся было перепалку. – Заткнулись, придурки, живо! Сергей, точно справишься?

Хромов посмотрел на сапоги фрица, прикинул, что тот если и крупнее его, но совсем ненамного, и кивнул:

– Сделаю.

– Ну смотри тогда. Я снимаю часового, ты сразу глушишь своего клиента. Вперед!

Подбираться к танку оказалось неожиданно страшно. И пускай часовой никак не мог увидеть Сергея, а танкист продолжал разводить свои рулады, что с того? Умом свежее испеченный диверсант понимал, что это нервы. Просто вдруг пришлось самому принимать решения.

Никто не стоит сзади, не руководит, повернешь ты направо или налево, зависит только от тебя. Вроде ничего особенного, однако когда рядом находился Мартынов, было как-то спокойнее.

А еще, Сергею никого не приходилось раньше убивать. Да, тренировался, потом дрался до кровавых соплей и зубов на полу. Но вот убивать... Он спортсмен, а не спецназовец, и до недавнего времени не помышлял даже о том, чтобы оказаться в центре самой жуткой войны в истории. И это тоже давило, как бетонная плита. Черт, он даже в армии не служил, из-за судимости, а потом благодаря статусу студента. Черт!

Но комплексы комплексами, а процесс запущен и идет независимо от твоих на него взглядов. Тем более, винить некого, сам вызвался. Вот он танк, а вот и ноги фрица. И как его прикажете наружу извлекать, спрашивается? Бросив короткий взгляд в сторону казармы, Сергей увидел, как вдруг медленно и бесшумно, словно во сне, начал оседать часовой. Интересно, чем его так? Что же, пора, времени на рефлексии больше нет.

Подумав еще секунду, он с силой толкнул обутую в сапог ногу танкиста.

– Курт. Ку-урт...

Немец завозился, повернулся на бок и попытался было заснуть вновь. Пришлось толкнуть его еще пару раз. Наконец, убедившись, что его в покое не оставят, танкист заворочался и, судя по звуку, обо что-то приложился башкой. Из танка донеслась приглушенная броневой коробкой брань. Ну, это и без перевода можно понять. Что-нибудь вроде «козел», «дебил» или еще какой эпитет. И довеском к этому, скорее всего, нечто вроде «какой я тебе Курт». Сергей весьма сомневался, что угадал с именем, выбрав из всего их многообразия единственно верное.

Наконец танкист начал выползать из своего металлического гроба. Вначале окончательно выдвинулись ноги, потом тулово, башка... А потом Сергей рывком выдернул немца и... не дожидаясь, пока тот сообразит, что происходит, в лучших традициях бокса пробил классическую «двойку». Немец охнул и обмяк.

Оставалось спеленать пленного его же ремнем, что с непривычки получилось не больно-то сноровисто, и запихать ему в рот импровизированный кляп, реквизируя для этого у него из кармана носовой платок. Шикарная, кстати, тряпка, у иных хозяек полотенца меньше бывают. Все, забрать пистолет – и бегом к своим, которые уже нетерпеливо переминаются с ноги на ногу.

– Чего так долго?

– Пока связывал, провозился.

– Какого хрена? – Мартынов едва не шипел. – На кой нам пленный?

– У нас три танка. Уверен, что этот, – Сергей ткнул пальцем в их танкиста, похоже, из-за многократно и стремительно меняющейся ситуации до сих пор не вполне осознающего, что происходит, – сумеет разобраться с трофеями. Я – не очень, а бросать исправные танки считаю глупым.

Непонятно, поверил Мартынов его словам или сообразил, что новобранцу кровь пустить духу не хватило, черт знает. Тем не менее, аргументацию он принял, кивнул, соглашаясь, и спросил только:

– Оружие взял?

– Да, – Сергей показал ему пистолет.

– А автомат?

– Какой?

– В танке должен быть автомат, это их штатное оружие. Ладно, я виноват – не предупредил. Давай пушку, – Сергей протянул ему оружие. – Так, это вальтер. Нормальный агрегат, надежный. Вот так вставляешь обойму, так снимать с предохранителя, патрон досылаешь таким образом... Все, можешь стрелять. В обойме восемь патронов. Сейчас, значит, семь и один в стволе. Запасную обойму взял? Молоток. Ну, будем надеяться, она нам не понадобится.

– Возьми лучше ты, в доме пистолет удобнее всего, а ты единственный, кто умеет им владеть.

Мартынов задумался на миг, потом кивнул, как показалось Сергею, с некоторой долей уважения и взял оружие. Вместо него протянул винтовку, предупредив, что она готова к бою. Шевеление пальцем – и выстрелит, с этим любой дурак справится. А большего, даст бог, и не потребуется.

Вообще, штурмовать набитое солдатами здание абсолютно неподготовленной, не умеющей совместно работать и даже толком не владеющей оружием группой – дурь несусветная, это даже Сергей понимал. Мартынов, впрочем, разбирался в вопросе как минимум не хуже. И пошел он один, приказав товарищам сидеть под окнами и караулить, чтобы никто не вздумал бежать. Убедился, что приказ выполняется, махнул рукой и бесшумно, как призрак, скользнул внутрь здания. И даже тяжелая, разохшаяся дверь не скрипнула.

Прошло всего-то пять минут, а показалось – вечность. Стрелки часов будто остановились. А потом раздался дикий вопль, и из окна второго этажа едва не на голову Сергею выпрыгнул немец. Свалился, будто мешок, но тут же вскочил, очумело мотая головой. Был он босиком, в одном белье и без оружия, но винтовки в руках студента не испугался и сориентировался мгновенно. Это вам не бургер с турецкого курорта. Пользуясь малой дистанцией, с завидной сноровкой отбил предплечьем левой руки ствол в сторону и тут же пробил в лицо с правой.

Сергею показалось, будто в голове у него взорвалась граната. Следующее, что он увидел, уже лежа на земле, было, как немец нагибается за оружием, распрямляется, держа винтовку привычно, словно продолжение собственных рук, и тут позади него из темноты вырывается сноп огня, раздается грохот, и фриц валится навзничь.

– Серега, ты как? Живой?

– Живой, – прохрипел Сергей, неловко пытаясь встать. Игнатъев – а это был он – нагнулся, подхватил товарища за шиворот и рывком вздернул на ноги. – Спасибо...

– Должен будешь. На, держи, – Игнатъев сунул ему в руки винтовку. – Только не теряй больше.

– Постараюсь, – Сергей пощупал языком шатающийся зуб. – Мать его, как больно-то. Да откуда этот урод взялся...

– Потом ругаться будешь...

Это Игнатъев сказал, уже возвращаясь на позицию, и он был прав. Надо было доделать то, ради чего они сюда пришли. Однако никто больше не вопил и из окон не прыгал. Лишь треснуло несколько pistolетных выстрелов, да прозвучала короткая, словно на полпути захлебнувшаяся, автоматная очередь. Ну а еще через несколько минут отворилась дверь, на сей раз с ужасающим скрипом.

Наученный горьким опытом, Сергей мгновенно развернулся и чудом удержался от того, чтобы не выстрелить. С другой стороны этот же подвиг совершил Ковальчук. Сзади, громко топая, бежал Игнатъев. Впрочем, Мартынову тоже хватило ума не лезть сразу. Вместо этого он вначале крикнул, чтобы не стреляли, а уже потом вышел, стволом pistolета толкая промеж лопаток двух уныло бредущих немцев – офицера и киношника. У первого оказалась сломана левая рука, у второго наливалась видимой даже в ночи синевой огромная, на пол-лица, гематома.

Сам Мартынов выглядел до безобразия довольным, а для своего возраста еще и невероятно бодрым. И прибарахлиться успел, на правом плече висел автомат, за пояс, по-пиратски, заткнул два pistolета – такой же вальтер, как добытый Сергеем, и второй, похожий, но более архаичного вида. Не чуждый образования Сергей определил его, как парабеллум.

– Ну что, орлы, принимайте, – ухмыльнулся Мартынов и дал пинка недостаточно расторопному оператору. Тот злобно зашипел, как огромный кот, но вслух огрызнуться не осмелился. – Как вам добыча?

– Да ты крут, Палыч, – в тон ему ответил Игнатъев. – Слушай, ты кто такой вообще, а?
– Зовите меня Терминатором, – замогильным голосом отозвался тот, самым тоном давая понять, что это шутка. Однако разговор легко и непринужденно перевел в другую колею. – Сергей, за пистолет спасибо, пригодился. На, держи, – в ладонь студента легла уже знакомая рукоять. – И это тоже, – доведком к вальтеру последовала по-немецки аккуратно сделанная пачка патронов. – Я тебе потом покажу, как он разбирается-чистится.

Утро они встречали уже в новом статусе. Расположились на площади да подсчитывали трофеи, которых набралась целая гора. Ну и обдумывали, как жить дальше, заодно переваривая плотный завтрак и информацию, полученную от пленных немцев.

Действительно, их сюда пригнали для съемок «правдивой кинохроники». Почему именно сюда? Да потому, что здесь лишних глаз, которые потом могут обернуться воплями о постановочных сценах, можно не опасаться. Не то чтобы это кого-нибудь особо волновало, но пропагандисты Третьего рейха, похоже, были весьма озабочены собственным имиджем в глазах потомков. Небольшая же группа солдат, участвующих в массовке и охране, погоды не делала. Подписка о неразглашении да премиальные – и делу конец. Местные же... А что местные? Кому какое дело до унтерменшей? И уж тем более до пленных, которых можно вывести в расход сразу по окончании процесса?

Кстати, эти самые местные выглядели крайне недовольными – и тем, что их объедают, и самим фактом происшедшего. Рано или поздно немцы сообразят, что от киношников слишком долго нет вестей, и погонят людей их искать. Тогда жителям деревни не поздоровится. Впрочем, данное обстоятельство Сергея не особо волновало. В конце концов, у них хватает времени, чтобы, собрав весь необходимый скарб, уйти в леса, благо, они тут достаточно густые. Ну а раз сидят на месте, значит, расклады их устраивают. И тот факт, что для партизанской активности время еще не пришло, особой роли не играет.

Зато оживились пленные красноармейцы. От шока наконец отошли, поели, как белые люди, выпили местного самогона, вонючего, но забористого, и теперь слонялись по площади. За ее пределы, правда, не выходили. Короткого, но злобного рыка Мартынова оказалось достаточно для того, чтобы все четко уяснили границы дозволенного. Альфа-самец, блин...

А вот те, кто вчера оказался в расстрельной команде, заметно приуныли и сидели тихо-нечко, явно надеясь, что их забудут. Черта с два, не забыли, но... Но и устраивать им репрессии не собирались. Мартынов сказал, что когда они покинут деревню, то предоставят морально нестойких красноармейцев своей судьбе. Когда выберутся, как вылезут, куда пойдут – их дело. Остальные согласились, и лишь Хинштейн попробовал возмутиться. Однако Ковальчук осадил его одной-единственной фразой: «Видели мы, что от вас, жидов, ожидать можно». Хинштейн заткнулся, лишь злобно сверкая глазами, но в открытую больше не протестуя.

Откровенно говоря, Сергей понимал, что неожиданное мягкосердечие, проявленное Мартыновым, исходит не от его нелюбви к евреям, а от банального нежелания мараться. Но сказанное их боевым хохлом тоже имело право на жизнь, и никто не пытался спорить. Какая-то крупица истины, судя по вчерашнему, в его словах однозначно имелась. Зато удивил сам Ковальчук.

Вначале он выпил неожиданно много. Стакана три на рыло, почти не закусывая. Потом проблевался в кусты. Потом впал в истерику. С ним поговорили и, несмотря на всхлипывающие матюги, смогли понять, что произошло.

Шок у парня. Только не из-за стрельбы – это для того, кто застал развал страны и, пусть даже самым краешком, гражданскую войну, мелочи. Просто так получилось, что обработка мозгов у хохлов была поставлена не то чтобы особо качественно, а, скорее, массово и грамотно. И, когда родители (не у самого же Володи хватило мозгов свалить с Незалежной) дернули в Россию и вывезли детей, определенное мировоззрение у парня уже сформировалось. Позже

оно малость трансформировалось под влиянием уже российской пропаганды, но до конца так и не умерло. Ну а вчера, посмотрев на творимый немцами беспредел, Ковальчук банально перестал понимать, кому верить и как жить. Культурный шок у человека случился, бывает. Ломка понятий вообще страшная штука. В общем, налили парню еще стакан и отправили отсыпаться, чем он сейчас и занимался, немелодично храпя в комнате на первом этаже. Остальным же работы хватало, и это было не только обсуждение стратегических планов.

Для начала вышвырнули из дома тела всех немцев. Мартынов расстарался, да уж – большинство были убиты ножом, а двое, похоже, и вовсе голыми руками. Кто он вообще такой, черт возьми? Однако убивал крутой пенсионер, а убирать пришлось всем остальным. Заодно и трофеями обзавелись. Правда, куда более ценным, чем оружие, Сергей счел кучу бритвенных принадлежностей из хорошей стали – щетина уже ощутимо кололась. В конце концов, оружия у них и так гора, а хорошую бритву найди, попробуй.

Оружия и впрямь набралось с избытком. Да что там с избытком – до хрена! Из танков, что стояли на съёмочной площадке, без проблем завели оба БТ, оказавшихся седьмой модели, с бензиновыми двигателями, и, немного помучившись, два Т-26. Что интересно, один – с двумя пулеметными башнями, а второй – с пробойной. Состояние его башни характеризовалось анекдотом о том, что «если б мозга была – сотрясенье бы случилось». На этих танках оборудования внутри был минимум, и при некоторой удаче малокалиберный снаряд из противотанковой «колотушки» способен был издыривить броню, не причинив вреда механизмам. Что, в принципе, и произошло, хотя тем, кто был в тот момент внутри башни, не поздоровилось. Запекшейся крови на броне хватало.

Оставшиеся «двадцать шестые» имели куда более серьезные повреждения, просто их вчера, с неудобного ракурса, не было видно. Впрочем, танкисты суетились вокруг и о чем-то активно спорили. Может, что и сделают – они вообще, получив конкретную задачу, оживились и стали вести себя, как нормальные люди. Ну, почти нормальные, хотя что является нормой для этого времени, пришельцы из будущего представляли довольно смутно.

Еще удалось завести то корыто с моторчиком, оказавшееся танкеткой Т-27. На это мотоцикло даже местные поглядывали с толикой презрения – втиснуться в него уже само по себе выглядело подвигом. Будет ли от него толк? Сомнительно, стоящая на узких гусеницах, да еще и лишённая пулемета, сейчас танкетка годилась разве что для разъездов.

Памятуя старую армейскую истину о том, что солдаты всегда должны быть при деле, Мартынов, которого все, не пытаясь оспорить, воспринимали как командира, тут же послал бывших пленных заниматься танками. Механикам помогать, башню дырявую от крови отмыть, запасы снарядов проверить. Они, кстати, имелись – в одном из БТ осталось аж под сотню. Почему немцы их не разгрузили? Версия напрашивалась только одна – планировали этот танк эффектно взорвать.

Кроме отечественной, имелись еще и три образца немецкой техники – «четверка», Pz-III и чешский «тридцать восьмой». Этого барахла у немцев, как пояснил разбирающийся в вопросе Мартынов, было чуть больше, чем до хрена – чехи на них работали самоотверженно и с полной отдачей. Пленный немецкий механик-водитель смотрел волком и вначале даже пытался лепетать что-то по поводу своей готовности выступить посредником и выторговать для своих пленителей условия получше, когда они будут сдаваться доблестному вермахту. В ответ на это Востриков, у которого, похоже, на фоне стресса прорезался талант психолога, извлек трофейную бритву и начал деловито примеряться к ушам танкиста. В общем, склонил к сотрудничеству, так что имелся шанс, что три пребывающие в идеальном техническом состоянии боевые единицы пополнят и без того запредельный арсенал.

Ну и вишенкой на торте – стрелковое вооружение. У немцев трофеями взяли полтора десятка винтовок, четыре автомата и восемь пистолетов – в основном вальтеры и парабеллум у офицера. Плюс в кузове грузовика нашлась целая гора – в основном винтовки Мосина, два

ручных пулемета с похожими на тарелки магазинами, пара наганов. Были и патроны, хоть и не слишком много. Все оружие, правда, требовало немедленной чистки-смазки, однако выглядело исправным. В общем, неплохой стартовый капитал.

– Ну, братцы-кролики, что будем делать? – задал риторический вопрос Мартынов, когда они, закончив ревизию, прервались на обед. Продуктов хватало – немцы, видимо, неплохо прошарились по здешним продовольственным закромам и набрали себе неплохой доппаек. С утра, кстати, уже приходил какой-то дедок, выбранный местными делегатом. А что? Вполне логичное решение, стариков уважают, а и грохнут – невелика потеря, он свое пожил.

Так вот, дедок интересовался, когда можно забрать реквизированное. Сергей еле удержался тогда, чтоб не послать его куда подальше. Однако Мартынов ситуацию разрулил, сказав, что когда они отсюда уйдут, что останется – пусть забирают. Угу, останется... Три грузовика и куча танков, всю деревню загрузить можно.

– А что, есть варианты? – вопросом на вопрос ответил Сергей, с интересом осматривая СВТ, покоровившую его сердце грутальным видом и блестящим, словно зеркало, штыком. Одна такая и нашлась, и, когда он, в придачу к двум вальтерам, прихватизировал и ее, никто даже не пытался возражать. Тем более, автоматов на всех не хватало, а таскаться с тяжелой и неудобной винтовкой никому особо не хотелось. – Валить отсюда надо. Вопрос только, куда и каким составом.

– Поясни мысль.

– Давайте уж, раз все равно думать о будущем, бабки подобьем. Пока время есть. Все согласны?

Дождавшись, когда народ единогласно (при одном воздержавшемся – Ковальчук по-прежнему дрых, полностью отрешившись от происходящего) одобрит предложение, Сергей продолжил:

– Вот смотрите. Нас сюда закинули...

– Я бы за такие шутки кое-кому яйца оторвал, – не удержался от комментария Игнатьев.

– За что? – Сергей искренне удивился. – Нас наняли для проведения эксперимента по выживанию – и ни словом не соврали. Больше того, мы все согласились с условием, что заранее место указано не будет. Единственно, насчет того, что забросят в прошлое, разговору не было – ну так мы сами не спросили. Формально все честно.

– Ты прямо еврей. Или адвокат, – буркнул Мартынов.

– Это одно и то же, – отмахнулся студент. – Но придраться и впрямь не получится.

– Ага, ага. Прямо как у моей сестры. Купила на рынке у бабки травку, от которой мужик всю ночь будет как кролик. Он и правда всю ночь, как кролик. В сортире просидел, катышками гадил.

– Во-во. И не придерешься. Но вопрос не в том. Для нас сейчас главное, что нанимали нас на год. То есть мы должны год продержаться, а потом выйти к точке сбора. Помните, на инструктаже об этом говорили?

– И что?

– А то, что до этого момента нас никто вытаскивать не будет. То есть через год мы должны оказаться там, где появились. А до того как-то выжить. Логично?

– Сейчас война, – хмуро бросил молчаливый до того Хинштейн. – Насколько я помню, через год здесь еще будут немцы.

– И это они говорили. Эвакуация – в одно и то же время ежегодно. Стало быть, не сможем через год – придем через два. Или через три.

– Ошалел?

– Нет, пытаюсь выстроить логическую цепочку. Но вот что будем делать и как выживать – это решать придется уже сейчас.

– А чего там решать? Забьемся в лес, перебедем как-нибудь.

– Альберт, у тебя бабушка не русская?

– А... да, а что?

– Много чисто русских, но устаревших оборотов используешь. Но не суть. Подозреваю, после нашей доблестной эскапады никто усидеть не даст. Будут ловить и мстить. Палыч, как думаешь?

– Не факт, – задумчиво отозвался Мартынов. – Совсем не факт. Но вероятность большая.

– Стало быть, надо уходить, и подальше. Вопрос только, где нам будет более-менее безопасно? Что делать с горой оружия? И с людьми? Если идем только сами – один вариант, если тащим с собой этих, – Сергей махнул рукой в сторону красноармейцев, – совсем другой. Три с лишним десятка человек, восемь танков, грузовики... Кстати, как с горючим?

– В деревне была МТС...

– Чего-о? – дружно вытаращились все.

– Машинно-тракторная станция, – ухмыльнулся Востриков. Именно ему поручили пройтись по деревне и определиться, что здесь есть, а чего нет. И представитель либеральной интеллигенции в сопровождении лица еврейской национальности вполне справился с задачей – опасность для собственной шкуры весьма подхлестывает деловые качества. – А вы что подумали?

– Ты продолжай, продолжай, – махнул рукой Игнатъев.

– Так себе станция, на пару тракторов. Но бензин есть. Не знаю только, будут ли его жрать движки этих, – он кивнул головой в сторону БТ, – монстров.

– А у нас есть выбор? Зальем, что есть.

– То есть куча более-менее исправной техники, – подытожил Сергей. – Люди, оружие. Куда только со всем этим идти? Или просто сжечь и бросить? И никакой связи! Ох, полцарства за мобилу!

– Размечтался, – усмехнулся Мартынов. – Но бросать технику, я считаю, не стоит. Неспортивно как-то.

– Значит, этих умников придется тащить с собой. Тех, кто сам захочет. И нечего на меня возмущенно смотреть – от сломавшихся, вроде того, который на меня донести хотел, только проблемы. Согласны? Тогда думаем. Потому что это чудо дизельпанка, – тут Сергей ткнул пальцем в сторону танков, – ни с какой стороны не вундервафля⁵. И, самое паршивое, наши даже без раций.

– Мне кажется, надо к нашим пробиваться, – хмуро сказал Игнатъев.

Идею раскритиковали в четыре горла. Если с тем, кто здесь «наши», вопросов не возникло, то прорываться к ним... куда? Где линия фронта? Как далеко? А главное, какие немецкие части попадутся им по дороге и сколько танков у них окажется? Притом, что прорывающихся окруженцев наверняка куча, немцы о них знают и со свойственной этому народу педантичностью отлавливают. В общем, прорваться можно, однако и риск при этом как-то не вдохновляет.

Хорошо еще, с местоположением удалось определиться. У немцев нашлись на удивление подробные карты, правда, малость устаревшие. Лет этак на двадцать. Читать их, не зная немецкого, оказалось неудобно, однако законы топографии едины, а потому справились – и Мартынов, и Игнатъев в этом неплохо разбирались. Так что, мобилизовав для уточнения непонятных и изменившихся моментов одного местного кадра, старшие товарищи принялись активно выстраивать новую стратегию.

Эрзац-проводник, хоть и был в том самом юном возрасте, который вроде бы обязан толкать человека на подвиги, особо напрягаться не желал. А хотелось ему сидеть дома, и чтоб не трогали. Неудивительно, впрочем – эти территории, как выяснилось, отошли к СССР всего-то пару лет назад. Однако, хотя советская власть и не успела пропитать крепкого телом, но тще-

⁵ Чудо-оружие (искажен. нем, совр. сленг).

душного мозгами аборигена духом коллективизма и взаимовыручки, пришельцы из будущего живо исправили это упущение. Впечатленный кулаком возле собственного носа, а также пониманием, что грамотно поставленный фингал способен закрыть весь мир, парнишка моментально проникся важностью задачи. Ну а местность вблизи своей деревни он знал неплохо, так что прогресс шел семимильными шагами.

Востриков и Хинштейн тоже времени даром не теряли. Эти двое, похоже, решительно подгребали под себя интендантскую часть. Что же, хоть об обеде можно было не беспокоиться. А Сергей, пользуясь моментом, попытался разобраться с доставшейся ему винтовкой.

СВТ-40 оказалась штукой на редкость хитрой. Во всяком случае, заклинило ее уже после третьего выстрела, и Мартынов здесь помочь ничем не мог. Он ее раньше видел, как сам проговорился, на Донбассе, но не более того, даже в руках не держал. Так что пришлось тряхануть красноармейцев, и среди них живо нашлось аж двое, ранее имевших дело с таким оружием. И оставшееся до вечера время Сергей посвятил ее освоению – оружие, убойное и скорострельное, было в то же время сложным и капризным. И даже тот факт, что образовательный уровень давал новому владельцу СВТ немалое преимущество перед вчерашними едва освоившими грамоту колхозниками, помогал несильно.

А под вечер в деревню влетели немецкие мотоциклисты.

Наверное, планида у Сергея была такая – оказываться в центре событий. Во всяком случае, если судить по количеству проблем, выпавших на его долю в последнее время. Когда первый мотоцикл влетел на площадь, он как раз сидел на крыльце и заканчивал возиться с винтовкой, гадая, правильно ли настроил газовый регулятор, или «Света», как называли оружие красноармейцы, опять решит показать свой норв. Учитывая, что солдаты, показавшие, как обращаться с оружием, и сами не блистали особыми навыками, вопрос звучал актуально.

Сидел он в гордом одиночестве – все уже расплзлись спать. А задумчивость и рассеянное внимание оказались плохими союзниками – он сообразил, что происходит, только когда немцы уже оказались в несчастных двадцати метрах от него, осадив свои мотоциклы, будто строптивых коней. Впрочем, надо отдать Сергею должное, он поступил на этот раз невероятно хладнокровно. Может быть, потому, что весь адреналин начисто пережег в прошлые дни, а сейчас вдобавок накатила усталость – за сутки он проспал всего-то часа три. Во всяком случае, попытайся он драпануть – и шустрые байкеры имели неплохие шансы изрешетить его. Как ни крути, веские автоматические аргументы как минимум у двоих имелись, а на переднем мотоцикле еще и пулемет в люльке был установлен. Три других транспортных средства подобным украшением похвастаться не могли, но Сергею и одного бы хватило за глаза.

Интересно, почему часовые не подняли тревогу, меланхолично подумал он, спокойно и неспешно, даже чуть замедленно вставляя магазин. Скорее всего, именно эта замедленность, никак не ассоциирующаяся с застигнутым врасплох врагом, и сыграла с немцами злую шутку. У них еще не наработался жизненно важный на Восточном фронте рефлекс – если видишь что-то непонятное, стреляй, а уж потом смотри, кого убил. Дослать патрон в ствол – так же неспешно... А потом упереть приклад в бедро и в автоматическом режиме выпустить по немцам весь магазин.

В этот момент Сергей на собственной шкуре почувствовал, насколько избыточна для ручного оружия мощь винтовочного патрона. И соответственно понял, почему стрелять так ему категорически не советовали. Тяжелую автоматическую винтовку мотнуло в руках не хуже пожарного шланга. Хорошо еще, собрал и отрегулировал оружие он правильно и «светку» не заклинило. Все десять пуль – увы, магазин был все же маловат – она выплонула в хорошем темпе, а промахнуться с такой дистанции довольно сложно.

Двоих немцев, тех, что сидели на переднем мотоцикле, попросту смахнуло. Одного насмерть, второй покотился по земле, оставляя в пыли темный след, вскочил, зажимая рукой бедро, и тут же рухнул. Все это Сергей отметил краем сознания – сам он уже сидел, укрываясь

за крыльцом, и лихорадочно перезаряжал оружие. На этот раз от спокойствия не осталось и следа, руки тряслись, и магазин никак не хотел вставать на место. Зато немцы не сплеховали.

По бревнам над головой Сергея словно барабанными палочками простучали. Странно даже, грохот выстрелов он почти не слышал, а вот звук, с которым пули врезались в плотную, немного потемневшую от времени древесину, по ушам бил отчетливо. Немцы палили из всего, что было, и если от автоматов, при всей их скорострельности, толстые доски крыльца неплохо защищали, то винтовочные пули протыкали их насквозь. Хорошо еще, плотность огня четыре винтовки обеспечить не могли, и распластавшийся на земле Сергей чувствовал себя практически в безопасности.

А вот пулемет у немцев пока молчал – он как раз на лишившемся седоков мотоцикле и был установлен. Пока молчал... Если немцы не идиоты – а в тупости их упрекать как-то глупо, дураки до самой Москвы не дошагали бы – они его сейчас шустренько задействуют, и, как говаривал незабвенный Пончик⁶, «прощай, любимая береза».

Закончив наконец перезарядку, Сергей, извиваясь ужом, подполз к краю своего укрытия и осторожно выглянул. Как оказалось, вовремя – один из фрицев уже вовсю крутился возле пулемета. Сергей выстрелил и, как ни странно, почти попал – мотоцикл дернулся и осел на спущенное колесо. Немец шарахнулся...

Позже студент не забыл с чувством похвалить себя за предусмотрительность. Вместо того чтобы устраивать перестрелку, он откатился в сторону – и очень правильно сделал. Угол крыльца словно взорвался, разом превратившись в дурашлаг. Фрицы лупили в то место, где только что находился стрелок, из всего, что у них было, а доски здесь, как оказалось, не держали и автомат. Дырок появилось много и сразу.

Точку в споре поставила граната, вылетевшая из окна. Обычная немецкая «колотушка» – у нее, вообще-то, время горения запала несколько секунд, но, видимо, бросивший сей метательный снаряд его малость придержал. Во всяком случае, рванула она еще в воздухе.

Вслед гранате короткими очередями заработал автомат. Пять секунд – полет нормальный! На земле остались трупы – и, в принципе, все.

– О, а вот и пулемет, – Мартынов толчком распахнул дверь и вышел, небрежно держа автомат. Небрежно-то небрежно, вот только что-то подсказывало Сергею: пустить оружие в ход приданный их группе терминатор способен практически мгновенно. Подойдя к мотоциклам, он хозяйственно осмотрел оружие и как-то очень ностальгически вздохнул: – МГ тридцать четыре. Классика не стареет. Так, орлы, быстро осмотреться вокруг!

Осмотрелись. Долго матерились. Как оказалось, оба часовых напились в хлам и дрыхли. Мартынов бил им морду... Игнатьев бил им морду... Сергей... Ну, у него сегодня был первый труп в жизни. Никаких комплексов не всплыло, блевать, как в тупом романе, не тянуло. Однако нервы адреналин в очередной раз подстегнул, а потому студент был злой и к воспитательному процессу подошел с двойным энтузиазмом. На этом этапе возмущился кто-то из красноармейцев, совсем молодой парень, завопивший, что по-старорежимному... дальше его не стали слушать, а дали в морду. Остальные экс-военнопленные отнеслись к происходящему с пониманием и даже с энтузиазмом. Похоже, никому под раздачу попадать не улыбалось.

– После этих чудачков ждать больше нельзя. Вот-вот немцы заинтересуются, что здесь за черная дыра организовалась. Завтра рвем когти, – заявил Мартынов вечером, когда порядок был наконец наведен и даже починили два мотоцикла, безжалостно разобрав остальные на запчасти. Кстати, справиться с ремонтом особых проблем не составило – во-первых, они, как и положено армейской технике, были до безобразия просты, а во-вторых, в их команде не оказалось безруких. И едва ли не самым полезным оказался тут Востриков.

⁶ Персонаж Н. Носова.

Отрочество их интеллигента пришлось на семидесятые, когда техники, подобной трофейным мотоциклам, хватало в любом дворе. Не совсем такой – но в любом гараже пацаны собирали-разбирали отечественные агрегаты, недалеко от них ушедшие. Кое-какие навыки у журналиста сохранились, и в моторах он копался с энтузиазмом.

– Куда?

– Вперед. Там немцы нас не ждут. Но не сразу. Здесь, по соседству, они лагерь организовали, пленных сгоняют. А у нас куча техники – и минимум людей. Да и что за люди? Пехота сомнительной квалификации в основном. А теперь спать. Завтра будет тяжелый день.

Лагерь для военнопленных выглядел несерьезно. Видно было, что организовывать его пытались по-немецки основательно. Вот только немецкий характер столкнулся с непреодолимым препятствием в лице отсутствия времени и ресурсов. Так что два ряда невысоких кольшков с натянутой между ними колючей проволокой, ворота из сколоченных крест-накрест жердей и четыре кое-как сляпанные вышки для часовых, невысокие и всего с двумя пулеметами. При всем этом безобразии обреталось человек двадцать немцев при одном грузовике под командованием мордатого хмыря в чине капрала. Во всяком случае, именно так его погони расшифровал один из красноармейцев, который два года назад участвовал в Польском походе и на немцев успел насмотреться.

Технически все было вроде бы просто. Численное преимущество и куча бронетехники – вломиться и всех перестрелять... Только если не учитывать факт, что за «колючкой» две сотни человек, и все, что при лихом кавалерийском наскоке полетит мимо цели, накроет их и перемолотит в мясо. И укрыться людям, что характерно, негде.

Сейчас пришельцы из будущего залегли на краю леса и передавали друг другу бинокль, рассматривая место будущей драки. Вообще, сейчас, к вечеру, у всех, за исключением Мартынова, который, похоже, и не такое видал, капитально притупилось восприятие. А что делать? Привыкшая к ненавязчивой расслабленности двадцать первого века психика не справлялась с нагрузкой. Возможно, какой-нибудь солдат-контрактник или даже срочник, со всем этим справился бы без труда. Вот только здесь и сейчас собрались люди, из которых трое вообще не служили, а двое других бегали с автоматом очень давно, успев позабыть эти ощущения. Так что трехдневный психологический прессинг вкупе с физической усталостью если и не сломили их, то пригнули капитально. И даже Мартынов, несмотря на то, что упорно «играл мышцей», выглядел усталым – сказывался возраст.

Марш-бросок сегодняшний тоже был не сахар. Из деревни они вышли на восьми танках (механики за ночь все же смогли реанимировать еще один Т-26), двух мотоциклах, трех грузовиках и танкетке, загруженной бочками с топливом. МТС ограбили «в ноль», так что пришлось использовать танкетку в качества тягача, зацепив к ней самую обычную телегу. Грохотал получившийся монстр едва ли не громче танковых моторов, но функцию свою выполнял исправно. Трещавшие, как швейные машинки, трофейные мотоциклы завершали процессию.

Вы глядело это грозно, по факту же – скорее, наоборот. Снаряды кое-как раскидали, а вот с патронами дело было швах. С бронебойными же снарядами – а практически все такими и были – против пехоты, если она встретится, идти кисло. Людей... На такую массу техники их тоже не хватало. Да и квалификация у новоиспеченных танкистов отсутствовала, как класс. Даже за рычаги сажать было некого. Хромову сегодня пришлось освоить вождение танка БТ... Хорошо еще, по случаю жаркой и сухой погоды это чудо техники оказалось способно перемещаться на колесах. В принципе, для подобных маршей он и предназначался. Управлять танком – это, конечно, не рулить автомобилем, но на колесном ходу положение несколько облегчалось. Для этого здесь был штурвал, почти как на обычном автомобиле, хотя для того, чтобы его крутить, требовались крепкие мускулы. Никаких тебе гидроэлектроусилителей. Сидящему во втором БТ Ковальчуку было проще – в кои-то веки избыточная мышечная масса пригодилась, однако к концу их броска он тоже с трудом держался на ногах.

Вдобавок ко всему, один из Т-26 навернулся через десяток километров. Тот самый, двухбашенный – его трансмиссия оказалась изношенной донельзя и сейчас посыпалась хлеще, чем на «жигулях». Все, что удалось сделать, это снять с танка пулеметы и, спихнув его с дороги, на скорую руку замаскировать. Даже горючее сливать не стали – время поджимало, торчать на дороге никому не хотелось.

Немцев по дороге не встретилось – их концентрация все же была пока совсем невелика. Зато дважды видели самолеты, и оба раза, что интересно, советские. Это вызвало бурную и не вполне адекватную реакцию у Вострикова – несмотря на происходящее, дурь из его мозгов полностью вылететь не успела. А каждый истинный либерал знает – в начале войны по вине тирана Сталина СССР лишился всей авиации, а та, которая попустительством Бога и люфтваффе уцелела, все равно не могла ничего сделать, ибо советские летчики не умели летать...

А вот черта с два. Оба раза шли большие, по полтора десятка машин, группы бомбардировщиков. В четком строю, под прикрытием истребителей//. Более того, когда на одну из этих групп вывалилась из-за редких облаков четверка мессеров, ей навстречу протянулись многочисленные трассы из бортовых пулеметов, а истребители прикрытия контратаковали. И немцы, а не советские пилоты, в короткой стычке потеряв один самолет, бесславно ретировались. Судя по охреневшим глазам журналиста, ломка стереотипов в его голове продолжалась. Ну и пусть! Никто выказывать сочувствие чужим тараканам не собирался.

И вот сейчас, замаскировав технику в лесу примерно в километре от цели и выставив часовых (последние, впечатленные шамкающими товарищами, чьи зубы вчера изрядно проредились, выказывали даже избыточное рвение), они все дружно выдвинулись к месту предстоящей операции. По всему выходило, что справятся, вопрос лишь в количестве жертв. Не то чтобы это выглядело критичным для циничных выходцев из двадцать первого века, но все равно как-то нехорошо получалось.

– Ну, Палыч, что предложишь? – когда после долгой паузы молчание стало чересчур утомительным, спросил Игнатъев. Мартынов лишь пожал в ответ плечами:

– Будь здесь моя группа, сделали бы их без шума и пыли. Но с этими олухами... – он раздраженно махнул рукой в сторону расположившихся в овраге красноармейцев. – Они ж почти все могут только в атаку ходить, да и то на дистанции прямой видимости.

Интересно, что за группа у него была... Впрочем, этот вопрос Сергей оставил при себе. Неважно, по большому счету, захочет – скажет сам. Куда больше Хромова волновали ноющие кисти рук, но с этим ничего нельзя было поделать.

– Лучших взять один черт неоткуда.

– Это точно. Придется работать с тем, что есть. Смотрите сюда, – Мартынов ткнул пальцем в сторону лагеря. – Наибольшую опасность представляют их пулеметчики на вышках. Их надо валить, без вариантов. Любые две вышки я на себя возьму, но две другие... Кто из вас? Сергей, ты вроде со своим карамультиком освоился уже?

– Не уверен, что смогу их снизу вверх быстро снять, – честно признался Сергей. – Дистанция метров двести, вроде немного, только и я не снайпер.

– Одного возьму я, – вмешался Игнатъев.

– А второго – я.

Все дружно обернулись к Хинштейну. Тот пожал плечами – истрепавшийся за эти дни, измазанный мазутом пиджак колыхнулся мятой тряпкой.

– Я когда-то занимался стрельбой. И винтовку пристрелять успел.

– Решили, – кивнул Мартынов. – Петр, Володя, гоните сюда нашу доблестную Красную армию, пускай харчи отработывает. Стрелки на позиции. Сергей, а ты...

– А я, – тут Сергей зло усмехнулся, – возьму на себя всех остальных.

Полчаса спустя он, обряженный в мышинового цвета мундир, возился около полевой кухни, старательно держась спиной к немцам. Бывший хозяин одежды лежал недалеко, примерно в

пяти метрах, в состоянии глубокого нокаута, со скрученными руками и кляпом во рту. Если у него насморк – задохнется. Впрочем, черт с ним. Вырубить фрица было просто, тяжелее оказалось подловить момент, когда никто с вышек этого не увидит. Однако повар – тоже человек, и, отойдя до ветру, оказался уязвим настолько, насколько вообще может вляпаться человек со спущенными штанами.

Кстати, натянуть их Сергей так и не смог себя заставить. Брезгливость никуда не делась. Пришлось ограничиться мундиром и надеяться на то, что внимания на это не обратят. Хорошо еще, остальные немцы и сами не слишком соблюдали форму одежды. Во всяком случае, без мундиров ходили многие. Расслабились тут.

Все, пора, вот только... как? Именно сейчас Хромов сообразил, в чем слабость его плана. Он же ни бельмеса по-немецки. И как на их гавкающем наречии будет слово «ужин»? И вообще, когда он у них? Ладно, придется импровизировать.

Звук, с которым половник бьет по котлу, трудно назвать мелодичным. Однако же сигнал и впрямь оказался универсальным. Фрицы потянулись к кухне как те коровы – организованной толпой. Некоторые, правда, поглядывали с легким удивлением на часы, но тут немецкая дисциплина сыграла не в их пользу. Если ужин раньше срока – значит, так нужно, потому как без приказа повар ничего не сделает. И, когда ругающийся капрал сообразил, что процесс идет без его контроля, и двинулся разобраться, большая часть немцев уже сбились в кучу недалеко от кухни. И две гранаты, полетевшие в них, разметали людей в разные стороны.

Сергей взрывы благополучно пересидел за котлом. Хотя, конечно, когда осколок прошел тонкое железо над его головой и оттуда вырвалась струя аппетитно пахнущего, но чертовски горячего пара, было неприятно. Тело упорно требовало от хозяина сжаться в комок и спрятаться, но разум все же оказался сильнее. Подхватить автомат, спрятанный позади кухни, вжать приклад в плечо и выпустить по уцелевшим немцам длинную, на весь рожок, очередь. Удерживать оружие в руках оказалось сложно, ствол упорно задирало вверх, и, наверное, не меньше половины пуль ушло «в молоко». Но и тех, что попали, хватило. А со стороны леса уже гремели выстрелы, и с воплем упал с вышки один из пулеметчиков...

Все было кончено меньше чем за минуту. К тому моменту, когда Хромов сменил магазин, стрелять было уже не в кого. Ну и замечательно! И вновь организм удивил – почему-то страшно захотелось есть. Что, впрочем, по здравому размышлению – с самого утра он съел всего-то пару сухарей. Еще одно доказательство того, что когда всерьез проголодаешься, чужие трупы аппетит не портят. Так что когда остальные подошли, Сергей, освободившись от тесного мундира и реквизирав одну из мисок, с аппетитом чавкал.

– Ну у тебя и нервы, – с ноткой восхищения в голосе заметил Мартынов, подходя. – Если так пойдет дальше, станешь хорошим солдатом.

– Нет уж, спасибо, как-нибудь переживу. И вообще, я пацифист. Садись, ешь, у них хороший повар.

– Пацифизм – это хорошо, – Мартынов сел рядом. – Но нам еще разбираться с пополнением.

– Знаешь, не хотел тебе говорить, но с ним будут проблемы.

– Это почему?

– Да потому, что когда вы в бинокль фрицев срисовывали, я потратил чуточку времени, рассматривая тех, кого планировали освободить. Так вот, их, похоже, еще не сортировали, и среди них хватает офицеров.

– Командиров, – механически поправил его Мартынов, до которого, похоже, начала доходить неоднозначность ситуации.

– Да какая разница? – приподнял левую бровь Сергей. – Ты лучше скажи, что значат три шпалы на воротах?..

– ...Вы что, с ума тут все походили? – орал подполковник Поженян, экспрессивно размахивая руками. Тот самый, с тремя шпалами. Кавказский акцент вкупе с развевающимся полуоторванным шевроном, грязным и напоминающим драную тряпку, производили неизгладимое впечатление. – Как стоите? Что за вид?

Бедняга. Похоже, он от жизненных коллизий малость умом тронулся, лениво подумал Сергей. Глаза слипались, видать, остатки адреналина ушли, и теперь организм хотел только одного – спать! Спать, завалившись куда-нибудь, хотя бы даже под кустик, а не слушать этого придурка. Чтобы хоть как-то отвлечься, он в который уже раз осматривал царапины на прикладе СВТ, уже привычно уместив винтовку на сгибе руки. Получалось так себе.

Мартынов, очевидно, думал примерно так же. Во всяком случае, взгляд у него был таким скучающим-скучающим. И, когда Поженян на секунду прервал свой монолог, чтобы набрать в легкие свежую порцию воздуха, махнул рукой:

– Все, хватит. Идите, отдохните. Проспитесь, что ли. Товарищи командиры, кто знает местность и окрестные населенные пункты, прошу сейчас подойти.

– Вы что себе позволяете? – похоже, тот факт, что он тут никто, звать его никак, и особо ценное мнение учитывать никто не собирается, в голове подполковника укладываться не хотел абсолютно. Менталитет такой, никуда не денешься.

– Слушай, недополковник, – лениво бросил Игнатъев. Одетый в спортивную кофту-олимпийку, из расстегнутого ворота которой торчала волосатая грудь, с наганом за поясом и автоматом поперек груди, он выглядел немного гротескно и в то же время воинственно. – Ты чего пристал? Иди, выпишь...

– Да ты...

– Молчать! – обычно спокойный и не особенно громогласный Мартынов на этот раз ухитрился рыкнуть так, что Сергей еле подавил желание присесть. И сон из головы будто выдуло. Видимо, неугомонный Поженян и впрямь разозлил терминатора. – Ну-ка, мил-человек, предъяви-ка документы.

– Чего-о?

– Того. Документы, живо. Ты, сдастся мне, эту форму с кого-то снял.

Разумеется, документов у Поженяна не было да и быть не могло – их любящие порядок немцы реквизировали в первую очередь. Однако из всех возможных сценариев действий он выбрал наихудший. С учетом кавказского гонора – предсказуемо, но от того не менее глупо. Проще говоря, он решил отобрать винтовку у ближайшего бойца.

От его бешеного рывка все немного ошалели и впали в ступор. Все, и хозяин винтовки в том числе – он не пытался сопротивляться, но вцепился в оружие будто клещ, подарив остальным пару секунд. А потом Сергей первым опомнился – сказала, видать, привычка к большому темпу жизни – и вломил нарушителю спокойствия прикладом СВТ под ребра.

От удара Поженян сложился вдвое, и воздух с хеканьем покинул его легкие. Не теряя времени даром, Сергей приложил его прикладом вторично, сбоку по тупой башке. Вполсилы, чтоб не убить, но получилось все равно неплохо. Посмотрел, как подполковник стекает на землю, и с трудом удержался от того, чтобы добавить еще пару раз, ногой под ребра. Впрочем, тут основную роль сыграла не жалость и даже не опасение пришибить ненароком, а тот факт, что кроссовкой бить малоэффективно. Мягкая, зараза...

– Арестовать. Головой отвечаешь, – ткнул он пальцем в первого попавшегося красноармейца из «своих», тех, кто пришел с ними еще с киносьемок. Тот, ничуть не удивившись и не ставя под сомнение правомочность отданного приказа, сноровисто вздернул ошалелого мотающего головой Поженяна на ноги и скрутил ему руки за спиной куском веревки. Это радовало – похоже, основы иерархии уже сложились, во всяком случае, с «ветеранами», успевшими повидать их в деле.

А Мартынов, казалось, вовсе не обратил внимания на происходящее. Других забот хватало. Следующие несколько часов они провозились, планируя дальнейший маршрут и сортируя пополнение. В основном это оказалась пехота, несколько артиллеристов, но и танкисты нашлись. Последнее особенно радовало – удалось наконец сформировать экипажи для танков, оставив себе трофейную «четверку» и тот БТ, на котором тренировался в управлении Сергей. Из всех отечественных машин он был самым новым и в наиболее пристойном техническом состоянии, хотя места внутри оказалось даже меньше, чем в малолитражке. По сравнению с ним «четверка» смотрелась лимузином. Увы, основным недостатком этого танка оказалась даже не теснота, а отсутствие рации и паршивая оптика. Увы, это была данность, с которой приходилось мириться.

И все же главное, что они получили от этой авантюры, было даже не пополнение, которое еще предстояло как-то вооружить. Имеющегося арсенала едва хватило на половину личного состава, и вдобавок пришлось дважды разбирать конфликты.

Расклад оказался тупым до безобразия. Все имеющиеся пистолеты и наганы были уже разобраны, часть самими пришельцами из будущего, а остальное красноармейцами. Среди свежесвобожденных же нашелся не только подполковник Поженян, но и еще с десятков командиров в званиях от младшего лейтенанта до капитана. Этим Мартынов, не долго думая, назначил командовать спешно нарезанными взводами, оставив под своим непосредственным командованием только проверенную «старую гвардию». И кое-кто из комвзводов, все еще не до конца проникшихся ситуацией, попытались реквизировать эти самые наганы...

Рядовые, считавшие оружие своими законными трофеями (это не вполне соответствовало истине, все же не они захватывали, но уточнять нюансы сейчас никто не собирался), раздавать стволы не собирались. В общем, до драк не дошло, но один из лейтенантов пережил несколько крайне неприятных секунд, рассматривая упершийся ему в живот ствол револьвера. Мартынов, конечно, смертоубийства не допустил, но и передавать оружие отказался. «Вот вам пока винтовки, а захотите другое оружие – в бою добудете». Вердикт не особенно понравился командирам, но выглядел как минимум справедливо, и возражать никто не рискнул.

Утром, уже собираясь выступать, все они стали свидетелями воздушного боя. На этот раз почти такого, как описывался у классиков приключенческой литературы и разномастных историков. Одинокий самолет, внушительный даже по меркам будущего, с четырьмя моторами и смешного вида неубирающимся шасси, больше всего подошедшим бы гигантской коляске, шел на высоте метров триста, отчаянно кидаясь из стороны в сторону. Получались маневры на удивление ловко для такой туши, но на его преследователей, два сто девярых «мессершмитта» с характерными осиными талиями и громадными черными крестами на крыльях, это не производило впечатления.

Даже без бинокля хорошо видно было, с какой легкостью немцы нарезают виражи вокруг своей жертвы. Бомбардировщик – а чем еще могла быть такая громадина – казался по сравнению с ними застывшим, как муха в янтаре. Однако вертеться-то немцы вертелись, а близко подходить не рисковали – бомбардировщик активно плевался во все стороны из пулеметов, расчерчивая небо короткими, злыми нитями трасс. Похоже, не столь и беззащитны были эти самолеты, как принято считать. При наличии грамотного и хладнокровного экипажа, естественно. А пулеметов у него была куча – ни Сергей, ни его товарищи характеристик таких машин не помнили, но тот факт, что вооружали отечественные летающие крепости на совесть, знали.

Бомбардировщик уже почти скрылся за лесом, когда появились еще два немецких самолета. Почти сразу же крайний левый двигатель бомбардировщика исторг из себя черный дымный хвост, и самолет, уклоняясь от атак, начал разворачиваться. Пара «мессершмиттов» тут же начали заходить ему в хвост, но тут из бомбардировщика посыпалось... Что? А хрен его знает, больше всего это было похоже на квадратные ящики, но вокруг головного истребителя

вдруг будто облако вспухло. От неожиданности немец клюнул носом, резко теряя высоту. Тут же рванулся обратно вверх, но высоты не хватило. И, похоже, маневренности тоже. Нос начал задираться, но потом машина словно замерла в одной позиции, продолжая снижаться, зацепилась хвостом за верхушки деревьев и снова нырнула вниз, на сей раз окончательно.

Рвануло знатно – без особых световых эффектов, да и кто их разглядит днем, зато громко. Остальные немцы, раздосадованные потерей машины, вновь атаковали и без того кренящийся бомбардировщик и на сей раз достигли успеха почти сразу. Самолет начал ложиться на крыло и загорелся в хвостовой части. От него начали отделяться маленькие на таком расстоянии комочки, тут же украсившиеся роскошными белыми куполами. Немцы развернулись и попытались расстрелять летчиков в воздухе, но тут их подвела скорость. «Мессершмитты» проскочили вперед, высота была не слишком большой, и, пока немецкие самолеты разворачивались, парашютисты успели достигнуть крон деревьев. Причесав верхушки из пулеметов, фрицы развернулись и ушли прочь – все равно сделать они сейчас ничего больше не могли.

– Километра два, – задумчиво сказал Мартынов. Обернулся к соратникам и, криво усмехнувшись, спросил: – Ну что, будем вытаскивать?

– Я пойду, – Сергей шагнул вперед.

– А сориентируешься?

– Все ж в деревне рос. До двенадцати лет. Справлюсь.

Впрочем, слова, наверное, прозвучали без особой уверенности, потому что Мартынов лишь хмыкнул неопределенно и сказал:

– Игорь, пойдешь с ним. У тебя хоть компас есть.

Компас у Игнатьева действительно имелся – трофейный, снятый с прикопанного под кустом за ненадобностью офицера. Кивнув, он спросил:

– Мотоцикл возьму?

– Берите оба. Только пулемет сними. И двух бойцов, мало ли, – Мартынов достал карту, посмотрел, довольно хмыкнул. – По дороге вперед, до поворота, а дальше лесом, там пешком останется всего ничего. Мы подойдем, но если вы не успеете, то придется догонять – ждать нет смысла.

– Понял. Тогда помчались. Серега, не тормози, поехали, поехали...

Все ж таки мотоциклы этого времени были малость похуже, чем спустя восемьдесят лет. Во всяком случае, шли тряско, лязгали всеми сочленениями, дымили страшно, трещали громко, а главное, ехали так себе. Одно название, что БМВ. Впрочем, лучше плохо ехать, чем хорошо бежать. Да и недалеко было – всего-то километра полтора. Их вполне можно было вытерпеть даже в том пыточном кресле, которое здесь называлось седлом. Игнатьев мчался впереди, поднимая тучи пыли, а Сергей отчаянно рулил своим мотоциклом и молился на то, чтобы не вылететь с дороги, проглядев за этой завесой какой-нибудь ухаб. В результате на дороге удержался, но едва не столкнулся с мотоциклом Игнатьева, когда тот резко остановился. Хорошо еще, немецкие тормоза оказались на высоте, и мотоцикл, в последний раз скрипнув, замер.

– Глуши мотор! – что сказал Игнатьев, Хромов скорее догадался, чем услышал. Наступившая после этого тишина показалась оглушительной. – Пошли. Ты, – он ткнул пальцем в одного из красноармейцев, явно не желая напрягаться, запоминая имена, – с нами. А ты, – на сей раз палец уперся во второго бойца, – остаешься при транспорте. Все, бегом!

– Стоило ли оставлять? – спросил его Сергей, когда они отошли немного, а боец, сопровождавший их, оторвался на приличное расстояние. – Что с тачанками случится? Оттащили бы в лес, хрен кто найдет.

– Фрицы и впрямь не найдут, – отозвался Игнатьев, бодро шагая впереди. Ходить он умел, ни ветка лишняя раз не хрустнет, ни дыхание не собьется. – Да и вряд ли их здесь толпа,

от безделья мающаяся. А вот местные... Эти не только найдут, но и уволочут, крестьянская душа куркулистая.

– Эт да, – кивнул Сергей, знающий предмет, что называется, из первых рук.

– Что куксишься? – Игнатъев понял его краткость по-своему.

– А ты, такое чувство, рад.

– Конечно, рад, – без улыбки ответил Игнатъев.

– Но... чему?

– Шансу, – и, перехватив удивленный взгляд младшего товарища, он рассмеялся. – Ты пойми, это для нас – шанс жить полной жизнью.

– Не уверен, что понял тебя.

– Все просто. Мы все – маленькие люди. Ты, я... Не смотри на меня, широко разинув рот, ворона залетит. Да, все мы – маленькие, ничего не решающие и ни на что, по большому счету, не способные люди. И тут абсолютно без разницы, живешь ты в общаге или ворочаешь миллионами. Да-да, так и есть. Я, к примеру, малость побогаче, чем был даже папаша Альберта в его лучшие годы. И что с того? Против системы все мы – ничто, и наши возможности эфемерны. Случись нужда растопчет и не заметит.

– А... Мартынов? Востриков?

– Какая разница? – искренне удивился Игнатъев. – Палыч – он, скорее всего, служил в каких-то серьезных войсках. Но как бы они ни назывались, он всего лишь гавкал по команде. Журналист наш – тоже часть большой системы. На самом деле, он в нее вписан идеально, такие, как он, тоже нужны. А главное, и тот, и другой расклады вполне осознают. Востриков, может быть, пытается от системы дистанцироваться, но в глубине души прекрасно понимает, насколько смешно и глупо выглядит. Здесь же нам всем выпал невероятный шанс сделать что-то по-настоящему стоящее, ни под кого не прогибаясь, по велению души. Вот так-то, пацан.

– Ну а остальные? Они-то вряд ли размышляют о столь высоких материях.

– Незнание закона не спасает от ответственности. Это знание спасает... Впрочем, неважно. Однако же у молодняка вроде тебя тоже свои движущие мотивы. На один я тебе открыл глаза. А второй... Там, дома, ты никто и звать тебя никак. И останешься ты никем. А здесь есть шанс чего-то добиться. У Альберта побудительный мотив такой же. Он уже понял, что бывает, когда исчезает стена, за которую можно прятаться. А еще он хочет отомстить. У него прадеда в Освенциме сожгли. Так что он не истинный еврей, если что. Те ставят выгоду и личную безопасность превыше мести, а на Альберта нашего Эйнштейна. Хинштейна, хе-хе, успело повлиять отечественное воспитание. Я с ним разговаривал, знаю. Он потому и сам вчера в стрелки вызвался. Ковальчук – он себя ищет. Потерялся мальчишка в реальности. Так что, сам понимаешь, всем нам попадание сюда, скорее, плюс.

– А если погибнем?

– Да и черт с ним. Зато мы хоть раз в жизни сделаем что-то стоящее, а не сдохнем перед телевизором от геморроя.

Это было цинично и зло, но, как минимум, логично. Во всяком случае, с ходу опровергнуть не получалось. Но и принимать мысль о том, что ты, на самом деле, никто, смириться с ролью маленького человека, заработать соответствующий комплекс неполноценности и гордиться им, тоже не хотелось. Оставалось заткнуться и думать.

Разговор увял как-то сам собой, да и времени особо не было – они вышли к месту приземления легчиков буквально через несколько минут. Здесь, в просматриваемом далеко редколесье, поиск не казался сложным. Во всяком случае, первый парашют они нашли почти сразу. Белый купол американского образца⁷ болтался, запутавшись в ветвях старой березы, как драная тряпка. А внизу, под деревом, лежал и его хозяин.

⁷ Парашюты, использовавшиеся в то время авиацией СССР, и впрямь производились по американской лицензии. Вполне

Совсем молодой парень в кожаной куртке и с лейтенантскими «кубарями» в петлицах. Правильные черты лица, светлые волосы... «Истинные арийцы» при виде такой внешности должны от зависти удавиться. Глаза, огромные, голубые, с каким-то детским удивлением смотрели в небо и уже начали стекленеть. Летчик был мертв.

С первого взгляда было ясно, как все произошло. Зацепился куполом за крону дерева, повис. Торопился освободиться, запутался в стропах и упал, ударившись виском о торчащий из земли корень. Обидно, наверное, выжить в таком бою, приземлиться живым под огнем «мессершмиттов», чтобы потом вот так скопытиться... Боже, какая дурь в голову лезет!

– Забери документы и оружие, – хрипло сказал Игнатьев. Сергей кивнул. Как ни странно, прикосновение к погибшему не вызвало у него ни малейшей брезгливости. Снял кобуру с ТТ, планшет, из карманов извлек документы, какую-то фотографию, портсигар из оргстекла и алюминия. Протянул все это Игнатьеву. Тот забрал бумаги и портсигар, а от оружия отказался, у самого, помимо нагана, трофейный вальтер имелся, так что Сергей, не мудрствуя лукаво, прицепил увесистую кобуру себе на пояс.

– Похоронить бы надо...

– Потом. Надо искать остальных – было четыре купола.

Второй парашют обнаружился метрах в ста, на земле. Однако при попытке к нему подойти они все едва не попали под раздачу. Загремели выстрелы из нескольких пистолетов, и Сергей рефлекторно присел, когда пуля разворотила кору в сантиметре над его головой. В животе сразу родился позыв замаскироваться под кустиком и срочно сбросить шлаки, но, усилием воли подавив это несвоевременное желание, он в перекате ушел под прикрытие здорового пня-выворотня и, высунув ствол СВТ, дважды пальнул в белый свет, как в копеечку.

Рядом тяжело бухнула винтовка – раз, другой... Боец, приданный им в усиление, стрелял не слишком быстро, мосинка – не пулемет, однако внимание отвлек. Пользуясь моментом, Сергей высунулся, ловя на мушку мелькающую среди ветвей темную фигуру, но выстрелить не успел. Кто-то заметил его раньше и выстрелил, на этот раз куда точнее, чем с первой попытки.

Руку дернуло, сбивая прицел, боль пришла секундой позже. Сергей нырнул обратно в свое укрытие, рефлекторно ухватился за место удара и ощутил под рукой что-то липкое и теплое. Посмотрел на пальцы – кровь... И в этот момент до него наконец дошло по-настоящему, что здесь не компьютерная игра, где ты неуязвим априори, и что пройди эта пуля чуть в стороне – все, хана! Умом понимал и раньше, но сейчас реальность происходящего зашкалила и пробрала до печенок. У-у, как больно. И как неохота навсегда остаться здесь, а хочется вернуться домой, пускай даже и без бабок!

– Эй, вы, уроды! – голос Игнатьева, перекрывающий шум боя, разом выдернул его из попытки закуклиться и оградиться от реальности в нормальную жизнь. – Вы что, сдурели? Прекратить!

Несколько оборотов на великом и могучем, подтверждающих национальную принадлежность, явно оказалась к месту. Стрельба немедленно прекратилась, и с той стороны раздалось неуверенное и одновременно злое:

– А вы кто?

– Мы русские. А вот вы что творите, летуны недоделанные?

– Докажи!

– Не зли меня, пернатое, ох, не зли! Какого хрена вы стреляете?

Разговор продолжался минут пять, очень быстро перейдя в конструктивное русло. И закончился он вполне ожидаемо – летуны, которым все равно деваться было некуда, выбрались-таки на открытое место. А навстречу им, зло скрипя зубами, поднялся Сергей, за ним

оправданное решение – парашют был надежен и прост, а главное, покупка лицензии позволяла начать массовое производство сразу, не тратя время и силы на его разработку и испытание. Вполне в духе тридцатых годов, Сталин менял деньги на время.

недоверчиво зыркающий по сторонам красноармеец и, наконец, Игнатъев, бдительно не снимающий рук с трофейного автомата.

Летчиков было трое. Правда, на ногах стояли только пилот и сержант-бортстрелок – тот, который, оправдывая свою ВУС⁸, ухитрился подстрелить Хромова. Третий, штурман, в бою участие тоже принимал, но постольку-поскольку – сегодня ему не повезло дважды. Вначале, еще в завязке боя, он получил две пули, и повезло еще, что атаковавшие их самолеты относились к какой-то из ранних модификаций, вооруженных пулеметами винтовочного калибра. Крупнокалиберная пуля банально оторвала бы человеку руку или ногу, однако в этот раз штурман остался жив и даже мог самостоятельно двигаться. Второй раз он пострадал при неудачном приземлении, сломав ногу. Удивительным было уже то, что он оставался в сознании, и даже, когда на нашедших его товарищей набрела поисковая группа, сумел принять участие в бою.

Разговор на повышенных тонах продолжался недолго. Во-первых, летчики и сами поняли, что ошиблись, а во-вторых, реально оценивали свои шансы выбраться отсюда без посторонней помощи. В этой ситуации неплохо вооруженный отряд и транспорт выглядели благословением свыше. Поневоле забудешь об атеизме и вспомнишь о вреде слишком долгих разговоров. Ибо вначале было слово, а потом за него дали по морде.

Похоронили разбившегося, оказавшегося вторым пилотом, а раненого уложили на самодельные носилки из двух жердей и курток, одну из которых позаимствовали у убитого, а вторую пожертвовал бортстрелок. Через застегнутые куртки эти жерди и проделали, получилось так себе, но лучше, чем ничего. И, обеспечив таким образом хоть какую-то мобильность, вся группа направилась к мотоциклам. В этот момент Сергей и задал вопрос, мучивший его с того момента, как увидел бой.

– Скажи, – обратился он к бортстрелку, тащившему носилки. Сам Хромов от такой работы был избавлен – пуля из ТТ, хоть и прошла навывлет, не задев кости, все же перевела его в разряд легкораненых. Будь у пилота оружие немецкого образца, с тяжелой и мощной девятимиллиметровой пулей, так легко Сергей не отделался бы, но советское оружие, простое и убойное, имело слишком низкое останавливающее действие и обеспечило обидную и довольно болезненную, но притом неопасную рану, которую достаточно было просто забинтовать, воспользовавшись трофейным немецким перевязочным пакетом. – Вы чем тот мессер завалили?

Бортстрелок, пыхтящий на жаре, да еще и отмахивающийся от комаров, с восторгом напавших на оставшегося в одной рубахе человека, повернулся к нему, недоуменно посмотрел, а потом вдруг улыбнулся весело. И сразу стало понятно, что этот успевший посмотреть в глаза смерти парень всего-то на пару лет старше Хромова.

– Листовками.

– То есть?

– Ну, его пулеметом достать никак не получалось, знал, гад, откуда заход делать. Так я на него из бомболока листовки выбросил. Думал, хоть отпугну, вдруг он их за какое-то новое оружие примет, пачки-то увесистые. Кто ж знал, что он вот так...⁹

– Ты только не соболезнай.

Бортстрелок рассмеялся в ответ – с чувством юмора у него все оказалось в порядке. И вообще, летчики вели себя совсем иначе, чем те, кого недавно пришлось освободить. Может, сыграло роль то, что в авиацию набирали совсем иначе, чем в пехоту, и эти люди были настоящей элитой того времени, а может, потому, что они сражались, а не попали в плен в первом же бою. Скорее всего, сыграли роль оба этих фактора, но, как бы то ни было, с этого момента остатки отчужденности расплзлись и растаяли, как лед под солнцем. И, наконец, общение пошло чуть более непринужденно.

⁸ Военно-учетная специальность.

⁹ Подобная ситуация произошла и в реальности.

Как рассказали летчики, их самолет был послан в разведку, чтобы произвести фотосъемку местности. Откровенно говоря, посылать в разведку устаревший тихоходный бомбардировщик не самое лучшее решение. Пускай даже время выбрали грамотно – над интересующим командование районом самолет прошел на рассвете, когда освещение уже позволяет кое-как осмотреться, но можно надеяться, что немцы дрыхнут. Шанс, надо признать, был, но вмешался вездесущий политотдел, от мнения которого не отмахнешься. Там решили, что самолет должен не просто бензин туда-сюда жечь, а заодно раскидать над немцами листовки. Увы, последнее их и подвело. Удачно проскочив в тыл немецких войск, скорее всего, потому, что люфтваффе, страшно занятое борьбой с упорно сражающейся, истекающей кровью, но не желающей сдаваться советской авиацией, такой наглости не ожидало, они выполнили основное задание. Однако при этом экипаж потерял время в поисках хоть кого-нибудь, достойного их пропагандистских усилий. В результате нарвались на немцев, которые старый бомбардировщик закономерно и завалили. Банально, в общем-то.

Удивительно еще, как они столько времени продержались. ТБ-3 – машина не то чтобы древняя, но в эпоху бурного технического прогресса устаревшая почти сразу. Как, впрочем, и большинство самолетов-ровесников. Наверное, сыграла роль заложенная с большим запасом прочность конструкции. Сергей хорошо помнил – интересовался когда-то, что как бы ни ругали эту машину, она довоевала до самого конца войны и была снята с вооружения лишь в сорок шестом году. О чем-то этот показатель да говорил. Вот и сейчас, по словам бортстрелка, их самолет напоминал дуршлаг, но, пока немцы не разбили моторы, упорно держался в воздухе.

Хотя, конечно, может быть, дело и не в самом бомбардировщике. Экипаж все же составляли не желторотые новички. Практически для всех это была вторая, а то и третья война. С финнами сражались, а командир, худой, словно выжатый капитан с сухим, неприятным лицом успел и японцев погонять, и в Испании отметиться. Что интересно, на истребителе. Уже тот факт, что он не только выжил, но и сбит до сегодняшнего дня ни разу не был, наводил на определенные мысли. Только вот с его возрастом что Сергей, что Игнатьев ошиблись. На вид капитану было далеко за полтинник, а на деле, как оказалось, едва-едва перевалило за тридцать.

К месту, где оставили мотоциклы, их группа вышла без проблем. Оставленный охранять технику рядовой приветствовал их уставным «стой, кто идет» и доложил, что колонна уже прошла. Однако, кое-как разместившись на мотоциклах, догнали они своих на удивление быстро. Впрочем, взглянув на отчаянно пылящую колонну, удивляться Сергей перестал моментально. И, хоть он и считал себя далеким от армии человеком, на сей раз до него дошло моментально.

Увеличив численность, их группа потеряла крайне важное преимущество – мобильность. Еще вчера они шли, имея больше техники, чем людей. Сегодня – наоборот. Сколько-то залезло на танковую броню и в кузов трофейного грузовика, но все равно подавляющее большинство топали на своих двоих. И колонна соответственно тоже перемещалась со скоростью пешехода.

Идти в прогулочном темпе по вражеским тылам не самое приятное времяпровождение. Неудивительно, что Мартынов был мрачен, зол и спускал на всех полканя по малейшему поводу. Досталось и Сергею – за то, что подставился. Пришлось постоять с виноватым видом, а потом лезть в «свой» танк, где наводчик из числа недавних пленных до самого вечера проводил ему, а потом, по очереди, Игнатьеву и Хинштейну ликбез по работе с прицелом ну и, до кучи, всеми остальными механизмами. На ходу вести занятия было неудобно, однако танкист справлялся. Мужик оказался опытный, уже лет пять отслуживший и успевший освоить едва ли не все типы танков, а потому учить молодежь умел. Так что получалось у него неплохо, и прогресс у грамотных, в том числе и технически, людей шел довольно споро.

Кстати, от него же Сергей с удивлением узнал, что Т-34, которым в будущем предстояло стать легендарными, у танкистов особой любовью не пользовались. Его считали ненадежным и вдобавок тяжелым в управлении. БТ, откровенно говоря, особой четкостью работы передач тоже не баловал, но он все же был куда легче. Да и за годы производства конструкцию

всего семейства быстроходных танков успели «вылизать», а Т-34 оставался пока «сырым». Возможно, это было субъективное мнение рассказчика, но и игнорировать его не стоило. Так, на будущее.

А вот КВ, напротив, танкист уважал. Ни по надежности, ни по вооружению он «тридцатьчетверку» не превосходил, а по проходимости и вовсе уступал, но зато имел отличную, мощную броню. Неуязвимость – качество, за которое можно простить очень многое, и Сергей его понимал. В конце концов, за словами танкиста стоял банальный циничный расчет солдата, который хотел выжить и, желательно, победить.

Марш продолжался два дня. Немцев за это время они практически не встречали, что, впрочем, и неудивительно. Основные ударные кулаки врага рвутся вперед, тылы и вторые эшелоны отстали, так что здесь немцы если и были, то в минимальном количестве. Какие-нибудь отставшие от своих частей группы, или подразделения, выполняющие специальные задачи. Вроде тех же хроникеров, фуражиров или конвойных. На фуражиров, кстати, один раз все же наткнулись, изрядно пополнив запасы. И то слава богу – иначе пришлось бы самим заниматься конфискацией продовольствия. У своих же крестьян, что характерно. А куда деваться? Такую ораву, как у них, надо было чем-то кормить, и желательно не впроголодь. Если же питаться нормально, захваченного у немцев хватило бы от силы на сутки.

В результате короткой стычки немцы лишились четверых солдат, а колонна пополнилась четырьмя подводами, шестеркой лошадей, двумя коровами, несколькими свинными тушами ну и так, по мелочи. Не бог весть что, но на какое-то время хватит. И напрасными оказались страхи крестьян в деревнях, через которые проходила колонна. Обошлись без реквизиций, разве что колодцы вычерпали до дна – жарко, пить хочется. Ну да что колодцы – вода опять набежит.

Куда серьезнее выглядели шансы нарваться на советских окруженцев. Здесь немцы в самые первые дни расчленили танковыми клиньями на кровавые лоскуты немало частей Красной армии. Какие-то из них добились, но большинство просто оказались сами по себе – без фуража, продовольствия, топлива, боеприпасов, а главное, связи и вменяемого руководства. Уничтожить их немцы могли, но пока что не озаботились этой задачей – у них были другие цели, они рвались вперед и отвлекать силы на ликвидацию не сопротивляющихся даже, а уныло плетущихся куда глаза глядят остатков недавно мощной армии попросту не могли. Все же и у самих немцев возможности были далеко не беспредельны, им приходилось или рваться вперед, оставив зачистку «на потом», или обезопасить тылы, но потерять темп. Немцы выбрали наступление.

Да, окруженцы... Их не встретили ни разу, и Мартынов вечером, когда их колонна остановилась на ночевку, признался, что подозревает: они были. Да, были, но предпочли на контакт не выходить, двигаясь самостоятельно. Почему? А бояться, считают, что малой группой шансов уцелеть больше. Может, они и правы.

Утром же случилось ЧП. Дезертировало сразу человек двадцать. Ушли, прихватив оружие – хорошо еще, имелось оно менее чем у трети сбежавших, а красть у спящих они не рискнули. Проснутся еще, шум поднимут... Мартынов даже не ругался, только зубами скрипнул, после чего построил свое воинство и в коротких, энергичных выражениях предложил тем, кто хочет уйти, собирать манатки, оставить оружие и валить на все четыре стороны. Те же, кто останутся, должны иметь в виду: попытаются дезертировать и попадутся – церемониться с ними не будут. Никто не ушел, однако это ни о чем не говорило. Возможно, просто боялись гнева командира. Это подтвердилось следующей же ночью, когда восемь человек попытались бежать. И это им даже удалось... не всем. Нашумели, поднялась тревога. Четверых поймали, и утром Мартынов приказал развесить их на деревьях. Судя по его лицу, отец-командир уже изрядно жалел, что ввязался в авантюру с собственной армией.

Уже среди своих, в узком, так сказать, кругу, Мартынов ругался последними словами. В первую очередь потому, что не приказал сразу же расстрелять Поженяна. Два дня подполковник, разжалованный волевым решением самоизбранного командира, вел себя тише воды, ниже травы. Все правильно, у таких гонор слетает, как только морда кулак почувствует. Ну а теперь взял да и свалил. Наверняка и бойцов подбил на это – из числа сбежавших трое не просто служили под началом этого орла, но и были его земляками. Черт бы с ними, конечно, однако тенденцию требовалось срочно ломать. Впрочем, к обеду они достигли ближайшей цели.

Да уж, край непуганых идиотов... Сергей уже видел здесь подобное, но то в маленькой, отрезанной от мира деревне. Здесь же город. Через полсотни лет его величали бы, правда, поселком городского типа, но здесь и сейчас – вполне себе административная единица. Тысяч на пять населения, не меньше, что, с учетом одно-и двухэтажных домов, тянуло на приличную территорию. И – красные флаги...

Неделю война идет, город уже в глубоком тылу наступающей немецкой группировки, а здесь тишь да гладь, и о немцах разве что по радио слышали. Это оказалось неожиданностью не только для Сергея или даже Мартынова. Обалдели все! Хотя, конечно, чему удивляться? Ни тебе железных дорог, ни аэродромов, даже шоссе не наблюдается. Все та же пыльная грунтовка – один экземпляр, и все. И, естественно, никакого стратегического значения сей оплот цивилизации тоже не имел.

Пара мастерских да элеватор – вот и все, чем мог похвастаться город в плане экономики. Но, как ни странно, кое-какие бонусы контроль над ним все же давал. Во-первых, некоторое количество горючего. Во-вторых, кое-какая техника. Как минимум, несколькими грузовиками разжиться было можно. Ну и, главное, как клятвенно заверял освобожденный из лагеря старлей, не так давно в этих местах служивший, военные склады, не особенно серьезные, правда. Как следствие, и гарнизон имелся в полсотни рыл. И на все это богатство Мартынов сейчас намеревался в срочном порядке наложить лапу.

Охраняющие склады бойцы, надо признать, были начеку и на вползающую в город колонну бронетехники отреагировали адекватно. В смысле, позиции заняли, но стрелять не стали. Оставалось порадоваться, что вперед пустили советские машины, которые здесь опознали сразу же. А то ведь по обляпанным крестами «панцерам» палить начали бы сразу, и правильно бы сделали. Наличие в хвосте колонны немецких машин, правда, слегка их напрягло, однако Мартынов, ради такого случая пересевший во второй БТ, сделал, пожалуй, самое правильное в такой ситуации. Высунувшись по пояс из люка, он, перекрывая рев двигателей, смачно обматерил встречающих, сразу обозначив свою национальную принадлежность. Немцы так лаяться не умеют – это знают все!

Подумав, Сергей, очередь которого была сидеть за рычагами, чуть наддал. Пускай пехота и дальше шагает – люди успели вымотаться, еле тащатся. Игнатьев весело крикнул сверху, что оба Т-26 пошли за ними. Ну, что же, колонна танков, пускай и урезанная – это серьезно, во всяком случае, отобьют у самых неразумных желание воевать.

К складам их колонна подкатила буквально через пару минут. У Хромова, как только он представил, во что превратит город попавшая в них бомба, зашевелились волосы на голове. В будущем за одну мысль о том, что склад боеприпасов можно разместить впритирку к жилым домам, выгнали бы пинком под ягодицы. Здесь и сейчас к подобному относились абсолютно спокойно. Надо – значит, надо.

Искомые склады больше всего напоминали самые обычные сараи. Правда, большие, кирпичные и под железной крышей. На фоне этого ворота, сколоченные из досок, смотрелись даже как-то наивно. Примерно так же, как охраняющие эти строения часовые. Аж четверо на дюжину построек.

Сейчас один из этих часовых стоял прямо на пути колонны, грозно выставив перед собой винтовку с примкнутым штыком, и что-то орал. Остальные предусмотрительно отошли, а этот то ли рехнулся, то ли, что вернее, на фоне стресса не подумал, что в танке его не просто слышно – банально могут не заметить и смять. Впрочем, на этот раз ангел-хранитель часового оказался на высоте и предпочел спасти своего подопечного, даже если тот и закоренелый атеист.

– И что здесь творится? – поинтересовался Сергей, глуша двигатель и вылезая на свет божий через неудобный люк. Позади него по броне с лязгом сполз Игнатьев. – Чего орешь?

– Ложись¹⁰, стрелять буду! – прохрипел сорванным голосом часового, наставив штык прямо в живот Сергея.

И ясно пришедшее осознание того, что вздумай он ткнуть сдуру этой железякой, вернуться не получится, стало для Хромова чертовски неприятным.

– Убери железку! – рыкнул Игнатьев. – И зови начкара.

– Ложись...

– Та-ак, – усмехнулся Игнатьев, глядя в непреклонное лицо часового. – Похоже, заклинило. Альберт!

Что он хотел сказать, так и осталось тайной, потому что Хинштейн, до половины высунившийся из башни, не дослушал, а лишь кивнул и нырнул в уютное бронированное чрево. Сразу же после этого башня со скрипом зашевелилась, и Сергей с Игнатьевым, не сговариваясь, шарахнулись в стороны – проверить, что там творится, находясь под прицелом, не хотелось совершенно.

Хинштейн развернул башню в сторону часового и, звонко лязгнув чем-то, начал опускать орудие. Вряд ли он смог бы реально навести его на человека, в особенности на такой дистанции – угол, на который механизм позволял опустить ствол, как уже объяснили Сергею, не превышал восьми градусов. Однако для часового, вообразившего, наверное, что сейчас персонально его будут расстреливать из танка, подобное было уже чересчур. Дико завопив, боец уронил винтовку и кинулся прочь, закладывая виражи куда там зайцу. Остальные часовые, даже не пытаясь строить из себя героев, аккуратно сложили винтовки и отошли. Захват складов прошел аккуратно, бескровно и очень быстро.

В этот момент сзади раздался грохот и лязг, а еще через несколько секунд из-за домов выкатились остальные танки в сопровождении грузовика смутно знакомых по кинохроникам очертаний. Да уж, по сравнению с доставшимися им в наследство от немцев трехтонными «опель-блицами» полуторка смотрелась не очень – мелковато и простовато. Тем не менее, шуровала она совсем неплохо. В кузове грузовика, вцепившись обеими руками в высокую переднюю часть борта, стоял человек в военной форме, но без фуражки. И, хотя машина козлом прыгала на ухабах, он удерживал равновесие с той великолепной небрежностью, которая появляется лишь через долгие годы практики.

Скрипнув тормозами, полуторка остановилась одновременно с тем, как замер головной танк. Один за другим выключились двигатели, и установилась тишина, показавшаяся вначале оглушительной. Именно в такие моменты Сергей всегда понимал, как оглушительно режут эти допотопные стальные чудовища. Впрочем, сейчас ему было не до философствования – имелись дела поважнее.

– Это что вы тут творите? – легкость, с которой Мартынов выбрался из танка, произвела впечатление. Получилось это у него куда ловчее, чем у Игнатьева или самого Хромова, и это притом, что Александр Павлович был куда старше любого из них. Хотя, с другой стороны, требовалось учитывать боковой люк башни, значительно облегчающий процесс. – Что здесь происходит? Вам кто разрешал здесь безобразия нарушать?

¹⁰ Действительно, до войны часового требовал от нарушителя именно лечь.

Судя по тону, разнос был профилактическим. В конце концов, победителей не судят. Однако все трое отчетливо понимали, что, отрываясь от остальных сил, глупость совершили несусветную. И если экипажи остальных танков просто шли за ведущим согласно вбитому в них еще в училищах принципу «делай, как я», что для лишенных радиостанции машин было, пожалуй, единственным вариантом, то ведущие были кругом виноваты.

Хорошо еще, Мартынов не стал развивать тему и, видя, что товарищи прониклись, лишь махнул рукой и повернулся к грузовику. Военный, немолодой уже капитан, успел спрыгнуть на землю и, заложив пальцы за ремень, с интересом наблюдал за происходящим. Из кабины же полуторки как раз закончил вылезать толстощекий мужик с красным, распаренным лицом. Пыли и струйки пота успели превратить его в маску навроде тех, что рисовали на своих лицах индейцы, становясь на тропу войны. Мартынов дождался, когда он встанет наконец рядом с военным, и махнул рукой:

– Вот ведь, с кем приходится работать. Вы посмотрите на этих архаровцев.

Капитан лишь плечами пожал и, несмотря на то, что лицо его было вроде бы бесстрастным, уголки губ предательски подрагивали от сдерживаемого смеха. Зато его спутник, отряхнув черный пиджак, покрой которого в двадцать первом веке испугал бы и огородное пугало, лишь махнул рукой:

– Да ладно. В конце концов, объект они все же захватили...

Вообще эти двое, капитан интендантской службы Еременко и первый секретарь горкома Носиков, оказались мировыми мужиками. Если бы в своем времени кто-то сказал Сергею, что с мэром можно запросто поговорить, обсудить любой вопрос и решить его на месте, без проволочек и кучи бумаг, он бы покрутил пальцем у виска и назвал собеседника неисправимым фантазером. Здесь же все обстояло чуточку иначе, и чиновники были деятельные, идейные и совершенно не зажавшиеся. Во всяком случае, конкретно этот человек – точно.

Возможно, это была специфика времени, в котором коммунисты – это и впрямь коммунисты. Не заворовавшиеся снобы из восьмидесятых, грызущиеся за льготы, и не бизнесмены с корочками, корчащие из себя правдолюбцев в девяностых. Здесь коммунисты и впрямь были Людьми с большой буквы, готовые и вкалывать до одури, и людей за собой в атаку повести. Вряд ли все, но многие – наверняка.

Правда, может стать, такому поведению способствовали уникальные для этих людей обстоятельства. Всю последнюю неделю они находились в информационном вакууме. Война началась, это было известно, а дальше – все, приплыли. Связи с областью нет – единственный в городе телефон замолчал в первые часы. Рации отродясь не водилось. Даже с радиолюбителями оказалась напряженка, это вам не Москва и не Ленинград, здесь запчастей хрен найдешь. На прием радио, конечно, работало, но там шла жуткая ахинея о массовом героизме и таком же массовом уничтожении вражеских дивизий. Неудивительно, что в этой мешанине вычлнить правду не получалось при всем желании.

И что тут прикажете делать? То, что про них в творящейся вокруг неразберихе попросту забыли, Еременко и Носиков понимали, но признаться в этом боялись даже самим себе. Дергаться без приказа? За это, случись ошибка, по головке не погладят. Конечно, и сложа руки не сидели. Еременко готовился к обороне города, хотя, как это сделать с наличными силами, не вполне представлял. Ну и склады к уничтожению готовил. Носиков своей властью собирал людей, создавая какое-то подобие ополчения. Вот только чем их вооружать? Охотничьими ружьями? Так даже их мало. А склады, на которых все необходимое имеется, ему вскрыть без приказа не дадут. В общем, бардак, и единственное, что смог сделать секретарь горкома, это приготовить имеющиеся в городе запасы. К эвакуации или уничтожению – это уж как получится.

С Мартыновым, сообщившим обстановку и отдающим четкие, ясные приказы, они смогли договориться моментально. Как уж он им представился, оставалось только гадать, бое-

вой пенсионер на этот вопрос лишь глаза закатил многозначительно, однако дело пошло с места в карьер. И двери складов гостеприимно открылись, явив свое драгоценное нутро.

Конечно, местечковая база – это вам не занимающие целые кварталы промзон и рассчитанные на аппетиты целых армий московские склады, но тоже ничего себе. Обмундирование, продовольствие, боеприпасы... В кои-то веки появилась возможность набить ими танки согласно уставу, да еще и сверх него прихватить. Топлива, правда, оказалось немного, зато имелись смазочные масла. Танкисты кривили носы, мол, не совсем то, что надо, однако брали, не жеманясь. А вот оружия минимум, так что довооружить воинство не получалось – на то, что лежало здесь, Носиков имел виды, на ходу организуя партизанский отряд.

В принципе, это оружие – полсотни винтовок, два десятка наганов и два пулемета – изначально для партизан и предназначалось. Когда-то умные люди в командовании Красной армии предполагали, что в случае войны придется организовывать сопротивление на местах. Для этого создавали такие вот склады, присылали инструкторов, тренировали людей. Потом линия партии и правительства резко изменилась, на партизанское движение уже не рассчитывали, инструкторов отозвали, а оружие отправили на ближайший склад. И вот, пригодилось.

Еременко со своими людьми решил уходить с колонной, все же рассчитывая, наверное, что удастся прорваться к своим. Мартынов, как понял Сергей, в нюансы своих планов местных посвящать раньше времени не собирался. Его подразделение, небольшое, но спаянное жесткой дисциплиной, пока что по мозгам не получавшее и боевой дух не растерявшее, серьезно усиливало отряд Мартынова. А вот главный коммунист оставался. Мозгов человеку хватило, чтобы понять – рвать когти бесполезно, шансы у окруженцев, идущих на прорыв, мизерные, надо оставаться здесь, где можно быстро организовать базу. И сейчас имущество, в первую очередь оружие и продовольствие, грузили на телеги, чтобы вывезти его в лес, благо место присмотрели заранее.

Весь найденный в городе автотранспорт, представленный тремя потрепанными грузовиками, Мартынов реквизирует, и Носиков не протестовал – отлично понимал, что в лесу машины не слишком полезны, да и бензин скоро кончится. Однако, легко расставшись с «полторками», за тракторы и подводы он лег костями. Ну, что поделаешь, ему тоже надо работать. Ну а пока отцы-командиры разбирались, что и как, остальные вместе с красноармейцами вытаскивали со складов все подряд.

Сортировали они добычу уже на улице. То, что не брали с собой, увлакивали что на партизанскую базу, а что и по домам, местные. Оставалось же им многое, и даже не потому, что не хватало техники. В конце концов, навьючивать можно и на танки. Просто зачем им с собой, к примеру, снаряды для двадцатидвухмиллиметровых орудий, если на танках, исключая трофейные, «сорокапятки»? Вот к этим орудиям боеприпасы таскали на своем горбу, подбадривая себя крепким словом отечественного разлива, и это здорово помогало...

– Эх, ну почему эти гады не забросили нас сюда с чем-нибудь по-настоящему серьезным?

– На то я могу назвать несколько причин, – зло выдохнул Игнатъев. – Впрочем, если ты наконец включишь голову, то и сам поймешь.

– Да ну? – Хинштейн брякнул так и не донесенный до танка ящик на землю и утер пот со лба. Надо признать, он не халтурил и, даже с учетом нагрузок последних дней, пребывал в неплохой физической форме. Вот только привычки к физическому труду, особенно длительному и монотонному, у профессионального мажора не было. Может, он и сумел бы поднять даже побольше, чем многие здешние красноармейцы, все же и крупнее, и питался в детстве куда как получше, но вымотался Альберт куда быстрее вчерашних крестьян, неутомимо сновавших туда-сюда. – Может, все же назовешь и не будешь играть в загадки?

– Ленивый ты, – пожурил его Игнатъев, садясь на какой-то тюк. Экстремал хорохорился, но тоже изрядно устал, лицо его было покрыто крупными, словно ягоды, каплями пота. – Ну, подумай сам. Они могли быть уверены в том, что наш либеральный журналист, к при-

меру, не побежит к немцам, чтобы передать им образец оружия будущего? Он ведь, помнится, искренне верил, что эти козлы несли нам цивилизацию и стремились ввести в семью европейских народов. Сейчас-то он запросто пойдет хоть в расстрельную команду, чтоб этих европейцев побольше закопать, но вспомни, как он вел себя вначале. И, напомню, свое мировоззрение сменил, лишь получив по горбу прикладом.

– Да ладно тебе... А еще какие причины? – хитро прищурился Альберт.

– Гм... А тебе одной мало?

– Ты сказал «А», говори уж и «Б».

– М-дя... Вот чего я не могу понять у вашего поколения, так это нежелание работать мозгами. Ладно, смотри сюда. Вот навесят на тебя автомат Калашникова. Сколько ты патронов к нему с собой возьмешь? Их ведь здесь не изобрели еще, запасы не пополнишь. Или РПГ. Из него получится довольно паршивая дубина.

– Но можно же нагрузить на что-нибудь, – попытался отбрехаться Хинштейн, уже понимая, что проигрывает спор. Игнатьев пожал плечами:

– Технику взять предлагаешь? Не факт, что наши... гм... наниматели в состоянии ее сюда пропихнуть. А даже если и смогли бы... Что ты хочешь? Т-90?

– А хотя бы.

– Да, хорошая машина, не спорю. Орудие калибра сто двадцать пять миллиметров. Расстреляешь боезапас – и что дальше? Снарядов-то таких здесь тоже нема.

– Ну, может, нашлось бы что-то более совместимое?

– Т-62. Нет, у него сто пятнадцать миллиметров, да еще и гладкоствольная, здесь снарядов к ней тоже не производят. Т-54, Т-55. Там, насколько мне помнится, обычные «сотки» устанавливали. К ним снаряды, может статься, в этом времени и найдутся. Калибры вроде подходящие. А может, и не подойдут, я специально не интересовался. Только вот техника имеет ограниченный ресурс, и вообще склонна ломаться. Ты ремкомплет для торсионной подвески здесь найдешь? Чтой-то я сомневаюсь. И это притом, что «пятьдесят пятый» местные ахт-ахт¹¹ пропорют запросто, так что на чудо-оружие он не тянет.

– То есть все наше оружие здесь оказалось бы бесполезно?

– Ну почему же. Есть вполне приличные образцы стрелковки под винтовочный патрон. Или Т-34 последней модификации нам могли бы подогнуть, уж его-то отремонтировать можно. Но в том-то и дело, что подавляющего перевеса, тем более над опытным, храбрым и хорошо подготовленным врагом, все эти системы не дают, а лезть на рожон провоцируют. Проще было дать нам самим вооружиться, уже здесь, заодно приобретя необходимый опыт. Что, в принципе, и произошло.

– Эй, чего расселись? – из глубины склада появились Сергей и Ковальчук, сторбившиеся под тяжестью ящиков. Этот мир уже сто раз заставил их сегодня проклясть местных интендантов, не сообразивших, что на складах нужны тележки. Увы, о средствах малой механизации, которыми пользовались грузчики в их времени, оставалось только мечтать. А ведь дома они проходили по разряду само собой разумеющихся. – Арбайтен, арбайтен, шнель¹²!

– Это у вас что? – поинтересовался Игнатьев, моментально определивший, что ящик не снарядный.

– Тушенка. Не пойму только, свинина или говядина.

– Поня-атно, – со вздохом протянул Хинштейн, которому на догмы иудаизма было плевать, но не вставить слово он не мог. – О здоровом питании здесь понятия не имеют. Овощей бы...

¹¹ 88-миллиметровые зенитные орудия немцев. Одна из наиболее эффективных артсистем того времени.

¹² Работать, работать, быстро! (нем.)

– Через месяц во всех огородах страны, – хмыкнул Игнатъев. – А вообще, не доверяю я вегетарианцам.

– Почему?

– Когда человек не ест нормального мяса, он начинает жрать других людей. Доказано Гитлером.

Хинштейн поморщился:

– Все это бред. Веганы...

– Дебилы. А чего, кстати, ты их защищаешь? Сам-то мясо наворачиваешь.

– У меня девушка вегетарианка, – почему-то смутился Альберт.

– Бывает, – сочувственно похлопал его по плечу Игнатъев. – Ладно, все, отдохнули – пора дальше работать.

– О! Шоколад! – Сергей, сдернул с полки замеченный им ящик. – Надо же, американский.

– Дай-ка... Ага, все понятно. Это для летчиков, с допингом. Прихватить стоит, но злоупотреблять этой дрянью я бы не рисковал.

– А я-то думал...

– Что, сладкое любишь? Это правильно.

– Почему?

– А сладкоежку на кол не посадишь. Ладно, не волнуйся. Найдем мы тут чего-нибудь, точно тебе говорю.

И впрямь, нашли. Правда, только сахар. Зато лежал он мешками. А еще нашли обмундирование, что радовало – свою одежду, грязную, пропотевшую и, самое главное, отличающуюся от местной, надо было срочно менять. Да и обувь тоже. Хорошо еще, здесь, на складе, отличных хромовых сапог имелась масса, хоть в этом Суворов-Резун, гад и предатель, не соврал. Плюс гигиенические принадлежности, которые тоже радовали душу – без мыла привыкшие к гигиене люди чувствовали себя неудобно. А еще хуже без зубных щеток, которые на складе тоже нашлись. Правда, на зубной порошок они смотрели, как талиб на визажиста, но деваться все равно было некуда – особого выбора в этом времени, да еще и в армии, не наблюдалось.

Однако переодевание и помывка (Носиков клялся, что все бани в городе уже топят) могли подождать. Вначале требовалось закончить погрузку, а затем еще и натянуть обратно гусеницы – дорога, как сообщили местные, километров через десять не то чтобы исчезала, но становилась не особо проходимой. Полуторки еще пробивались – но они же легкие, несколько человек запросто вытолкают из любой грязи. В БТ же без малого четырнадцать тонн, и ползать по уши в грязи, вызволяя засевшие машины, совершенно не хотелось.

Зато потом... Сергей всегда любил баню и считал, что знает в ней толк. Но, как оказалось, за прошедшие годы люди многое утратили, в том числе и в плане банного искусства. Когда он выполз на свет божий из низкой, осевшей в землю почти по самые оконца насквозь прокопченной избы, топившейся вдобавок по-черному, ощущения были, словно заново родился. Вроде бы все то же самое и в то же время совсем иначе. Оставалось лишь принять на грудь законные сто грамм, благо с самогоном здесь, в провинции, сложностей не было, и завалиться спать. Все же баня баней, а вымотался он сегодня ужасно.

Из сна его выдернули грубо и безжалостно. Если конкретно, сдернули одеяло и прорычали в ухо «Подъем!», добавив пару теплых и ласковых на великом и могучем. Подействовало не хуже допинга. Сергей подскочил, сел, ошалело мотая головой.

– Что случилось?

– Немцы.

– Где?

– А хрен их знает, – Игнатъев нависал над ним ожившей скалой. – Палыч всех наших поднимать велел.

Собирались минут десять. Управились бы шустрее, но пришлось долго искать Хинштейна. Этот умник, как оказалось, сохранил достаточно сил, чтобы пойти по бабам. И ведь нашел, зараза! Лет на пятнадцать старше себя и толстую, как авиабомба. Впрочем, таких, совершенно не вписывающихся в стандарты красоты далекого будущего, здесь было в избытке, а эстетические предпочтения Хинштейна – его личное дело. Именно поэтому Мартынов ограничился коротким профилактическим втыком о том, что не дело разбредаться, как тараканы, после чего прояснил ситуацию.

Как оказалось, все было не так страшно, как можно было подумать вначале. Да, немцы. Но не здесь, даже не рядом. Если конкретно, то километрах в двадцати с небольшим. И, естественно, сейчас они спят, без крайней нужды фрицы ночью не воюют. Откуда известно? Ну, тут все просто.

Еременко оказался не так прост, как это выглядело на первый взгляд, и не сидел на заднице ровно. При тех невеликих ресурсах, что у него были, он, с помощью Носикова организовал в ближайших деревнях примитивную, но действенную систему оповещения. Если опускать ненужные подробности, то как только в деревне что-то происходило, об этом сообщали Еременко. Или по телефону, или, если он не действовал, посылали человека. Реалии показали, что телефон следует исключить сразу, но и без него справились. Местные, отлично зная местность, имели все шансы добраться до цели напрямик куда раньше, чем пылящие по дороге автомобили. Петли-то дорога закладывала изрядные.

Именно с этим, кстати, и объяснялся тот факт, что по входящей в город колонне никто не стал стрелять. Просто прискакал, нахлестывая клячу преклонных лет, курьер с депешей, в которой сообщалось и о колонне, и о том, что немцами в ней и не пахнет. Так что никакой мистики. Сейчас произошло примерно то же самое. С той лишь разницей, что добирался он на своих двоих.

Ночью прибежал мальчишка как раз из той деревни, которая должна была стать следующей на их маршруте. По дороге туда было километров тридцать с гаком, ну а по лесу – часа два, не больше. Конечно, на лошади, тем более ночью, не проехать, но и пешком драпом особых проблем нет. Главное, знать, куда идти, ну и не бояться, естественно. Пацан оказался храбрым, места знал отлично, не раз в город бегал, так что информацию о вошедших в село немцах доставил вовремя. Правда, не слишком-то полную.

Немцы в деревню вошли уже перед закатом, моментально взяв ее под контроль. Сколько их, парнишка не мог сказать даже приблизительно. Однако он своими глазами видел и грузовики с солдатами, и полугусеничные бронетранспортеры, и даже танки. Правда, на вопрос «какие» лишь закатывал глаза – в марках немецких боевых машин он не разбирался совершенно. Неудивительно, кстати – фашисты затрофеили в Европе столько техники, что в их частях мешанина оказалась жуткая, сам черт ногу сломит. Оставалось лишь поражаться мастерству немецких механиков, ухитряющихся поддерживать в рабочем состоянии весь этот зоопарк.

В общем, много солдат и техники, а значит, ситуация была чревата серьезной дракой. И завтра они, судя по всему, двинут к городу. Иного варианта даже и не просматривалось – зачем фрицы, спрашивается, полезли в эту глушь?

Выдвинулась их колонна чуть свет, рассчитывая дойти до намеченной Мартыновым точки раньше немцев. Это было несложно, благо тем предстояло идти до точки нежданного randevu вдвое большее расстояние, но требовалось еще провести кое-какие приготовления. И Сергей порадовался тому, что гусеницы надели с вечера, не теряя сейчас время на дурную работу.

Место, которое облюбовал Мартынов и к которому их вывел лично Носиков, было как раз той точкой, где дорога превращалась в непролазную грязь. Не особенно глубокую и широкую, всего-то метров полсотни, но продвижению мешающую. Не пересыхала эта грязь, как пояснил

им проводник, даже в самое жаркое лето – небольшое болотце исправно подпитывало ее водой. Именно здесь их командир и решил встретить немцев.

Танки замаскировали по левую сторону дороги, там же разместились и пехотинцы. Было их немного, только те, кого привезли на броне, однако скоро подошли остальные. И почти сразу из-за деревьев донесся негромкий пока рев моторов.

– Сергей, за мной!

Хромов кивнул и, пристроившись в кильватер Мартынову, потрусил следом за ним в лес. СВТ давила на плечо, а ногам было хреново – в отличие от старших товарищей, молодежь портянки наматывать не умела. Им показали, естественно, однако получилось с первого раза плохо. Ноги не стерли, конечно, тем более в танках, но все равно ощущения так себе. Да и сапоги, не обмятые по ноге, казались тяжелыми и неудобными. Однако жаловаться и стонать не хотелось, и, стиснув зубы, он шлепал по жиже, благо сапоги не протекали.

– Стоп, – Мартынов поднял руку. – Здесь остановимся.

Сергей подошел, посмотрел в бинокль и признал, что место и впрямь хорошее. Дорога делала петлю, так что по прямой километр, а по колее все три. Хватит, чтоб спокойно оценить силы противника и вернуться к своим. Тем более что, судя по звукам, ползли немцы со скоростью беременной черепахи.

Он со вздохом опустил бинокль. Оптика была так себе. Вчера на складе взял – и уже убедился, что по сравнению с цейссовским, трофейным, играет с очень большой натяжкой. Впрочем, сейчас хватало и его, только вот немцев пока не было.

Сергей покосился на Мартынова. Тот лежал на спине, грыз сочную зеленую травинку и, казалось, совершенно не волновался. Словно бы предстоящий бой для него так, ерунда. Впрочем, может статься, так оно и было.

– Слушай, Александр Павлович... Ты как смог так легко с Еременко договориться? Он ведь не лох...

– Все очень просто. Назвал свое звание, не уточняя, что получено оно в будущем. Документы местного образца у меня с собой...

– Откуда? – удивленно открыл рот Хромов.

– Будешь смеяться, но нашел в кармане, когда мы сюда попали. Просто говорить не стал. Наши наниматели позаботились о нас, хотя и несколько... своеобразно.

– Опаньки... И кем же ты был?

– Полковник в отставке.

– Не кисло.

– Нормально, – усмехнулся Мартынов, переворачиваясь на живот. Пошарил биноклем по горизонту, но немцев не засек и вернулся в прежнее положение. – ГРУ, если тебе интересно.

– Я что-то подобное, если честно, предполагал. Да, важная ты был птица.

– Самые умные птицы на лето остаются в теплых краях. А я вот не смог бросить свой север.

Они немного помолчали, а потом Хромов спросил:

– Почему же ты, полковник...

– Жлобов охранял? – Мартынов усмехнулся. – Во-первых, было скучно лежать на диване. А во-вторых, я же ушел в отставку уже давно. Пенсия невеликая, а кушать хочется. Как-то так.

– Ушел или...

– Ушли. Впрочем, это неважно. Кажется, гости прибыли.

Действительно, звук усилился а еще через пару минут из-за поворота выползла немецкая колонна. Не такая и большая, кстати. Сергей по вчерашнему разговору ожидал чего-то посерьезнее, но, видимо, у страха глаза велики.

Впереди полз танк каких-то несерьезных, игрушечных размеров. Следом еще один, такой же. А, нет, чуть побольше. Потом шли пять грузовиков, и замыкал колонну похожий на желез-

ный гроб полугусеничный бронетранспортер. Но выглядело это со стороны все же довольно внушительно.

– Возвращаемся.

– Но...

– Я уже увидел все, что нужно. Сереж, не переживай, со временем научишься. Подозреваю, у нас сейчас будет много практики. Даже больше, чем хотелось бы.

Танки немцев подошли к раскисшему участку минут через пять после того, как Мартынов закончил инструктаж, и Сергей нырнул в ставшее уже почти родным нутро своего танка. За рычаги... Нет, ему нравилось водить машину дома, и он ничего не имел против того, чтобы порулить танком – четыреста авиационных лошадей за спиной впечатляли. Но также он помнил и читанное когда-то: механик-водитель – первый кандидат в покойники. А с другой стороны, Игнатьев опытнее и хладнокровнее остальных, к тому же единственный из их троицы служил в армии. Стало быть, ему и командовать. Хинштейн лучше всех стреляет. В условиях, когда они не освоили толком допотопный прицел, да и из орудия успели вчера сделать лишь пару выстрелов на пробу, это важно. Наводить придется через ствол. Впрочем, будем надеяться, что на этих дистанциях не промахнется даже тот, чья фамилия Криворучко.

Немцы были не идиоты и нахрапом в грязь не полезли. Остановились всей колонной, из головного танка вылез офицер в непривычной формы шлеме, походил туда-сюда, брезгливо огибая лужи, и махнул рукой. Тут же подскочил какой-то шнырь в потрепанном пиджаке и кепке. Головной убор сдернул, угодливо склонился... Тьфу! Сергей удержался от того, чтобы сплюнуть, лишь пониманием: самому ведь убирать. Но как быстро находят холуи! Похоже, в этом плане ничего не изменилось, такие встречались и в оставленном ими времени, есть здесь, наверняка были и раньше. Мрак!

Немец, между тем, что-то сказал, выслушал ответ... Что именно он там бухтел, не слышно – и расстояние еще приличное, и лес, пускай и редкий, звуки скрадывает, да и броня вокруг... Пускай люк до поры до времени и открыт, но все равно. И о смысле разговора можно лишь догадываться, хотя, по большому счету, и так все ясно.

Вот офицер ткнул пальцем в сторону дороги. Холуй часто-часто закивал и зашагал вперед, проваливаясь местами почти по колено. Сзади двинулась пара солдат, прощупывая грязь тут же, на месте вырубленными слегами. Остальные немцы остались на месте, ошестившись во все стороны винтовками и настороженно поглядывая вокруг. Место для засады хорошее, а эти орлы, похоже, волки тертые, не чета встреченным раньше, вконец оборзевшим и расслабившимся тыловикам.

Разведчики миновали опасное место довольно быстро, наскоро осмотрелись (ура Мартынову, не только заставившему танки замаскировать, но и лично проверившему, чтобы не халтурили) и дали отмашку. Первый танк тяжело и осторожно двинулся вперед, тут же просел по брюхо в грязь, но дно было твердым, и боевая машина, глухо завывая, поползла, разбрызгивая вокруг себя фонтанчики черной торфяной воды.

Второй танк полез сразу после того, как головной выбрался на сухое место. За ним двинулся грузовик – и тут же застрял. Для немецкой колесной техники эта дорога была все же противопоказана. Однако фрицы не растерялись и проявили завидную выучку. Танк, не успевший отойти далеко, сдал назад. С отработанной на полигонах сноровкой машину зацепили тросом и – раз-два-три – перетаскили через грязь. Пока водитель, громко ругаясь, решал, стоит ли счищать грязь со своего пепелаца, или подсохнет и сама отпадет, попутно сдирая липкую жижу с сапог, танк занялся перетаскиванием остальных машин. Ну а за последней, не дожидаясь, когда она окончательно переберется, в грязь полез и бронетранспортер, с трудом удерживающий дорогу. Гусеницы не давали застрять, но колеса скользили, машина практически не управлялась, опасно рыскающая, и лишь уже сформировавшаяся глубокая колея не давала бронетранспортеру сползти с дороги.

В этот момент Сергей и оценил всю красоту задумки Мартынова. Да, немцы дисциплинированы и профессиональны, однако все равно операция по перетаскиванию техники занимает довольно много времени. Сидеть и ждать результата долго и скучно. В результате к моменту, когда начался последний этап, практически все, кто перебрался через грязь, уже лениво ходили около своих машин. Кто-то просто не хотел сидеть в душном кузове под тентом, кто-то и до ветру отошел. А потом началось...

Орудие Pz-IV громыхнуло, и ползущий в грязи танк полыхнул огнем. Конечно, «окурок», короткоствольная семидесятипятимиллиметровая пушка, баллистикой как раз в силу длины ствола не блистала, да и бронепробиваемость у нее так себе, однако на этот раз мишень попала какая-то совсем уж картонная. Сергей с некоторым удивлением и отстраненным восхищением наблюдал, как внутри танка вспух огненный клубок, а потом его борта раскрылись на манер лепестков гигантского цветка. Башня чуть подпрыгнула, а затем провалилась внутрь, в пламя. А потом оно резко осело, и на дороге остались лишь чадящие куски металла. Еще секунда – и огонь вновь полыхнул до небес, это взорвались баки, но смотреть на голубоватое, почти прозрачное пламя времени уже не оставалось. Бой не ждал.

Пушка БТ над головой ударила звонко. По ушам с непривычки будто плетью хлестнуло, даже предусмотрительно засунутая в них вата не помогла. Хинштейн выстрелил – и попал. Второй немецкий танк покачнулся от удара, но устоял. Выпущенный практически в упор снаряд, пробив его насквозь, не взорвался и улетел куда-то в лес.

Тут же лязгнул затвор, и второй снаряд оказался результативнее. Взрыв. Из люка наполовину высунулся и повис офицер, так и не успевший ничего сделать, и в тот же миг часто и вразнобой захлопали винтовки.

Огонь из сотни стволов решил дело за какую-то минуту. Единственную оставшуюся у немцев боевую машину, так и не успевший выбраться из грязи бронетранспортер, в прямом смысле слова изрешетили. Из винтовок и пулеметов его кузов пробивался влегкую, да и кабина тоже. К установленному впереди пулемету никто даже подбежать не успел. Солдаты из грузовика тоже не выпрыгнули – его кузов продезинфицировали в два пулемета. Да и остальным немцам пришлось не легче. Лишь несколько выстрелов прозвучало со стороны избиваемой автоколонны, после чего немцы замолчали. Навсегда.

За спиной глухо взвыл двигатель. Тихонько выругавшись сквозь зубы – все же штурвал был не то чтобы удобнее, но куда привычнее – Сергей толкнул рычаги и помимо воли, ощутил гордость за скрытую в своем БТ мощь. Немецкие танки не могли похвастаться и половиной таких «лошадок». Бодро крутанулись гусеницы, и, подобно какому-то допотопному чудовищу, танк выполз на дорогу. Шевельнул башней налево, направо... Вроде чисто. А под прикрытием его орудий из лесу уже решительно лезла пехота.

Да уж, вот что делает с людьми победа. Еще недавно это были забитые, потухшие существа, боящиеся лишней раз поднять глаза. Сейчас, когда они справились с фактически равным противником, быстро и без потерь, веселье и бодрость духа из них так и перли. Конечно, вряд ли такой энтузиазм надолго, однако пока что все замечательно. Если не считать, конечно, пары стихийных драк – трофеев было немало, но оружия на всех все равно не хватало, и желающие им обзавестись уже вовсю хватали друг друга за грудки. Ну и ладно, сами разберутся. Группу Мартынова сейчас куда больше интересовали другие трофеи, те, от которых зависела их мобильность.

Ну, здесь картинка наблюдалась классическая. Все лучше, чем могло быть, но хуже, чем хочется. Из пяти грузовиков три остались на ходу. Одному, правда, шину пробило, но это мелочь. Еще один смрадно чадил, вроде и не разгораясь, но и не желая потухать. Несколько человек, отряженных потушить его, суетились вокруг, но толку было чуть. Ну и пятой машине близким взрывом танка разворотило весь передок. В полевых условиях такие повреждения точно не лечатся.

Ко всеобщему удивлению, на ходу остался бронетранспортер. Этот законный супруг шумовки, несмотря на художественную перфорацию, не получил более никаких повреждений, даже колеса остались целы. Только кабину от крови оттереть – и можно ехать. В общем, материальная часть пополнилась знатно, однако все равно большей части людей предстояло идти пешком.

– Ну, что будем делать? – мрачно поинтересовался Сергей, подойдя к Мартынову. Тот как раз увлеченно, но вполголоса спорил с Игнатьевым. Рядом сидели в пыли два немца, один с наскоро перевязанной дырой в брюхе, второй тоже изрядно потрепанный. Все, что осталось от колонны... Вряд ли раненый выживет. Хотя чего там вряд ли. Ни один не выживет, сейчас допрос закончат – и в овраг. Все честно, никто их сюда не звал.

Спорщики, на удивление синхронно, повернулись, и Мартынов удивленно заломил бровь:

– В смысле?

– В прямом. Александр Павлович, я твое право командовать ни разу не оспариваю. Просто хочу знать, что нам предстоит. Концов не вижу.

– Поясни.

Старшие товарищи смотрели на него с неподдельным интересом. Позади скрипнул песок, и, обернувшись, Сергей увидел подтянувшихся к месту действия Хинштейна и Ковальчука. Не наблюдалось разве что Вострикова – журналиста, похоже, нашел-таки свое призвание и, взяв за шкуру местных водителей, азартно матерился, заставляя их разобраться, чем же опели отличаются от полторок. Вот ведь, поди ж ты, нехстати подумалось Сергею. А ведь сложись у него судьба чуть иначе – и классный автослесарь бы получился. Впрочем, заострять вопрос не имелось ни сил, ни желания.

– Поясняю. Мы сейчас в худшем положении, чем до боя. Все, что происходило раньше, можно было списать на неизбежные случайности.

– Кому списать?

– Немцам, Альберт, немцам. Ну, пропала связь с одним-двумя подразделениями – бывает. Но когда исчезает колонна, поддерживаемая бронетехникой... Очень вшивой, конечно, но все же... Кстати, что это за танки такие?

– «Единица» и «двойка», – отозвался Мартынов.

– Ага, пулеметное вооружение, значит.

– На «двойке» автомат. Двадцать мэм-мэ. Несерьезно, конечно, но врезать может так, что мало не покажется.

– Ясно. Спасибо. Так вот, когда исчезает серьезное подразделение, значит, в тылу копошится кто-то серьезный, которого и ликвидировать надо с умом и привлечением соответствующих сил. Конечно, здесь бардак пока что, но это ненадолго. То есть внимание к себе мы привлекли, а вот поимели от этого немного.

– Ну, не скажи, – Игнатьев прищурился. – Три автомобиля, БТР, гора оружия...

– Которого все равно на всех не хватит, – безжалостно закончил за него Сергей. – Мы добавили в огневой мощи, но с мобильностью – увы и ах. На всех транспорта не хватит, а значит, плестись все равно будем со скоростью самого медленного, то есть пешехода. Поправьте меня, если ошибаюсь, но по всему выходит, что нас рано или поздно и найдут, и догонят. Подозреваю, скорее рано.

– Пальч, а мыслит-то он здраво, – Игнатьев повернулся к Мартынову.

– Я вижу.

Повисла недобрая пауза. Мартынов глядел в небо, словно пытаясь что-то прочесть по плывущим в глубокой синеве редким облакам. Игнатьев усмехался своим мыслям. Остальные напряженно ждали. Наконец экс-полковник вздохнул:

– Ладно, мыслишь ты действительно верно. Что же... Начнем с обстоятельств. Я не знаю, на сколько мы здесь застряли. Может, навсегда. Стало быть, надо примкнуть к стану победителей и сделать это так, чтобы не умереть в процессе. Ну и прожить остаток жизни максимально комфортно. Сейчас редкий период: статус людей определяется тем, что у них есть под рукой. Нужна маленькая армия. И вот смотрите, что за идея у меня появилась.

– ...Редкий бред, – выразил общую мысль Хинштейн, когда Мартынов закончил. – И давно эта мысль родилась?

– В общих чертах давно. Ну а сформировалась окончательно сегодня. Точнее, сейчас, когда пленных допросил. Ожидал я, что будет шанс наткнуться на что-то подобное, и, раз уж он подворачивается сразу, упускать его грешно. Если нет возможности уклониться от боя, придется атаковать.

– А мне нравится, – усмехнулся Сергей. На самом деле, он был от предстоящего совершенно не в восторге, однако решил поддержать командира. В конце концов, ему тяжелее всех и он, как ни крути, в их команде наиболее компетентен. Знает, что делает, в отличие от того же Альберта, чей опыт позволит разве что критиковать, но не даст предложить чего-нибудь осмысленного. Риск, конечно... Но он сам выбрал работу с риском, и деваться некуда. – Адреналина, правда, будут полные штаны.

– Но если все пойдет, как надо, то выиграем многое, – согласно кивнул Ковальчук. – По коням, что ли?

Городок был вшивенький, железнодорожная станция – ему под стать. Сергей как-то вяло, между делом подумал о том, что даже не узнал, как он называется. Не узнал – и знать, откровенно говоря, не хотел. Смысл? С присущим его поколению цинизмом Хромов секунду подумал и решил, что с местом, где произошла их заброска, он и так не запутается, а все остальное представляет для него столь малую ценность, что и голову забивать незачем. Куда интереснее и важнее, что в этом городе творится.

Откровенно говоря, ничего особенного не происходило. В городе уже обустроились немцы, человек тридцать или около того. Мартынов наверняка подсчитал точнее, но Хромову, сроду не занимавшемуся ничем подобным, уловить разницу между лениво мельтешащими в километре от него фигурами в одинаковых, мышинного цвета, мундирах никак не удавалось.

Немцы мельтешили, жители на улицу даже нос не высывывали. Мелочь. Абсолютно ничего интересного ни в городе, ни на станции, мимо которой даже войсковые эшелоны проходили, не останавливаясь. За последний час в одну сторону прошло три состава и столько же в другую. Трафик получался довольно напряженным. И прошли бы они мимо этой станции, обойдя ее широким полукругом и не привлекая внимания, если бы не одно серьезное «но».

Три дня назад на эту станцию буквально влетел эшелон с танками. Советский, что характерно. И это притом, что город к тому моменту был уже два дня как занят немцами. Похоже, бардак творился первостатейный, и никто ничего толком попросту не знал.

Эшелон немцы тут же прихватизировали, вне очереди прописав дорогу в рай едущим вместе со своими машинами танкистам. Те даже дернуться не успели. А и успели бы – что с того? Сгрузить танки в чистом поле (точнее, в лесу, но это сейчас ничего не меняло), с высокой насыпи, они все равно не могли, на платформах же грозные боевые машины – не более чем мишени. Нет, будь в городе, вот как сейчас, взвод толстомордых бургеров, шансы имелись бы, но в недавно взятом населенном пункте в тот момент находился целый полк лихих, опытных солдат из тех, что и по Парижу, и по Варшаве, и через Арденны... В общем, сработали быстрее, чем танкисты «мяу» сказать успели.

Пожалуй, единственным, кто хоть как-то успел отреагировать и что-то сделать, оказался машинист. Вот только выбраться со станции его паровоз не успел – сзади подкатил второй поезд, госпитальный, и наглухо заблокировал рельсы.

Сейчас оба состава замерли на запасных путях, никому особо не нужные. Пленных – врачей (а плевать-то немцы хотели на все конвенции, тем более, Советский Союз их не подписывал) и с десятков непонятно как уцелевших танкистов – загнали в пакгауз, выставили охрану и стали ждать, когда приедут трофейные команды и все добро оприходуют. Ну а Мартынов, узнав об этом, просто не мог пройти мимо стоящей без толку дюжины танков БТ. Куркуль!

Сергей поморщился. На этом переходе они потеряли почти сотню человек. Как потеряли? Да по-глупому. Думали, сбежал Поженян – и все, проблемы кончились, а оказалось, они только начались. Желаящих покомандовать и без него оказалось немало, просто они были умнее. Вместо того, чтобы в открытую качать права, эти умники обеспечили себе прочный тыл, благо лучше знали людей, с которыми вот только что вначале воевали, потом сдались в плен, а на финал еще и сидели в одном лагере. Отлично понимали, стервецы, что за плен их по головке не погладят, но если они выведут своих людей, да еще и трофеи пригонят, разговор будет совсем иным. А потому, когда Мартынов объявил о решении идти громить немецкие тылы, с ним громко не согласились, и через какие-то секунды их отряд оказался разделенным на две группы, ошестинившиеся друг на друга винтовками.

Те, кто решил порулить, действовали в полном соответствии с ленинскими заповедями. Давили, с одной стороны, на присягу, с другой – на то, что кровью надо искупить. При этом не собирались подчиняться подозрительному полковнику со старорежимными замашками и периодическими оговорками про офицеров. Ну и решение предлагали ясное и простое – идти на прорыв, на соединение со своими частями, а там уж командование решит, кто, что и зачем. В общем, кому-то это показалось заметно предпочтительнее неизвестности.

Вот и получилось то, что получилось. Хорошо еще, большинство проявило редкое здравомыслие, сообразив, что с одними они уже лишились оружия и попали в лагерь, а другие их из лагеря выдернули и оружие дали. Ну и повезло немного – Сергей, Игнатъев и Хинштейн как раз возились у своего танка и, когда поняли, к чему идет дело, отреагировали правильно. Сергей подхватил винтовку, Игнатъев, как раз до половины вылезший из люка, нырнул обратно и начал резво поворачивать башню, а Хинштейн, усмехнувшись, положил руки на МГ, который хозяйственно прихватил из расстрелянного грузовика. Как он стреляет, все уже знали, а потому намека хватило. Группа, идущая к ним с явным намерением наложить лапу на бронетехнику, живо сделала вид, что ее это не касается, они вообще тут облаками любят, и свалила. Так что вздумавшим поиграть в молодых наполеонов теперь предстояло иметь дело не только с превосходящими силами, но и с боеготовым танком, что весьма остужало их пыл. Ну и еще тот факт, что вооружены были те, кто держал сторону полковника, едва не поголовно, а у них половина все еще ходила в лучшем случае с ножами.

Так они и стояли друг перед другом, направив стволы... Русские на русских. И воздух искрил от напряжения. А потом, небрежно растолкав остальных плечами, вышел Мартынов. Посмотрел – и скривился презрительно:

– Да уж, орлы... что деревья клюют. Наполеон говаривал, что много раз прощал приговоренных и каждый раз потом раскаивался. Вот и я... раскаиваюсь. Стоило бросить вас еще там, за колючкой. Ладно, что сделано – то сделано. Берите, что при себе, и валите отсюда!

Это было лучшим выходом, и все понимали расклады, но кто-то все же вякнул:

– А как насчет машин?

– Вы на них не заработали, – с усмешкой ответил Мартынов, и люди за спиной поддерживали его нестройным гулом. Понятное дело, если делиться, кому-то придется ходить пешком, а так пусть в дикой тесноте, но поместятся в кузова и на броню. Совсем другой коленикор. – Все, идите, не испытывайте мое терпение.

Они еще некоторое время мерили друг друга взглядами, а потом отщепенцы развернулись и ушли. Драться никому не хотелось. А у Мартынова полдня руки тряслись от злости.

Лишь сегодня утром, когда они добрались до станции, к полковнику вернулось душевное равновесие. И то, как подозревал Сергей, потому, что предстоящий бой занимал все его мысли.

– ...Сергей, ты все понял?

– Понял, Александр Павлович, не переживайте. И людей подобрал.

– Ну, смотри. Аккуратнее там.

– Сделаем все чики-пуки, – ухмыльнулся Сергей. – Начинаем, или как?

– Начнем, помолясь, – Мартынов вразвалочку подошел к своему танку и с невероятной для его возраста и фигуры ловкостью нырнул внутрь. Высунулся из люка, напялил трофейный шлем в дурацком стиле дизельпанка, улыбнулся широко, будто вспоминая молодость. – Ну, погнались!

В город они въехали красиво. Даже, можно сказать, нагло. Впереди «четверка» Мартынова, за ней «тройка» и «чех». Видовая принадлежность этих танков ни у кого сомнений не вызывала, так что уныло ползущие в хвосте, после двух тентованных «опелей», БТ уже не вызывали подозрений. Немцы с хомячьим упорством затрофеивали все, что можно, и активно потом использовали. Захватили русские танки – почему бы и нет? Так, похоже, размышляли и местные фрицы, поскольку ни один даже не дернулся, лишь с нормальным для тыловиков интересом наблюдая за незнакомыми бронестяжками.

Грузовик, в кузове которого ехал Сергей, въехал в город последним, заметно отставая от основной колонны. В принципе, он от нее сразу же и оторвался, развернувшись в сторону железнодорожной станции, и, поднимая клубы пыли, на огромной для этого времени скорости аж в сорок километров в час запрыгал по ухабам. Вцепившись в свою винтовку, Сергей шепотом ругался. Сквозь зубы, что характерно, иначе рисковал откусить язык. Мало того, что этот пепелац тряскостью превосходил все, виденное ранее в жизни, так еще и дороги даже тут, в городе, заставляли с тоской вспоминать родной мир. Там «направления», которые традиционно принято было ругать, по сравнению с местными реалиями выглядели настоящими автобанами. Местные страдали чуть меньше, они привычные, да и сравнивать им не с чем, а вот ему приходилось тяжело. БТ с его поразительно мягким для танков этого времени ходом сразу же начал казаться едва ли не лимузином.

Видимо, лицо от тряски перекосило настолько знатно, что сидящий напротив Сергея боец понимающе хмыкнул и сказал:

– Не переживай, старшой. Справимся.

– Все нормально, Васильич...

Хромов вымученно улыбнулся и не стал объяснять, что страдает вовсе не из-за предполагаемых сложностей. Хрен бы с ними, откровенно говоря. Однако вдаваться в нюансы смысла он не видел, пусть думают, что хотят. Ему же и без чужих мыслей геморрою хватает. Потому он дежурно отшутился, поудобнее перехватил теплое ложе СВТ и в очередной раз посмотрел на свою группу.

А нормальный народ подобрался, не зря сам долго и тщательно обдумывал, кого брать. Всего пятеро, включая Хромова, водитель шестой, немного, но для задуманного должно хватить. В конце концов, не форт штурмовать собираются. А у него, Хромова, опыта командования в бою, считай, никакого, так что большой отряд попросту выйдет из-под контроля. Нет уж, лучше меньше, да лучше – прав был лысоватый классик.

Из сидящих в кузове у троих немецкие автоматы. Точнее, пистолеты-пулеметы, но до «калаша» местным оружейникам еще расти и расти, так что нечего к терминологии придирааться. Кстати, детище германских оружейников оказалось на проверку достаточно удобной машинкой, компактной и не слишком тяжелой. Правда, так, как показывают в кино, не потаскаешь, и откидной приклад хлипковат, но для ближнего боя оружие что надо. Мартынов предупредил, что с увеличением дистанции эффективность «немцев» резко падает, и даже футбольное поле по диагонали простреливать уже проблематично. Однако сейчас бой, если он еще

собой ошарашенное, ничего не понимающее лицо немца с выпученными глазами и усиками аля фюрер, и, разгибаясь вкладывая в удар вес всего тела, врезал тому кулаком в челюсть. Прикладом было бы сподручнее, но об этом он сообразил лишь через секунду, видя, как расправляется со своим подопечным Васильич. Короткое, скупое движение – и немец, механически сделав два шага назад, рухнул на спину уже без признаков интереса к жизни. Глубочайший нокаут, если только шея не сломана. Впрочем, клиенту Сергея хватило и кулака – во всяком случае, разлегся он не менее живописно.

– Работаем, работаем, работаем...

Кажется, в этом времени принято было говорить иначе, но сейчас никто не обратил на это внимания. Тем более, роли были заранее распределены и даже, насколько возможно, отрепетированы. Троица с автоматами тут же заняла оборону, стараясь не высовываться. Пока немцы не знают, что случилось, у них не появится соблазн тут же, на месте, покончить с пленными. Водитель – ну, он при мундире, ему можно – по-хозяйски прибрал у часового винтовку и патроны, после чего залез к себе в кабину. С винтовкой он явно чувствовал себя увереннее – еще бы, лезть в бой с одним пистолетом не особо интересно. Он, в отличие от остальных, оружием не прибарахлился – не получилось, бывает, водители вообще редко склонны лезть вперед, в этом времени они товар уже не штучный, но еще ценный, привыкший к тому, что их положено беречь. Но не посылать же человека в бой безоружным, и Сергей отдал ему один из своих вальтеров. Для водителя – самое то, но все равно по сравнению с нормальным оружием любой пистолет громкая и маломощная пукалка.

Вальтера было не жалко – в конце концов, с двух рук Сергей стрелять не умел. Мартынов, правда, обещал, что покажет при случае, как это делается, и говорил, что у Хромова должно получиться. Может, и так, но это будет потом, сейчас и одного-то с избытком. Так что пусть водитель ощущает себя вооруженным до зубов, даст бог, не пригодится.

Здоровенные, сколоченные из толстых досок и обшитые по периметру железным уголком, ворота были закрыты на соответствующих размеров засов. Ну и замок при нем, большой, амбарный. Сергею приходилось видеть такие в родной деревне, хоть и считались они жутким антиквариатом. Он быстро охлопал карманы часовых – нет, ключей не наблюдалось. Что же, переходим к плану «Б». Позаимствованная у водителя отвертка, щедрой рукой плеснуть масла в механизм... Щелчок – и замок неожиданно легко повисает на откинувшейся дужке.

– Могешь, – не то одобрительно, не то совсем наоборот усмехнулся Васильич. – Из блатных, что ли?

– Дед кузнецом был.

– А-а, понятно, – на сей раз интонации звучали, без сомнения, одобрительные. – Открываем...

Вдвоем они аккуратно, чтобы не греметь, сдвинули засов, не спеша открыли дверь. Точнее, откатали – как и двери теплушек, она отъезжала вбок. Дружно шагнули внутрь, осторожно, чтобы не получить по голове чем-нибудь тяжелым – и были встречены тишиной, полумраком и тем неповторимо мерзким запахом, который издают тела трех десятков человек, несколько дней запертых в не самом большом помещении. Сейчас эти люди, мужчины и женщины, сбившись в плотную кучу и щурясь от проникающих в ворота лучей солнца, настороженно смотрели на гостей. Сергей хотел было сказать им, чтоб не дергались, но Васильич дернул его за рукав:

– Старшой, дай-ка лучше я, а то у тебя говор уж больно заумный. Люди! Сейчас будет стрельба, так что сидите тихонечко и не дергайтесь. Бабоньки, к вам это в первую очередь относится.

Кто-то из женщин всхлипнул, но серьезной истерики пока не наблюдалось. Ну и ладненько. Они выбрались обратно на улицу, настороженно оглядываясь по сторонам, но все пока было спокойно. Вот только оставалось у Сергея невероятно стойкое ощущение, что за

несколько секунд, которые он провел внутри пакгауза, он успел провонять запахами пота, страха и испражнений. И выветриваться эта вонь упорно не собиралась. Минут пять ничего не происходило. Потом вдруг часто-часто захлопали выстрелы. Группа Хромова тут же ошетибилась оружием, но стрельба затихла почти сразу – пророкотал басом пулемет, и все. А потом из-за поворота выскочил ставший родным уже БТ, и Игнатъев, высунувшись из башни, замахал рукой и заорал, перекрикивая шум мотора:

– Все, порядок! Давай, выводи свою добычу!

Как оказалось, все прошло как-то даже буднично. Танки остановились возле здания (для двухэтажной хибары, обшитой дранкой, почти комплимент), Мартынов вылез из своей машины и, в сопровождении пяти одетых в трофейную форму красноармейцев, вошел внутрь. Что там происходило, он не распространялся, а снаружи шевеление началось, только когда из окна второго этажа, неся на плечах раму, с воплем вылетел пузатый денщик командовавшего местными олухами лейтенанта. Тут находящиеся снаружи немцы попытались схватиться за оружие, но их положили быстро и качественно. Зря, что ли, красноармейцев несколько грузовиков привезли? Вот и все, откровенно говоря. Трое пленных, включая лейтенанта, и богатые трофеи. Ну а Игнатъев сразу же помчался предупредить Хромова – мало ли что...

Выслушав новости, Сергей только кивнул. Было как-то не по себе, адреналину в кровь плеснуло знатно, а на выходе – пшик. Впрочем, черт с ним. Неторопливым, но притом быстрым шагом он вернулся к пакгаузу, махнул рукой своим и, сдвинув ворота, громко сказал:

– Ну, вот и все закончилось. Селиверстов!

– Я! – подскочил шустрый боец с автоматом наперевес. Сергей кивнул ему на освобожденных:

– Отведешь их к нашим. Только осторожно, мало ли, какие недобитки ползают, – и, повернувшись к начавшей уже шевелиться толпе, бросил небрежно: – Мне нужны один-два человека, которые с танкового эшелона, кто-нибудь из врачей... Будем смотреть ваше хозяйство. Васильич, бери наших – и хоть из-под земли мне нарой начальника станции. Или кого-то, кто может его заменить. Я в этих стрелках-рельсах разбираюсь, как свинья в апельсинах. Давай, шустренько.

– А если они на немцев работали? – деловито поинтересовался боец. – Кого тащить?

– Кого угодно, я в сортах говна не разбираюсь. Главное, чтоб мог этим хозяйством управлять. Можешь пообещать ему жизнь. Если он ее заработает, конечно. В общем, вперед! И добудь мне путейцев. И машиниста, хотя бы одного.

Эшелон с танками производил впечатление. Чистенькие, свежеекрашенные... Хотя и не новые – один из сопровождающих Сергея бойцов – в последний момент подкатил отправленный Мартыновым следом за БТ «опель» с дюжиной красноармейцев, так что их группа стала выглядеть максимально внушительно – живо определил, что это БТ-5, машинки предыдущего поколения. Впрочем, по характеристикам они отличались от «семерок» не так и сильно. Десять в обычном исполнении, два – в командирском, с поручневыми антеннами вокруг башен. Впрочем, полагающаяся таким машинам рация и характеристиками, и, главное, надежностью уступала немецким аналогам, что с грустью подтвердил сопровождающий их лейтенант-танкист. Он же, правда, клятвенно уверил, что танки только из ремонта и находятся в неплохом техническом состоянии. Ну-ну, посмотрим, а сейчас стоило продолжить экскурсию.

Паровоз хозяйственные немцы успели отцепить, а вот пассажирский вагон для комсостава и две теплушки остались. Вид у них был такой, словно ими занималась стая термитов или, как вариант, боевых дятлов. Похоже, немцы, не мудрствуя лукаво, пригнали сюда пару бронетранспортеров и причесали вагоны пулеметами. Кровищи внутри было, как на скотобойне. Темной, запекшейся... И туча мух. Но при этом офицерские пожитки фрицы успели растащить безо всякой брезгливости.

Еще четыре площадки заинтересовали Сергея даже больше, чем танки. Восемь зениток калибра тридцать семь миллиметров. И вагон боеприпасов. Тот, кто этот эшелон комплектовал, понимал толк в войне. А еще сзади прицепили цистерну топлива! При виде этого богатства захотелось прыгать и вопить от радости, и Хромов сдержался лишь потому, что не хотел ронять авторитет. Все же реакция людей этого времени во многом отличалась от его собственной, и гадать, что получилось сделать не так, было совершенно не с руки.

В контрасте с этим богатством, размером плюшек тянувшим не менее чем на рояльную фабрику, медицинский поезд на них произвел удручающее впечатление. Настолько удручающее, что сопровождающая их докторша, немолодая полноватая тетка с печальными, еще не отошедшими от плена глазами, лишь всхлипнула. Начальник санитарного поезда пытался оказать немцам сопротивление и был убит, так же как и вообще все мужчины, включая машиниста, и теперь среди немногих уцелевших докторов-санитарок царили разброд и шатание. Эта вывзалась проводить освободивших ее людей сама, но теперь у нее на лице разве что буквами не было написано, что лучше б она сюда вовсе не приходила.

Поезд был разграблен буквально «в ноль». Немцы гребли все – лекарства, инструменты, вещи... Как с удивлением узнал Сергей, их собственная медслужба поставлена была отвратительно. Да, врачи хорошие, грамотные, подготовка на высоте. Как минимум не хуже, чем у русских коллег. Но вот оснащение. Светлана Александровна, так звали врачиху, успела поучаствовать в Польском походе и неплохо пообщаться с немецкими медиками. Так вот, дефицит лекарств и оборудования в полевых госпиталях у них даже тогда наблюдался жуткий¹³. Генералов наверняка лечили иначе, но ресурсы, выделяемые на простых солдат, выглядели смешно и нелепо. Выручали, пожалуй, только хорошо поставленные санитарно-гигиенические мероприятия да неплохое обучение всех, кого можно, навыкам оказания первой помощи. Но в условиях большой войны этого явно недостаточно, вот и хватали немцы трофеи, радостно попискивая.

Словом, ничего интересного, сейчас это были просто вагоны на рельсах, целые – и абсолютно бесполезные. Опять же, без локомотива, да вдобавок блокирующие рельсовые пути. И что дальше?

Дальше появился Васильич, который время даром не терял и пригнал целую толпу. Пригнал в буквальном смысле, активно толкая прикладом в спину местного «предводителя дворянства», невысокого, полноватого, но сейчас заметно спавшего с лица нестарого еще мужичка в пиджаке и с кепкой а-ля Ленин, которую активно мял в руках. Судя по каплям пота на блестящей, покрытой мелкими веснушками лысине, он дико нервничал и боялся. Иную физиологическую реакцию смело можно было отметить – не так уж жарко было сегодня.

Еще трое шли без принудительного подталкивания. Они, конечно, идти не особенно жаждали, однако солнце мягко поблескивало на стволах трофейных автоматов в руках красноармейцев, и эти люди не рисковали спорить. Хорошо понимали, что идет война, и человек с оружием в такой ситуации царь и бог. Так что шли, покорно и понуро, загребая сапогами (ну что за мода – все в сапогах!) мелкую рыжевато-серую пыль.

– Вот, старшой, все как ты приказал, – ухмыльнулся Васильич. – Начальник станции, – тут он коротким движением подтолкнул толстяка прикладом в спину, – его зам, – кивок в сторону держащегося не в пример спокойнее человека средних лет, среднего роста и вообще какого-то усредненного во всем. – Еще двое машинистов нашлись...

– Это хорошо, это радует, – задумчиво сказал Хромов, прикидывая, с чего бы начать разговор, но тут Игнатьев ловко оттер его плечом:

– А давай-ка я с ними пообщаюсь. Я с аморфной массой дела имел много, опыт есть.

¹³ В мемуарах немецких врачей того периода подобная информация действительно проскакивает. В начальный период войны они не были готовы к такому количеству раненых.

– Ну, давай, – с некоторым облегчением кивнул Сергей и шагнул в сторону, дабы понаблюдать за действием. Ну и поучиться, конечно. Все же крутой бизнесмен и вообще повидавший жизнь человек знает и умеет больше, чем студент... пускай его даже и принимают за офицера, пардон, командира. Интересно, кстати, почему? Мартынов постарался?

Игнатьев тем временем шагнул навстречу доставленным, шевельнул плечами, на первый взгляд, просто так, а на самом деле привлекая внимание к их ширине и своей способности дать кому нужно по мозгам, и деловито спросил:

– Ну что, товарищи... которые больше не товарищи. Доигрались?

– Э-э-э...

– Что э-э-э? – передразнил начальника станции Игнатьев. – Ты что, решил, что советская власть тебе этот пост доверила, чтоб ты с врагом сотрудничал? А знаешь, что за это бывает?

Судя по погрузневшему (хотя, кажется, уж куда больше-то) взгляду, знал, стервец. Очень хорошо знал, куда лучше самого вопрошавшего. А Игнатьев, пользуясь моментом, развивал успех:

– А теперь скажи мне, тварь дрожащая, что тебя на сотрудничество с врагом толкнуло? И какой овраг ты себе выберешь? Таких, как ты, на кладбищах не хоронят...

Наблюдать за Игнатьевым было одно удовольствие. Он давил, запугивал, снова давил. И при этом ухитрился ни разу не перегнуть палку, словно чувствуя ту черту, после которой крыса с верещанием кидается на кошку. Позже Сергей, усмехнувшись, сказал ему: «Тебе бы в следователи, какой кадр НКВД упустил». И получил в ответ: «А кто тебе сказал, что я всю жизнь занимался бизнесом?» Все так, но это потом, а сейчас Игнатьев склонялся к сотрудничеству железнодорожников, и получалось у него очень даже неплохо.

В общем, уже через пятнадцать минут все закрутилось. Вот только что с этим закручиванием делать-то? Ни одного паровоза здесь не было, а без них растаскивать вагоны – мартышкин труд. С высокой полутораметровой насыпи танки не спустить – перевернутся. А главное – и об этом пришлось говорить уже с подросшим Мартыновым – надо было решать вопрос с немецкими эшелонами, идущими по железке четко, как часы. Орднунг, чтоб его!

Мартынов, кстати, уже имел на руках полное расписание движения – успел допросить пленных. И знал, что один из эшелонов на станции должен почти два часа стоять, пропуская встречные. За это время немцы и углядят все, и поймут. И, если это будет эшелон с войсками, успеют натворить дел. А с другой стороны, эшелон – это еще и паровоз, который сейчас реально необходим. И что теперь делать?

– Нам нужно выиграть время, – сказал тогда Мартынов. – Хотя бы несколько часов. Здесь, – карандаш ткнул в точку на карте, – и здесь – мосты. И дорога туда идет, по которой можно добраться. Не стратегические объекты, но если их рвануть, то мы окажемся отрезаны с обеих сторон, и немцы сюда доберутся не скоро. Справитесь?

Легко сказать... А чем рвать-то? Взрывчатки у них нет, а из танковых сорокапятков расстреливать мост – дурь несусветная. Однако же есть задача, которую необходимо выполнить, а значит, все эти рассуждения не особенно важны. Сергей повернулся к Игнатьеву, понял, что тот крутит в голове примерно те же мысли, и, вздохнув, кивнул:

– Сделаю. Какой из объектов мой?

– Дальний, – Мартынов показал. – Твои БТ успеют. Не заблудишься?

– Если верить этой карте, здесь и блудить-то негде. Дорога одна. Главное, чтобы топлива хватило, БТ – прожорливая машинка.

– Хватит, не волнуйся, здесь не так уж далеко...

Вот об этом можно было и сразу догадаться. Беда в том, что Сергей, подобно большинству представителей его поколения, карту читать не умел от слова «вообще». Но дорога действительно была одна, и потому он сейчас гнал свой танк, поднимая сливающимися в бесконечные сверкающие ленты гусеницами тучи пыли. Кроме него в машине находились Хинштейн, вце-

пившийся в поручень и стиснувший зубы, чтоб на очередном ухабе не прикусить язык, и тот танкист, что недавно выступал в их экипаже инструктором. У Игнатьева свое задание, так что, взяв два Т-26, он ушел ко второму мосту, и вакансию пришлось заполнять, причем срочно. Хорошо еще, имелся кадр на примете, к тому же хорошо разбирающийся в технике.

Позади БТ отчаянно прыгала на ухабах «полуторка» с бойцами. Памятуя недавнюю поездку, Сергею даже страшно было представить, что творится в кузове. Впрочем, и ему самому приходилось несладко, не столько от тряски – к ней-то он как раз адаптировался – сколько от вездесущей пыли. Она широкими потоками проникала через открытые люки, покрывая танк изнутри рыжеватым налетом, оседая на одежде и коже, смешиваясь с потом и превращая лица в гротескные маски... А куда деваться? Закроешь люки – сварисься, эти бронированные душегубки, вполне естественно, не имели даже намека на кондиционер, а броня под солнцем успела накалиться. Да и, подозревал Хромов, толку от задраенных люков будет немного, танк негерметичен и щели в нем широкие. Оставалось терпеть и утешать себя мыслью, что экипажу второго БТ приходится еще хуже. Он-то замыкал их колонну и мчался сквозь облака пыли от головной машины и грузовика.

Хорошо еще, что гонка продолжалась сравнительно недолго. Километров тридцать всего-то. И все равно, к концу пробега у Сергея с непривычки сводило от усталости и спину, и руки. Он считал себя неплохим водителем, но, увы, продукция даже отечественного автопрома образца «восемьдесят лет тому вперед» и чудо здешней танковой индустрии оказались штуками немного разными. И пусть БТ создавался сильнейшей и наиболее развитой в мире танковой державой (без дураков, и он, и другие современные танки СССР были лучшими в мире среди одноклассников), управление им – занятие не для слабаков.

Что они приехали, Сергей понял не сразу, остановил танк лишь после второго, довольно увесистого пинка между лопаток. Обернулся удивленно, увидел танкиста, трясущего кулаком перед его носом и жестом показывающего, чтобы заглушил двигатель. Пришлось подчиниться. Как оказалось, вовремя. Еще пара минут – и они бы, повернув, выскочили из леса в полукилометре от моста. Подставились бы капитально. А так – ничего, фрицы их даже не слышали, все же деревья отлично рассеивают звук. Во всяком случае, охрана моста не выказывала ни малейшего беспокойства.

Мост был... Ну, какова речка – таков и мост. Жалкая сотня метров. Но река глубокая, берега топкие. Параллельно железнодорожному рядом еще и наплавной мост. И его, и железнодорожный, как успел узнать Сергей, немцы захватили целехонькими. Армейская разведка отличилась – выскочили, как чертики из табакерки, и в два счета покروшили из пулеметов охрану, прошляпавшую их прорыв. Так что бонусы для своих подразделений немцы получили. Не очень большие – направление, как ни крути, было насквозь второстепенным. Даже сейчас здесь почти никого не было – так, грузовик, судя по цистерне, водовозка, стоящий чуть в стороне от въезда. Шофер, облокотившись на крыло своей машины, лениво курил и о чем-то разговаривал с часовыми, так же непринужденно дымившими и на окружающее внимания не обращавшими. Еще один фриц сидел с удочкой на самом мосту, болтая в воде босыми ногами, в точности как любой деревенский Ванька. Орднунг, орднунг... Разгильдяйство неистребимо и интернационально.

Похоже, немцы в очередной раз попались непуганые. Точнее, неученые. Что, учитывая момент, и неудивительно. Конечно, ученье – свет, а неученье – кайф, но сейчас это выйдет им боком. Пожалуй, единственное, что пока смущало Сергея, это полное отсутствие времени на подготовку и два блокпоста, на обеих сторонах реки. Ближайший сминаясь без проблем, а вот со вторым что делать? И это притом, что идея, как уничтожить мост, не имея взрывчатки, в голову пришла моментально. Придется импровизировать.

– Васильич! – Сергей махнул рукой, подзывая сподвижника. – Вот смотри, – тут он изложил ему идею. – Как думаешь, сможем?

– Лихо. Рискованно, но лихо. Помню, мы в свое время тоже... Я бы рискнул.

– Тогда бери свою группу – и на броню! Сейчас объясню всем диспозицию – и погнались, времени нет совсем.

Получилось действительно лихо. Круче, чем даже ожидал Сергей. Возможно, тут сказался менталитет немецкой армии, которая никого не считала себе равной. В принципе, она и впрямь была лучшей из лучших. И будет ею ровно до тех пор, пока русский мужик, проснувшись, не слезет с печки и не достанет из чулана дубинку. А может, все проще. Ведь немецкая армия двадцать лет была маленькой – и очень профессиональной. Когда пришла пора ей становиться грозным вермахтом, вчерашние лейтенанты стали майорами, унтеры – лейтенантами, а рядовые – унтерами. Однако на все дыры людей не хватало, всерьез подготовить новое пополнение не успевали. Рядовых – еще туда-сюда, а вот с унтерами и офицерами проблема. Численность увеличивалась, кадровый голод никуда не делся, и по-настоящему серьезные вояки сейчас ломали оборону деморализованных, но традиционно неуступчивых русских. Здесь же, на охране не слишком важных объектов, сидели отнюдь не лучшие представители германских вооруженных сил. И реакция их была вполне адекватной для необстрелянных толком вояк. Но все это Сергей обдумал и проанализировал куда позже, а сейчас он гнал свой БТ в атаку и молился, чтобы у немцев не нашлось чего-нибудь всерьез противотанкового. А то ведь первым гибнет механик-водитель, его о суровых реалиях войны уже просветили.

Немецкие солдаты повели себя в точности так, как рассчитывал Сергей. То есть, увидев прущий на них танк и сообразив, что на нем не кресты, а звезды, вначале остолбенели, а потом, не мудрствуя лукаво, сиганули кто куда. Водитель рыбкой прыгнул через капот грузовика – с такими навыками ему прямая дорога на олимпиаду. Впрочем, немцы перед войной стали очень спортивной нацией. Позади ревел двигателем второй БТ, за ним поспевал грузовик с людьми. А Сергей, не останавливаясь, проскочил мимо часовых и влетел на мост, молясь, чтоб на такой скорости не слететь с него прямиком в воду.

Въезжая на толстые бревна, танк подпрыгнул. Удержались бы десантники, подумал Хромов, но тело работало без участия мозга, и боевая машина не остановилась ни на миг. Тот фрик, что удил окушков, плюхнулся в воду, и еще до того, как он вынырнул, танк преодолел мост и, отчаянно завывая протестующей против такого насилия трансмиссией, взлетел на невысокий косогор. Крутанулся на месте, злобно пискнув зажатым фрикционом, и целеустремленно попер в сторону блокпоста, на котором уже опомнились и начали разворачивать пулемет.

Хорошо, что они не догадались воткнуть сюда зенитку, подумал Сергей, а в следующий момент пулемет выплеснул из ствола короткий пляшущий венчик пронзительножелтого пламени, и по броне словно ударили десятки кувалд, мелких, но злых.

От грохота заложило уши, а танк, даром что в нем четырнадцать с лишним тонн весу, задрожал. Краем сознания Сергей с удивлением отметил, что металл как раз напротив его лица покрылся вдруг выступами... Но броня выдержала, пулемет, даже в упор, не противник танку.

Пинок в спину. Он так резко остановил БТ, что тот клюнул носом, а потом качнулся назад, вперед, снова назад... У орудия никакой стабилизации, ствол болтается, как говно в проруби. Выстрел! От грохота заложило уши, а снаряд с воем ушел поверх голов немцев, заставив тех, правда, нырнуть в укрытие. С тридцати метров промахнулся, снайпер! Еще выстрел... И без того не слишком уютное пространство внутри танка заполнилось едкой вонью стorerешего пороха. Еще.

С четвертого снаряда Хинштейн попал наконец в сложенный из мешков с песком бруствер. Вспышка, столб пыли, ошметки тряпок во все стороны. Пулемет заткнулся разом, будто его и не было. Вновь зарычал двигатель, и танк, рывком преодолев последние метры, влетел на немецкую позицию. Сзади попевали спешившиеся еще до того, как немцы открыли огонь, десантники, но они примчались уже к шапочному разбору. Танк лихо станцевал джигу, пере-

тирая в тесто и живых, и мертвых, и остановился. Опять слишком резко, двигатель чихнул и выключился. И наступила тишина!

– Ну, старшой, ты даешь! – Васильич звонко двинул прикладом по броне и помог выбраться. Самого Хромова ноги не особенно слушались – адреналин резко схлынул, накати-лась вязкая, как глина, усталость, в горле пересохло.

– Давать тебе жена будет, – хрипло буркнул он, опершись на теплую броню. – Что стряс-лось?

– Да ничего, просто отработал, будто за рычагами родился. Я такого даже при Хасане не видел. Нам, верь не верь, стрелять не пришлось. На, держи трофей.

Да уж, отработал. Всех и отработал, и уработал. На гусеницах кровь и чьи-то мозги... Как ни странно, Сергей не чувствовал ни позывов к тошноте, ни брезгливости, которые, если верить многим писателям-журналистам, просто обязаны были проявиться. Но – ничего, абсолютно. Только усталость. Похоже, включилась защитная реакция организма, позволяющая абстраги-роваться от происходящего. А Васильич сунул ему в руку флягу и рысцей потрусил в сторону будки обходчика, наполовину разрушенной ударом танковой гусеницы. Возле нее уже копоши-лись его бойцы, стаскивая уцелевшее немецкое оружие. Его оказалось немного, зато – пулемет. Тот самый, похоже, от пуль которого все еще звенело в ушах. Вряд ли сюда выдадут две такие машинки. Васильич его погладил, прямо как женщину, нежно-нежно, а потом без малейшей брезгливости принялся охлопывать карманы давленных немцев. Как-то не вязалось его пове-дение с моралью среднестатистического красноармейца. Непрост мужик, ох, непрост.

Из-за реки доносились выстрелы. Сергей открутил колпачок фляги, сделал глоток... Вкуса не почувствовал, но по пищеводу прокатилась горячая волна. Водка в жару – то, что надо, ничего не скажешь. Впрочем, адреналин пережжет – и ладно. Еще глоток. Ага, действи-тельно водка, а не поганый немецкий шнапс. Не глядя, он сунул флягу подошедшему Хин-штейну, затем достал из танка бинокль и внимательно осмотрел противоположный берег. Не, все нормально. Там людей осталось куда больше, так что немцев покروшили. Сейчас остав-шихся добивают, пленных не берут. Озверели – вот что делает лагерь, а потом военная удача. Пускай их.

Мысли текли вяло-вяло. Даже на закашлявшегося Хинштейна внимания не обратил. А у того водка явно не в то горло пошла, хрипел и плевался. Потом, справившись с организмом, задумался на секунду, сделал еще глоток и вернул флягу. Толкнул Хромова в плечо:

– Ну, что дальше-то?

– Дальше? – Сергей вышел из нирваны, взглянул на часы. – Дальше у нас минут сорок. Пошли, работать надо.

Сорок три минуты спустя немецкий поезд слетел с моста в реку. Неудивительно даже, что слетел – рельсы-то открутили, немного сместили... В общем, паровоз ушел в реку, где у него то ли от удара, то ли от холодной воды незамедлительно рванул котел. Вагоны, словно спичечные коробки, закувыркались следом. Центральная опора моста не разрушилась, конечно, однако пострадала серьезно, настил, соответственно, тоже. В общем, через мешанину скрученного в бараний рог железа пробраться было можно... аккуратно и по одному. Поезда с войсками не пойдут здесь еще долго.

Когда они возвращались на свой берег, Сергей вел танк очень медленно и осторожно. Как он проскочил тут в первый раз, Хромов не понимал. Адреналин, похоже. Ну и тот факт, что с детства управлял старым отцовским трактором, а позже и грузовиком, конечно, помог. Но все равно, когда они перебирались обратно по мосту, который был всего-то на метр-полтора шире танковой колеи, позывы, намекающие на желательность прогулки в ближайший сортир, Хромов ощущал. Нервы, конечно, однако все равно неприятно.

Хорошо еще, с наплавным мостом проблем не приключилось. Волна, поднятая рухнув-шим составом, его не смела... Хромов только потом сообразил, что стоило перебросить танк

обратно до, а не после диверсии, иначе был шанс, что придется его бросить. Не пришлось – можно сказать, повезло. Ну а вернувшись, мост просто спустили по течению, обрубив сдерживающие понтонно-бревенчатое сооружение толстые, в руку, канаты. Жалко мостика, конечно, он хороший, качественный, но – война!

До станции добирались едва не втрое дольше, чем занял марш-бросок к мосту. Зато не торопились и не устали, да и лишнюю пыль не поднимали. Даже отдохнули, искупались, постирались. И Сергей на этот раз ехал в башне, до половины высунувшись из люка и с интересом осматривая окрестности. Правда, смотреть особо было не на что, лес и лес, но все же и не узкая полоска дороги, видимая из люка механика-водителя.

Вел БТ Хинштейн, которого Сергей буквально пинками загнал за рычаги. Чтоб не ослаблялся, морда еврейская, и потренировался как следует в управлении танком. В жизни всякое случается, и взаимозаменяемость – она не лишняя. Получалось у Альберта куда хуже, чем у Хромова, но он, стиснув зубы, упорно вел машину. И всех проблем, что выпали на их долю, оказалась рассыпавшаяся гусеница второго БТ – лопнул один из скрепляющих ее пальцев. Этого барахла в запасе оказалось немало, видать, проблема распространенная. Повозились с полчаса – и снова вперед. Больше заминок не возникало, даже затрофейенный грузовик-цистерна никаких сюрпризов не преподнес.

Зато городок стоял на ухах, и царило в нем какое-то нервное веселье. Как оказалось, здесь сработали четко. Позволили немецкому составу войти на станцию, перевели его на пути как раз напротив танкового эшелона. Ну а танки развернули башни и покритиковали немцев из дюжины пулеметов в упор. Как следствие практически мгновенная победа без потерь со своей стороны, около пятисот немецких трупов, пара десятков пленных и трофеи. Неплохие трофеи – два танка Pz-III и два бронетранспортера, таких же, как уже имеющийся, но пока без дырок.

Сергей еще успел полюбоваться на отперфорированные вагоны... Из некоторых дырок в буквальном смысле слова текла кровь... На дважды трофейный – вначале немцы захватили его у русских, а сейчас русские у немцев – паровоз, уже перетаскивающий вагоны с танками к месту выгрузки... На Мартынова, распоряжающегося всем этим бардаком с крайне недовольной миной на лице... Почему недовольной? А он считал, что красноармейцы увлеклись, потратив на расстрел состава чрезмерно много патронов. Никак не мог привыкнуть, что здешним кадрам в большинстве до легендарного спецназа как до Луны задним ходом.

А потом прибыл Игнатъев. Злой, уставший, потеряв оба танка и половину группы. Авантюрист-экстремал громко, не стесняясь, матерился, и его можно было понять. Мост, который предстояло уничтожить, находился куда ближе. Собственно, поэтому он и пошел к нему на сравнительно тихоходных Т-26. И охранялся он, по идее, не лучше. А вот поди ж ты!

Для начала, никакого наплавного моста там не было. Местные пользовались бродом в полукилометре ниже по течению. А он, зараза, оказался вязкий, и танк, сунувшийся первым, сел на брюхо качественно. И вытаскивать его не имело смысла – механик пытался выкрутиться, не справился с управлением, машина нырнула и окунулась по середину башни. Залитый двигатель – это, собственно, и все, такое на коленке не лечится.

В результате провозились, потеряли массу времени, и пришлось атаковать второпях, причем на дальнем берегу без поддержки танка. Справились, но ценой больших потерь. Вдобавок и второй танк потеряли – нашелся храбрый немец, забросивший гранату на моторный отсек. Польшнуло так, что небу стало жарко, экипаж сгорел... В общем, мост-то раскурочить смогли, благо речка здесь была совсем узенькая и сам он выглядел фикцией, но по соотношению потерь этот бой можно было смело записывать в поражение.

Весь остаток дня и половина ночи были потрачены на разгрузку эшелона. Как оказалось, вывести танк с платформы – занятие для новичка тяжелейшее. Сергей вывел один, после чего всех послал куда подальше и отправился разгружать снаряды. Физически тяжелее, но зато и сердце как у зайца не стучит. А то хуже даже, чем с мостом, чуть в сторону – и все, перевора-

чивайся кверху брюхом. Один танк, кстати, едва не перевернулся, завис, опасно раскачиваясь, и вернуть его на сходни оказалось задачей совсем не простой. А ведь за рычагами сидел вроде бы опытный танкист... В общем, тот еще геморрой.

Но работать приходилось, и – быстро. Никому не требовалось объяснять, что они разворошили осиное гнездо. Да, разрушенные мосты, конечно, дают небольшую фору во времени, но потом фрицы опомнятся, сюда пригонят целую толпу солдат да еще и авиацию вызовут. Они не дураки, недобитков, которые набрались наглости бурогозить вместо того, чтобы тихонько сидеть в кустах, будут гасить со всем тщанием. И единственный шанс хоть как-то решить проблему – быстро завершить дела и смыться.

Мартынов командовал, ругался, подгонял... Он предпочел бы уйти незамедлительно, однако люди слишком вымотались, и ночной марш-бросок мог обернуться проблемами. Поэтому три часа на отдых, и с первыми лучами солнца вперед, благо грунтовок здесь хватало, а немцы не вездесущи. Однако, когда Сергей уже развалился прямо на броне своего танка, над все еще источающим тепло моторным отсеком, командир подошел, дернул его за ногу и махнул рукой: пошли, мол.

– Что за секретность? – хмуро поинтересовался Сергей, когда они отошли метров на пятьдесят. В сероватом мареве летней ночи стальными призраками замерли танки, от которых доносился богатырский храп. Народ отдыхал, и Хромов тоже мог бы уже спать. Вместо этого он стоял босиком на все еще теплой после дневного солнца земле и ожидал, когда же Мартынов соизволит его отпустить.

– Да какая там секретность, – махнул рукой отец-командир. – Просто хочу тебе кое-что отдать, пока остальные не видят. А то завидовать начнут. Ты, я смотрю, один пистолет уже профукал...

– Отдал тому, кому нужнее.

– Твое дело. Ну а я тебе взамен другой дам. Считаю, наградной.

– И за что такая честь?

– Оставь сарказм, Хромов. Просто ты единственный, кто сегодня отработал чисто. Но вручать прилюдно – значит, обидеть Игоря. Он, конечно, виду не подаст, не кисейная барышня, да и сам понимает, что наделал ошибок, но к чему лишняя напряженность в коллективе? А так будет принято как данность, главное, не размахивай направо и налево. И потом, ты все таскаешься с СВТ. Понравилось оружие?

– Да.

– Ну и пользуйся на здоровье. Но из танка с винтовкой выпрыгивать не слишком удобно. А я бы не хотел, чтоб ты, в случае чего, остался с одним вальтером. Пистолет-то хороший, но в реальном бою все равно пукалка. Так что на, держи, я его сегодня у одного... гм... В общем, в разбитом эшелоне нашел.

Подарок был царский. Маузер, оружие комиссаров и бандитов. Огромная дура с длинным стволом, да еще и под парабеллумовский девятимиллиметровый патрон. Навскидку ствол почти в полтора раза длиннее, чем у «оскопленных» маузеров Боло, которые закупал СССР. Деревянная кобура-приклад и четыре магазина, два на десять, и два удлиненных, на двадцать патронов. А теперь покажите мужчине, способного устоять перед такой игрушкой.

– Лучшая, наверное, модификация. Может даже очередями стрелять, – усмехнулся Мартынов. – Да еще и сделанная явно под заказ, не фабричная штамповка.

– Красота, – согласился Хромов. – А теперь скажи, чего ты действительно хочешь. Вряд ли ты меня дернул ради этого, мог и другое время найти. Тем более, я им пользоваться все равно не умею, так что придется показывать отдельно. Итак, чего ты хочешь такого, что приходится меня покупать?

– Фи, как вульгарно, – усмехнулся Мартынов. – Покупать, скажешь тоже... Но кое в чем ты прав. Я, видишь ли, весьма заинтересован в том, чтобы ты остался жив. Ты и Игнатьев.

– Циничненько... А остальные?

– Желательно. Но не обязательно. И – да, цинично. Это война, мальчик.

– Та-ак... А теперь подробнее.

– А чего подробнее? Давай откровенно. Я – офицер. Пускай отставной. Как ты хочешь, но в этом времени я лучший. Не из-за своей гениальности, а потому, что меня учили с учетом опыта и этой, и совсем других войн. А потом еще и дали кое в чем поучаствовать. И сейчас я могу многое... Но мне нужны люди, на которых я могу положиться. На вас с Игорем могу.

– И чем тебе остальные не угодили? К немцам вроде не бегут...

– Но и толку от них особого нет. Альберт неплохо стреляет. Даже хорошо стреляет, но здесь таких на копейку дюжина. Да, не предаст немцам – он же еврей – однако не факт, что не решит сыграть в собственную игру. Самомнения у него выше крыши – как же, все детство был сыном богатого папочки, а это накладывает отпечаток. Только вот, в отличие от бати, школу жизни он не прошел. А ведь и его отцу это в конце концов не помогло. Сколько веревочке не виться, а конец найдется. Так что щенок наворотит дел, только попробуй, недосмотри. Ковальчук... Он классический хохол с деревенским менталитетом. Скажешь делать – будет делать, отвернешься – бросит лопату и ляжет спать. Причем ему плевать, на какого надсмотрщика вкалывать. Востриков полезнее их обоих, но у него ломка взглядов затянулась, да и физические кондиции так себе. А вы двое – надежные, неглупые, с задатками лидеров и умением брать на себя ответственность. Это многое значит. Так что, как ни цинично это звучит, в качестве боевых, да и просто человеческих единиц вы для меня намного ценнее.

Ну, что же, все понятно. Полковник даже не циничен – рационален. Если что – рубить хвосты и сбрасывать балласт. Нет, он не мерзавец, постарается вытащить всех. В конце концов, уже вытаскивал и сейчас вытаскивает, но приоритеты расставлены. Может, так и нужно.

– Я тебя понял. Только скажи честно, ты уверен в своих выводах насчет людей?

– Могу ошибаться. Но вижу, к примеру, что потенциал у тебя немалый, ты способен добиться многого. Куда большего, чем сейчас. Но ленишься.

Гм... Откровенно говоря, это было лестно. Однако больше всего походило на утешение. Сергей пожал плечами:

– Вроде бы не ленюсь.

– Тогда почему поступил в провинциальный вуз, а не в Москву, к примеру?

– Не получилось у меня. Обстоятельства так сложились.

– Угу, угу. Мы – это мы и наши обстоятельства. Ты фильм «Звездные войны» смотрел?

– Ну...

– Не нукай, не запряг. Был там такой Дарт Вейдер.

Рожден рабом, искалечен, брошен сгорать заживо... А потом завоевал половину галактики. Что ты там сказал про свои обстоятельства?

– Ой, да ладно тебе, это всего лишь киношный персонаж.

– И ты думаешь, у него нет прототипа? А то и нескольких? Да ты, брат, наивен. Но суть в том, что ты мог хотя бы попытаться. Но выбрал легкий путь. Даже не подумав о том, что и перспективы здесь в разы ниже.

– Тебя послушать, так и Христом стать – дело техники, – мрачно пошутил Сергей. Как ни крути, а в словах Мартынова была доля правды, и это задевало. Полковник лишь рукой махнул:

– А чего в том особенного? Говорят, Иисус основал самый успешный в истории клуб любителей фантастики, – Мартынов зло и как-то очень устало хохотнул. – Ладно, иди, отдыхай. Завтра будет тяжелый день.

Было душно. Не жарко, а именно душно. С утра над дорогой висели низкие, чертовски неприятные взгляду тучи. Из таких вряд ли стоит ждать дождя, но духоту и общее паршивое восприятие мира они обеспечивали качественно. Нелетная погода прилагается.

Вот как раз последнее обстоятельство и радовало, словно луч света в темном царстве. Хрен немцы в такую погоду за штурвалы сядут. Нет у них русской безбашенности. Попадают, конечно, отморозки, наверняка не может без них обойтись, однако сколько таких? А нормальные легчики будут сидеть за столом, пить шнапс и щупать толстомясых барышень из полевого борделя. Стало быть, колонна может идти практически безбоязненно, а то в эффективность установленных прямо в кузовах трофейных грузовиков зениток Сергей не верил абсолютно. Нет, оружие-то, может, и неплохое, вот только сейчас при них не опытные расчеты с качественной довоенной выучкой, а кое-как освоившиеся с новой техникой пехотинцы, для большинства из которых конные грабли еще недавно были хай-теком.

В кои-то веки они могли идти, не подстраиваясь под традиционно неторопливую пехоту. Трофейной техники было достаточно, чтобы посадить всех на машины. Правда, местные очень возмущались, когда вчера Мартынов устроил массовую ревизию всего, что может ездить. Вплоть до телег – сейчас несколько танков использовались в качестве тягачей и напоминали автопоезда. Но вывезти смогли почти все, главное – снаряды и топливо, и в результате их отряд приобрел хоть какие-то мобильность и автономность.

Самой большой проблемой вновь оказался кадровый вопрос. Увы, слишком многих танкистов немцы покروшили еще в вагонах, и о том, чтобы нормально укомплектовать экипажи, не приходилось даже мечтать. Хорошо еще, за рычаги нашли кого посадить, но остальным придется учиться в бою, и придется им тогда ох как несладко. Еще поэтому Мартынов совершенно не желал боя и старался оторваться от возможных преследователей, затеряться в лесах. И танки, наматывая на гусеницы километр за километром, уносили их прочь...

За восемь часов они останавливались всего раз – оправиться и размять ноги. Та извращенная табуретка, что называлась в этом танке водительским креслом, сама по себе могла послужить неплохим пыточным инструментом. Проскочили несколько деревень... А потом тучи наконец лопнули, и хлынул ливень, да такой, что не видно было даже на метр.

Дорога моментально превратилась в раскисшую грязь, и тут выяснилось одно неприятное обстоятельство. Как оказалось, БТ в такой ситуации дорогу держали паршиво – сказывались, наверное, донельзя примитивные траки. На заболоченном участке, где машины шли, проседая едва не по брюхо, это не ощущалось, а сейчас «пятерка», идущая головной, улетела в канаву моментально. Вытащили, конечно, но вымокли, выпачкались, изошли на матюги. Словом, Мартынов, сообразив, что продолжение марша в такой ситуации добром не кончится, скомандовал останавливаться на привал.

Дождь продолжался больше часа, постепенно ослабнув до состояния отвратительной моросухи, а там и вовсе сойдя на нет. Как раз отдохнуть и перекусить. А буквально через несколько минут после того, как они вновь двинулись в путь, с трудом удерживая на курсе ставшие непослушными танки, прямо посреди дороги наткнулись на людей в красноармейской форме, мокрых и грязных, с трудом, буквально на руках волочущих по грязи противотанковую пушку-сорокапятку.

Это была, пожалуй, первая советская армейская часть, встреченная ими на пути. До того – все пленные да пленные. Ну и гарнизон – но тех просто благополучно минула война. Так сложилось... Здесь же были люди, успевшие повоевать. Мокрые, грязные, уставшие до такой степени, что даже не сразу отреагировали на появление колонны. Однако не сломленные, мигом ошестинившиеся стволами винтовок. И тут же опустившие их, когда поняли, что – свои.

– Эй, славяне! – на этот раз Сергей поставил свой танк головным и теперь рассматривал красноармейцев с расстояния всего-то полутора десятков метров. – Вы кто? И куда путь держите?

– А сами-то кто? – высокий худой мужчина, перемазавшийся в грязи и с замотанной мокрыми бинтами головой, выдвинулся вперед. Несмотря на усталость и худобу, он производил впечатление тяжелого танка, нащупывающего цель холодным зрачком орудия. Кто бы он

ни был, гонор явно не растерял и был очень, очень опасен. Исходящая от него сила ощущалась буквально физически.

– Не видишь? Гроза полей и огородов, а также немецких тылов, городов и всех, кто попадется на пути. А вы?

– А мы – пограничники...

Эти люди сражались с первых минут войны. Ночью на заставу обрушился град снарядов, все запылало, но, как ни странно, паники не было. Все же пограничники, не армия, кстати, а НКВД, не зря считались элитой. В считанные минуты разбежались по заранее вырытым убежищам – в том, что война будет и скоро, никто не сомневался – а потом, после того, как артиллерийский налет завершился, отправили женщин и детей в тыл, благо их скудный автопарк был заранее рассредоточен и замаскирован. Семьи отправили, а сами заняли позиции и с первыми лучами солнца встретили наступающих немцев так, как учили.

Надо сказать, учили их хорошо. Немцы перли буром – и раз за разом отлавливали по морде. И даже когда им удалось однажды добраться до первой линии окопов, выяснилось, что не так много они этим выиграли. В жестокой рукопашной схватке пограничники атакующих буквально вырезали, причем ценой совсем небольших по сравнению с незваными гостями потерь.

Их положение, если исходить из довоенных представлений о войне, безнадежным не выглядело. Продержаться... не так и долго. Уже скоро на помощь им придут армейские подразделения и врежут супостату. Увы, планы и реальность очень сильно различались. В то время, когда заставы сражались, уверенные в том, что вот еще немного, еще чуть-чуть, и они победят, немецкие танковые клинья уже окружали и перемалывали так и не успевшие развернуться в боевые порядки войска пограничных округов, а немецкие бомбардировщики прямо на марше сжигали советскую технику.

К концу третьего дня, когда стало ясно, что помощи не будет, патронов почти не осталось, и численность обороняющихся сократилась до десяти человек, единственный уцелевший командир, старший политрук Индин, приказал отходить. Сам он был ранен в ногу и в живот, знал, что не жилец, и вместе с еще двумя ранеными, неспособными ходить, остался прикрывать отход. А семь человек во главе со старшиной Пермяковым, тем самым, с перевязанной головой, ночью ушли. На следующий день нашли разгромленную батарею противотанковых орудий, потеряв одного человека, в ножи взяли хозяйничающих на ней фрицев, прибарахлились пушкой, расстреляли удачно вышедшую на них автоколонну... Ушли бы, но вчера сломала ногу единственная лошадь, тащившая пушку и десяток последних снарядов. По-хорошему, стоило орудие оставить, но люди так к нему привыкли, что мысль эта даже не пришла им в голову. Сорокапятку тащили на руках – и вот, встретили своих.

Все это пограничники рассказали уже вечером. А до того их орудие зацепили за бронетранспортер, как раз снарядами соответствующего калибра и загруженный, и их зачихнули в него же. Там они и завалились спать, причем не мешала им ни мокрая одежда, ни тряска. Люди просто вымотались до смерти, и как они держались до того, оставалось лишь гадать. Наверное, на гордости.

Рассказывал сам Пермяков. Сейчас он был хотя бы похож на человека – вымылся, благо на ночь остановились возле капитально взбухшего от ливня ручья. Теперь ручей уже напоминал маленькую речку, и брод (небольшой мостик на вес танков, пусть даже легких, рассчитан явно не был) затопило качественно. Поэтому и остановились – лезть туда было слишком рискованно, и гробить технику с ее и так небеспредельным ресурсом никто не хотел.

Так что остановились у ручья, пользуясь случаем, лишний раз помылись и постирались, благо резервных комплектов формы хватало. Опять же оказали помощь раненым, и заслужили от пограничников чуть завистливое «богато живете, товарищи». Ну а потом был и разговор. Востриков, будучи немного параноиком, заявил тогда, что надо бы проверить новичков, однако

от него лишь отмахнулись. В конце концов, не могли немцы организовать на них столь серьезную ловушку, просто физически не успели бы.

Старшина оказался неплохим рассказчиком. Кстати, ранение у него оказалось не то чтобы тяжелое – скорее, неприятное. Пуля скользнула по черепу, разорвав кожу и буквально смахнув верхнюю треть левого уха. Когда его перевязывали, Пермяков сидел с каменным лицом и даже бровью не повел, хотя было наверняка больно. Впрочем, последнее компенсировалось несколькими глотками водки.

Слушая его, Хромов в который уже раз никак не мог отделаться от мысли, что многое из того, что он здесь видит, резко не согласовывается с его представлениями о прошлом. Взять хотя бы этого старшину. На персонажа анекдотов или вороватого снабженца, единственные качества, в которых Сергей его знал по книгам и все тем же анекдотам, конкретно этот человек похож не был вовсе. Лет сорока на вид, профессионал, не уступающий Васильичу (тот, кстати, смотрел на Пермякова с уважением), спокоен, немногословен... У своих бойцов пользуется непререкаемым авторитетом, едва ли не большим, чем Мартынов у своих. Те за него порвут любого, даром что все с ранениями и на ногах, даже после сна и еды, держатся с трудом.

Вечером, когда Сергей, устроившись возле костра, разведенного в ямке, чтобы не было видно со стороны, возился с маузером, к нему подошел Васильич. Его тут повесили до командира танка, и он лихо вел трофейную «тройку», ухитрившись ни разу не скатиться с дороги. Глянул, хмыкнул:

- Хорошая игрушка, старшой.
- Да, мне тоже нравится.
- Магазиновая, смотрю... А мы обоймами пользовались.
- На, держи, смотри. Вижу, что хочется.

Васильич аккуратно и как-то очень привычно взял brutальный пистолет, осмотрел его, хмыкнул, вернул:

- Смотри, чистить надо постоянно – он с грязью не дружит. Умеешь?
- Полковник показал. А что, заметно, что раньше не пользовался?
- Да, ты его держишь неловко. Давай, покажу.

Действительно, Мартынов знал, а Васильич умел. Неудивительно, что получалось у него и объяснять, и показывать намного лучше, чем у выдавшего виды полковника. И, пользуясь тем, что солнце еще не село, они отстреляли пистолет, а то идти в бой, не зная, куда полетит пуля, занятие для самоубийц. Кстати, стрелять очередями из этого чудовища оказалось не так уж удобно. С прикладом оружие получалось громоздким, а с руки – не удержишь. Так что автоматический режим – это так, на случай всякий, а основной стезей пистолета оставался одиночный огонь на дистанции, не превосходящие обычные для автомата.

Уже в полумраке, вновь у того же костра, на сей раз используемого в качестве освещения, Хромов чистил оружие (да-да, женщина любит ласку, а оружие чистку и смазку, посмеивался руководивший процессом Васильич), и спросил:

- Слушай, Николай Васильевич, между нами. Кто ты?

– В смысле? – показалось или нет, но от солдата явственно потянуло холодком, и за небрежным тоном спряталось нешуточное напряжение. Сергей выругался мысленно, ох, дурак, но сказав «А» надо говорить и «Б», иначе только хуже сделаешь.

- Не волнуйся, отсюда разговор не уйдет. Но я тебя не понимаю, а нам вместе идти в бой.
- И чего же ты, старшой, не понимаешь? – взгляд Васильича стал колючим и холодным.
- Ну, например, твоей нынешней реакции. А так... Вот смотри. Ты – лучший, наверное, солдат из всех, кого я видел. Воевал много и с чувством. Только вот у тебя манера держаться проскакивает не солдатская. И речь строишь рвано. То совсем по-простонародному, то – будто у тебя два университета за спиной. Солдат может владеть винтовкой так, как ты. Может научиться владеть маузером и наганом, благо в Гражданской чем только не пользовались. Но

чтоб он владел всем да еще и легко осваивал новое. Я ж видел, как ты с трофейным танком управляешься. Полчаса инструктажа – и все. Ну не научится Ваня-пастушок, каким бы гением он ни был, за пять минут такому. Еще...

– Довольно, – Васильич резко хлопнул себя по колену. – Я тебя понял. Конкретных доказательств нет, а свербит, да? Хорошо. Наверное, так и впрямь лучше будет, что-то я осторожность потерял. Николай Васильевич Громов – имя настоящее...

Он ушел на Великую войну добровольцем. Студент последнего курса, физик... Все прочили ему большое будущее, а он на волне всеобщего патриотизма выбрал школу прапорщиков. Тех самых, что жили на передовой десять-пятнадцать дней.

Ему, наверное, повезло – провоевал целых три недели и пулю поймал не в голову, а в левую ногу, причем в мякоть. И вторично повезло, что не загнулся от заражения крови – до госпиталя довезли быстро и подлечили качественно. Ну а дальше по накатанной – за проявленную доблесть погоны подпоручика и «клюкву»¹⁴ на парадную саблю. Двухнедельный отпуск – и снова в строй.

На этот раз судьба повернулась к молодому офицеру другим боком. Вместо того, чтобы получить взвод и сложить голову, свежеиспеченный подпоручик попал в разведку. Успел поползать по тылам, заработал два «Георгия» и несколько дырок в шкуре, к счастью, неопасных... А потом началась революция, и штабс-капитан Громов выбрал не ту сторону.

Вначале Юденич. Когда тот уводил свою побитую армию в Прибалтику, Громов предпочел отправиться в свободное плавание. Не доверял он чухонцам – и оказался прав. Армию Юденича заморили голодом, а лихой разведчик выжил. Потом Деникин, Врангель, между ними – у батьки Махно, с которым, в конце концов, не сошелся по идеологическим мотивам и ушел, стреляя с двух рук и положив немало народу... В общем, жизнь, полная приключений.

Когда красные заняли Каховский плацдарм, подполковник (с обеих сторон фронта в званиях росли быстро) Громов решил, что все, хватит с него. Да, Слащев, самый талантливый полководец той войны, сумел немного выправить положение, но для полной ликвидации угрозы сил ему попросту не хватило. И опытный разведчик понял: началась агония. Красные их просто раздавят числом. А потому он, не долго думая, решил выбираться самостоятельно.

И ведь выбрался. Перешел линию фронта, затерялся на просторах России и... вступил в Красную армию. С ней вместе побывал на Дальнем Востоке и даже поучаствовал в изгнании японцев, которых откровенно не любил, так что неприятия та война у него не вызвала. Ну а потом остался в армии, рассудив, что под фонарем темнее. Родители еще в девятнадцатом году умерли от тифа, ничего его не держало. Так и прожил жизнь, дослужившись до старшего сержанта. И вот – опять на германской войне. Будто молодость вернулась.

Закончив рассказ, Громов несколько секунд смотрел на огонь, глаза затуманились. Он словно вновь переживал те времена, когда был молод, решителен, верил в идеалы. Резко тряхнул головой, отгоняя наваждение, потом неспешно повернулся к Сергею:

– Откровенность за откровенность. Кто вы?

– Туристы, – очень спокойно ответил Хромов. Эту легенду они обговаривали, так что каждый знал свой маневр. – Я, Альберт, Володя – студенты. Игорь Васильевич – инженер, Петр Петрович – журналист, Александр Павлович – он у нас полковник, скоро в отставку... Теперь уже нескоро. Познакомились в поезде уже. Потом налет, бомбы, почти все погибли – у нас группа большая была, на Кавказ ехали. А мы вот уцелели, ну и выбираться стали вместе.

Громов кивнул. Неясно, поверил или нет, но к сведению принял. Хотя все же скорее поверил:

¹⁴ Орден Святой Анны, 4-й степени, младший офицерский орден, дающийся за боевые заслуги. Знак ордена имел малые размеры и носился на эфесе оружия.

– То-то я гляжу – стрелять умеешь, водить тоже, а служить явно не служил. ОСОВИА-ХИМ?

– Да.

– Правильную задумку красные сделали, – кивнул Громов. – Очень правильную. У нас, помню, как выбили кадровую армию, так и пошли неумеги, право от лево не отличающие. С такими даже в штыковую не пойдешь – ничего не смогут. А вам дисциплины добавить – и все, готовый солдат.

– Боец, – поправил Сергей. Не потому, что не был согласен, а потому, что эта реплика в нынешнее время согласовывалась с понятийным аппаратом. Громов лишь усмехнулся в ответ:

– Не все ли равно, как называть... Солдат – он и есть солдат. Ладно, старшой, отдохни лучше, а то, боюсь, завтра весело будет.

– погоди. Николай Васильевич, а почему ты меня называешь старшим? И подчиняешься? Вроде сам...

Громов прервал его коротким жестом, улыбнулся:

– Да потому, старшой, что это ты меня вытащил из-за проволоки, а не я тебя.

Старый вояка как в воду глядел. А может, развилась у него за эти беспокойные годы соответствующая чуйка. Неприятности начались аккурат после обеда, когда они, переправившись наконец через и не думающий мелеть ручей, бодро двигались по немного подсохшей проселочной автостраде. Танки чуть потряхивало, но подвеска Кристи хорошо себя чувствовала на отечественных дорогах. Наверное, потому, что создавалась для дорог американских, а они в конкретный исторический период ничем не отличались от проложенных в стране родных осин. До хайвеев, цельнотянутых с немецких автобанов, янки еще не доросли.

Вот так, подпрыгивая и полязгивая, рыча моторами, они и шли, аккурат до тех пор, когда, выбравшись из очередной ямы с водой и глиной вперемешку и сделав поворот, лоб в лоб столкнулись с немцами. Если конкретно, с похожим на гроб танком, судя по длинноствольному оружию – мозг выдал эту информацию мгновенно и как будто не задействуя сознание – «тройкой». Для обеих заинтересованных сторон встреча оказалась полной неожиданностью. Во всяком случае, отреагировали одинаково, резко затормозив и замерев на миг, не пытаясь что-либо предпринять. А потом Сергей заорал «Бей!» и рванул назад, тут же въехав кормой в не ожидавший такого поворота и не успевший остановиться второй БТ.

Заскрежетал металл, перекрывая даже рев двигателя, и Хинштейн, вряд ли услышав, что орет мехвод, но и без того уже приобретший кое-какие рефлексy, лязгнул орудийным замком.

Выстрелили они практически одновременно. Сергей еще успел рассмотреть, как выплескивается облачко огня из немецкой пушки и одновременно их собственный снаряд высекает облако искр из брони «тройки», а потом БТ вздрогнул, не так уж сильно, и что-то непонятно изменилось. Лишь через секунду Хромов сообразил, что в недра их танка начал проникать солнечный свет...

Позже, осматривая пробоину, он понял, что спасли их в тот момент небольшой калибр немецкого орудия и достаточно высокая скорость его снаряда. Ну и слабое бронирование БТ, чего уж там. Пятидесятимиллиметровое орудие «тройки» ранней модификации не обладало какими-то выдающимися баллистическими характеристиками, но выстрел был сделан в упор. Буквально с какого-то десятка метров, даже под углом, двадцать миллиметров лобовой и пятнадцать бортовой брони ему оказались вполне по зубам. А тугой взрыватель бронебойного снаряда обеспечил все остальное. Проткнув танк справа от мехвода, так, что Сергея обдало волной почему-то удивительно холодного воздуха, снаряд от удара чуть сменил траекторию, взломал бортовую обшивку и взорвался уже снаружи.

А вот немецкий танк, несмотря на формально сравнимые характеристики, оказался удачливее. На лобовую броню какие-то армейские умельцы (и не говорите потом, что среди немцев

трудно найти Кулибиных) навесили и закрепили болтами дополнительную пластину брони. Ну и траки запасные в центре присобачили. Конечно, это здорово снижало и без того невеликий ресурс ходовой части, но фрицы с циничностью бывалых солдат разумно сочли это меньшим из зол. Хинштейн всадил снаряд аккурат в траки, сорвал их... и, в принципе, все. Бронеплиты выдержали удар, и танк отделался встряской и легкой контузией экипажа, что и предопределило дальнейший ход боя. Скорее инстинктивно, времени думать уже не было, Сергей бросил свой танк вперед, и через секунду немцы познакомились с русским ноу-хау – танковым тараном. А отреагировать их экипаж, еще не пришедший в себя, так и не успел.

Небольшая масса и запредельная для этого времени мощь – вот что такое БТ. Никто здесь не делал тестов на разгон до «сотни», как на автомобилях двадцать первого века, но, возможно, этот танк смог бы кое с кем посостязаться. Четыре сотни лошадей его двигателя, в девичестве авиационного, буквально выстрелили танк вперед. Конечно, всерьез разогнаться он не успел, но это и к лучшему. Вместо того, чтобы расплющиться вместе с немцем в единый ком искореженного металла, БТ вдруг начал карабкаться по нему вверх. Наверное, все, кто это видел со стороны, обалдели. Башню «тройки» буквально скovyрнуло, и советская машина, замерев на миг сверху, будто памятник на постаменте, рванулась вперед, с восторгом подминая следующий за вражеским танком грузовик...

Есть в этом что-то упоительное, когда твой танк прет, сметая все на своем пути, когда впереди все разбегается, а позади горит, когда под гусеницами хрустит, превращаясь в ломти скрученного металла, то, что еще недавно было грозной силой. БТ ломал и сталкивал с дороги грузовики, с треском раздавил противотанковую пушку, которую так и не успели отцепить, ударил в борт и перевернул бронетранспортер... Над головой трещал, захлебываясь, пулемет, и горячим потоком сыпались гильзы. Одна попала на шею и чувствительно прижгла, но не было времени обращать на это внимание. А потом все резко кончилось.

Танк вздрогнул, и почти сразу его потащило влево. Сергей рывком зажал правый фрикцион, но поздно, поздно... БТ уже начал уходить в канаву, заваливаться... А потом долбануло вторично.

Наверное, именно этого ему не хватало. Качнувшись, машина легла на борт и съехала вниз. Непонятно, как она не перевернулась окончательно, кверху гусеницами. И сразу потянуло гарью.

У Хромова еще достало времени, чтобы заглушить двигатель – он просто боялся, что его наматает на все еще медленно проворачивающуюся гусеницу. Может, и глупо, но почему-то это показалось ему очень важным. Потом он выдрал из самодельных зажимов СВТ – прав был Мартынов, в тесном чреве танка она здорово мешала – и, распахнув тесный люк, выбрался наружу. И сразу упал, откатился за броню – совсем рядом взбила землю цепочка пуль. Кто-то садил в его сторону из автомата, часто и неприцельно. Руки действовали на полном автопилоте, закрепляя на ствол штык, а мозг еще успел удивиться – зачем? Штык против пули не котируется. Впрочем, очень быстро немецкому Соколиному Глазу стало не до экипажа подбитого танка.

В жизни Сергей не ожидал, что когда-нибудь увидит классическое довоенное «Гремя огнем, сверкая блеском стали». Однако же такова была, наверное, его карма. Впрочем, не стоило жаловаться – зрелище и впрямь было впечатляющее. БТ, ревя моторами, один за другим ломались по дороге, доламывая то, что не успела головная машина, и расстреливая из пулеметов разбегающихся врагов. Идущий первым остановился на миг и звонко долбанул из башенной сорокапятки. Почти сразу в конце немецкой колонны рвануло, и Сергей успел еще увидеть эффектное зрелище полыхающего немецкого танка, но его тут же отвлекла более важная задача – вытащить из башенного люка Хинштейна, который зацепился за что-то и, злобно матерясь, пытался теперь освободиться. Вдвоем с Игнатьевым они ухватили товарища, дернули... Громкий треск рвущейся материи – и все трое покатались по липкой глине. Как оказалось, вовремя

– танк полыхнул, и из люка, словно живое, покатилося во все стороны голубоватое, почти прозрачное бензиновое пламя.

– А-а-а! – Хинштейн заорал, огонь моментально охватил его ноги. Видать, попало на них топливо. Игнатъев тут же принялся забрасывать их землей, благо влажной глины вокруг хватало, а Сергею выпала чуть-чуть иная миссия – по склону, едва им не на головы, скатились двое немцев, и эту незваную делегацию требовалось встречать.

Первого немца, даже не сообразившего, что происходит, Сергей встретил от всей широты русской души. С разворота прикладом в челюсть. СВТ – винтовка хорошая, тяжелая и удобная. Приклад деревянный, сиречь крепкий и увесистый, так что получилось зачетно. Зубы вее-ром, фриц падает как подкошенный. Второй пытается вскинуть автомат... Поздно, винтовка со штыком в ближнем бою – козырный туз. Немец лишь с каким-то детским удивлением и обидой посмотрел на засевший меж ребер клинок – и осел. Освободить намертво увязшее оружие удалось лишь упершись в труп ногой. Еще пару недель тому назад студенту Хромову и в голову не могло прийти, что он способен на такое действие, сейчас же это получилось спокойно, можно сказать, как само собой разумеющееся. И никаких эмоций.

В три прыжка поднявшись на дорогу, Сергей огляделся. Все, здесь ему делать было уже нечего – вражеская колонна перестала существовать. Редкие хлопки выстрелов неподалеку – ну понятно, добивают. Рядом замер БТ-5 с вырванным лобовым листом, чадящий густым жирным дымом. Внутри танка, как в печке, колыхалось и пульсировало жаром пламя. Отвратительно воняло паленым мясом, но почему-то это тоже не вызвало никаких лишних мыслей и ощущений.

Спустившись к товарищам, Сергей присел на корточки перед все еще подвывающим Хинштейном, рядом с которым деловито, без суеты возился Игнатъев.

– Хреново?

– Не особо, – Игнатъев разогнулся, посмотрел на Сергея, почему-то скривился. – Ожоги второй степени. Небольшие. Пускай наши эскулапы займутся. Спирт есть?

Пошарив на поясе, Хромов обнаружил искомую флягу. Никуда не делась, родимая! Та самая, которую задарил Васильич, и даже остатки веселящей жидкости на месте. Помнится, тот же Игнатъев посмеивался – мол, истинный русский воин, на одном боку маузер, на другом вальтер, под рукой фляга с водкой, и винтовка за спиной. И сам в танке... Разбегайтесь, гады! И что? Танк уже догорает, винтовку от кровящи отмывать, оба пистолета как висели, так и висят безо всякой пользы, а фляга вот пригодилась. Дали пару глотков Альберту в качестве противошокового, ну и сами приложились...

– Живы? С дороги, увязая в глине, спускался Мартынов. – Вижу, живы... Сергей, что с тобой?

– Да вроде ничего.

– Ты себя в зеркало видел?

– Издеваешься? Может, еще и баня с девочками на примете есть?

– Это я образно.

Проследив за взглядом полковника, Сергей провел рукой по щеке. Пальцы оказались в крови, и сразу же кожа начала жестоко саднить. Мартынов сморщился так, будто ему сунули в рот особо кислый лимон, причем целиком.

– Да не лезь ты грязными лапами, болван!

Как выяснилось после протирания кожи смоченным в остатках водки платком, на щеке и шее имелись неглубокие, но длинные ранки. Видимо, когда снаряд пробил броню танка, из стальных листов выбило осколки, которые, собственно, и чиркнули мехвода. Ерунда, главное, что глаза целы. Шрамы могут остаться, авторитетно заключил Мартынов. Тоже не страшно, такие отметины мужчину украшают. Сергей предпочел бы обойтись без особых примет, но

истерить не собирался. Зацепило – значит, такова карма. Все равно уже ничего не изменить, так что нечего самому себе и нервы портить.

Пока Хинштейна тащили к медикам, занимающим со своими скудными запасами лекарств и инструментов отдельный грузовик, Хромов, воспользовавшись статусом легко раненого, дистанцировался от этого занятия. Ну не перла его медицина в любой роли, а образ медбрата вдвойне. И без него справятся. Вместо этого он подошел к своему танку, бессильно лежащему на боку. Огонь уже практически погас, боеукладка так и не взорвалась, и даже металл не был раскаленным. Горячим – да, но совсем не обжигающим.

Сергей посмотрел на пробоину от первого снаряда. Пара сантиметров левее – и прости-прощай, мама дорогая. «Нас извлекут из-под обломков...» Левой гусеницы не было, равно как и двух первых катков. Вот почему не удалось удержать танк – нечему уже было держать, прямое попадание и комья искореженного железа вместо ходовой. Ну и дыра в правом борту – финальная, добивающая и, в общем-то, уже необязательная часть балета.

Спасибо тебе, машинка... Даже погибая, ты смогла защитить экипаж и раскатать кучу врагов. Прости, что так получилось, но, может, это и к лучшему. В бою, на адреналине... И не говорите, что у танков его нет. Вздыхнув, Сергей еще раз погладил теплую броню и решительно зашагал вверх по склону. Жизнь продолжалась.

Как оказалось, бой они выиграли с разгромным счетом, обменяв два своих танка на шесть вражеских, плюс четыре грузовика и бронетранспортер. Количество раздавленных противотанковых орудий никто даже считать не стал, равно как и немецкие трупы. Навскидку человек сто или около того, уточнять не было смысла. Как говорил Суворов, мы должны их бить, а не считать.

И трофеи оказались знатные – два слегка попятнанных пулями грузовика, бронетранспортер со сквозной дырой в борту от неразорвавшегося снаряда, но на ходу, а главное, четыре миномета калибром восемьдесят один миллиметр с боезапасом. Учитывая, что кроме танковых орудий, слабосильных зениток и единственной «сорокапятки» средств огневой поддержки их уже начавшая обретать вполне солидные черты механизированная группа не имела, подспорье весьма серьезное.

Но и цена... Помимо двух танков еще и шестнадцать человек потеряли. Убитыми. И два десятка раненых, из них четверо тяжело. Немцев, конечно, положили на порядок больше, но их и не жалко, а вот своих терять всегда больно. И то, столь удачный расклад получился вовсе не благодаря запредельным полководческим талантам. Обычный встречный бой, в котором одна сторона имела больше танков, раньше опомнилась и смогла ввести их в бой массово, а вторая – по одному и с запозданием. Вот и все, в общем-то.

Себя Хромов не относил даже к легко раненым, однако Мартынов обругал его неприличными словами и загнал к медикам. В кузове их грузовика доктор осмотрела его, пинцетом извлекла из щеки незамеченный осколок размером с булавочную головку, а смешливая медсестричка ловко обработала его царапины йодом – на большее они не тянули. Правда, уж йода она не пожалела, щека сразу приобрела авангардный вид. Любой индейский вождь бы обзавидовался.

С медсестрой Хромов успел даже перемигнуться, но какого-либо развития это не получило. Милейшая доктор Светлана Александровна блюла мораль не хуже цербера и в два счета выставила излишне увлекшегося пациента вместе с его фривольными мыслями. Ну а потом события завертели, и стало вовсе не до веселья.

Мартынов, как оказалось, времени даром не терял и многочисленных пленных допросить успел. Сергей немного подумал и решил не уточнять, какие методы он применял к немцам, которые наверняка считали происшедшее случайностью, никак не влияющей на величие германского духа. Стало быть, и колотья не жаждали. Впрочем, разговорить можно любого,

что полковник им и продемонстрировал. Сейчас же он объяснял товарищам расклады, а они соответственно, внимали. Все, кроме Хинштейна, который отлеживался в грузовике.

По всему выходило, что немцы на эскападу со взорванными мостами и уничтоженными эшелонами сильно обиделись. Настолько сильно, что предприняли соответствующие меры по отлову и уничтожению оборзевших вконец русских. Только вот принять решение и добиться его реализации – это чуточку разные вещи. И упирается все в дороги, наличные силы и... недостаток авиации.

Мартынов, приказавший уничтожить «железки», поступил абсолютно правильно. Фактически немцы сейчас могли передвигаться лишь по грунтовкам, которые, с одной стороны, узкие, обладающие совершенно недостаточной пропускной способностью, а с другой – на удивление многочисленные. Небольших населенных пунктов куча, и все они меж собой хоть как-то, но соединены. В результате – довольно густая сеть паршивых дорог, и какие выберут русские, немцам оставалось только гадать.

Плюс людей и техники у них было не то чтобы много, основные силы лихо перли в атаку восточнее, там, где советские мехкорпуса в самоубийственных контратаках сдерживали немецкое наступление, медленно, но верно перемалывая тевтонскую мощь. То же, что вражеское командование бросило против, как они считали, русских окруженцев, не выдерживало никакой критики. Нет, сил хватало, чтобы сожрать группу Мартынова и не подавиться, но в кулак их собрать не получалось. Слишком много направлений требовалось перекрыть, и в результате формально мощные подразделения оказались размазаны, словно масло по бутерброду. Невозможно быть сильным везде, и немцы, раздробив свои части на мелкие группы, оказались в дурацкой ситуации. Лобовая схватка с русскими превратилась для них в смертельную лотерею. Что, собственно, и можно было наблюдать на примере последней стычки.

Впрочем, здесь еще сыграла роль скорость, с которой продвигалась группа Мартынова. Привыкшие к достаточно посредственным характеристикам своих танков, немцы не ожидали, что их противник заметно динамичнее. Нет, они, конечно, знали формальные возможности БТ, но в этой войне советские машины их как-то не демонстрировали. И потому, что в мехкорпусах танков было много и разных, в результате чего танкистам приходилось подстраиваться под самого медленного. И из-за пехоты, идущей чаще всего своим ходом, максимум с использованием гужевого транспорта, которая танки тоже связывала по рукам и ногам. В этом плане более насыщенная техникой немецкая армия имела серьезное преимущество в мобильности. И сумевший посадить всех на колеса Мартынов подкинул немцам пренеприятнейший сюрприз.

Наверняка ситуацию смогли бы исправить люфтваффе. Даже не бомбежками, а банальной авиаразведкой, но, как оказалось на проверку, с этим у немцев дела обстояли отнюдь не так радужно, как утверждали историки. За эти дни фронт сместился достаточно далеко, за ним следом перебазировались и авиаторы вместе со своей техникой. Все же радиус действия немецких самолетов, особенно истребителей, не был их сильной стороной, да и подлетное время тоже многое значило. Плюс нехватка самолетов – все же советские летчики дрались отчаянно. Немцы перемалывали их чуть лучшей техникой и более продвинутой тактикой вкуче с разрушающими инфраструктуру ударами танковых частей, но процесс шел небыстро, потери росли, и затыкать все дыры «люфты» уже не успевали даже на передовой. В такой ситуации даже выделить лишний самолет-разведчик, дабы решить не такую уж и большую проблему в тылу, они не слишком жаждали, и договориться с командованием одной-единственной оставшейся в районе авиагруппы у наземного командования не получилось.

– Хе-хе. Они, похоже, забыли одну простую истину – не пехота для авиации, а авиация для пехоты, – Мартынов был сейчас похож на кота, обожравшегося сметаны, только что усы, которые отпустил уже здесь, не облизывал. – Самое время поучить их жизни. Ну, и обезопаситься.

Как оказалось, один аэродром поблизости все же имелся. Километрах в пятидесяти всего-то. Бывший советский, но захваченный немецкими танкистами буквально на второй день войны практически непострадавшим. Естественно, немцы пройти мимо халявы – а как еще назвать обустроенный аэродром с готовой инфраструктурой – ни за что не могли. Вот и заработал объект, обслуживая теперь уже новых хозяев. На нем базировались восемьдесят восемь «юнкерсы», машины солидные и грозные. Таким за гуляющими непонятно где обрывками разгромленных армий гоняться вроде как и не положено, их стихия – массированные налеты на крупные части и объекты вроде городов.

Однако же, если так будет продолжаться, немецкое командование все же раскошегится и сумеет привлечь летунов к процессу ловли излишне кусачих русских. Что произойдет дальше, представить легко. Бронегруппа, грозная сила на земле, от атак с воздуха защищена паршиво. Зенитки – это хорошо, но мало. Или разбомбят, или просто наведут силы противника, достаточные, чтобы в блин раскатать их только-только нарастивший мускулы отряд.

После этих слов в воздухе повисло молчание. С одной стороны, все прекрасно осознали, что оказались здесь не для того, чтобы помогать товарищу Сталину создавать сверхдержаву или еще каким-то образом двигать прогресс. Их задача – выжить. Соответственно, надо затаиться и не делать резких движений. С другой, они и так уже наворотили в пять слоев и с горкой. Просто так, на автопилоте, под лозунгом «Наших бьют!». И вишенкой на торте – понимание, что отсидеться-то еще можно... ну, хотя бы попытаться. Но это будет предательством тех людей, которые пошли за ними. И даже Востриков не сказал ни слова против, когда Мартынов предложил обезопасить свое ближайшее будущее радикально. То есть попросту раскатать аэродром и всех, кто на нем окажется, в мелкую щебенку. Немцы потом, конечно, от такой наглости встанут на уши, но то когда еще будет. Пока они раскочуются, уйти можно далеко, а там уж куда кривая выведет. Тем более, что на аэродроме помимо прочего, должны быть и хороший бензин, и автозаправщики, а то с бочками возиться не особо перспективное занятие.

И еще одну мысль озвучил Мартынов. Раз уж мирно пересидеть в болоте не получилось, надо как-то устанавливать связь с Большой Землей. А для этого простейший вариант – захватить один из самолетов, благо пилоты есть и уже подтвердили, что с управлением чужой техники справятся. Захватить – и отправить с ними сообщение. Глядишь, и получится что, тем более, это сейчас можно сидеть на подножном корму, благо техники и оружия, вполне исправных, просто брошенных, море, но скоро лафа кончится. И тогда хоть какая-то поддержка окажется, возможно, жизненно необходимой.

Остаток дня и часть ночи занял бросок до вражеского аэродрома. Пятьдесят километров по прямой – это как те два лаптя по карте. Реально, учитывая, что приходилось выбирать дороги, на которых меньше шансов нарваться на немцев, они превратились в полнокровную сотню. А учитывая состояние раздолбанных грунтовок, ползти им пришлось долго, часов пять, и практически без остановок.

Рыча моторами, колонна проносилась по улицам деревень, маленьких и пыльных. За окнами, как иногда успевал заметить Сергей, мелькали чьи-то испуганные лица, но выходить никто не спешил. И света, что характерно, не зажигали. Война сломала привычный этим людям мир, и они все еще пребывали в шоке. Ну и черт с ними, подумал он однажды с удивившим самого себя озлоблением. Была возможность присоединиться к Красной армии. Наверняка была – не в пять минут же все рухнуло, для принятия решения время оставалось. Не хватило смелости, значит. Хлебнете еще немецкого порядка – сами в партизаны побежите, да поздно будет. А пока под ногами не путаетесь – и то хорошо.

Это было иррационально, ни в чем эти люди, если вдуматься, виноваты не были. Они просто жили, платили налоги, за что государство должно их защищать. Логично, в общем-то. Но почему-то в голове эта логика, подходящая, скорее, европейцу, укладываться не желала. Может, сказывались усталость и непрерывный, продолжающийся уже который день стресс. А

может, в том была вина послезнания – он-то помнил, сколько народу поляжет в той войне и как этих, у которых «хата с краю», будут сжигать в тех самых хатах, живьем. От мыслей таких свихнуться можно было, и Хромову оставалось лишь пытаться хоть как-то отвлечься, вглядываясь в темноту, с трудом пробиваемую тусклым светом фар. Сегодня он шел в бой со своими (уже своими!) людьми, ехал в кузове грузовика и после танка чувствовал себя как-то не слишком защищенно. Впрочем, тряска волновала его куда больше, за последнее время он привык к близости смерти и порядком огрубел.

Наверное, немецкие летчики, герои (часто безо всяких кавычек) польского, французского, английского неба, были очень раздражены и обижены внеплановой побудкой. Особенно тем, что проводилась она грубо и неэстетично, что русские среди ночи вытряхивали их из кроватей, что за попытки сопротивления или плохое понимание, что здесь происходит (а спросонья этим страдали все), их били ногами, а то и просто убивали. Ну так незачем лезть, куда не просят! И солдаты, успевшие хлебнуть «радостей» плена и распробовать вкус побед, не церемонились. Впрочем, Сергей в этой потехе участия не принимал. У его группы была совсем другая задача.

Откровенно говоря, Хромов вполне серьезно полагал, что занимается ерундой. Однако за не такой уж длительный период пребывания в этом времени он четко усвоил: приказы не обсуждаются, а выполняются. Поэтому два танка поперек взлетной полосы – и он сам рядышком, с развернутыми зенитками. Сидит в точности согласно диспозиции, составленной полковником Мартыновым, и в ус не дует. Кстати, усы всюду отрастают, и щетина скоро перейдет в статус бороды. Надо бы привести лицо в порядок... только вот не пользовался он никогда в жизни опасной бритвой. Страшно...

Занятый этими мыслями, он едва не проворонил момент, когда один из самолетов, истошно взревев двигателями, начал выворачивать со стоянки. Похоже, накладку все же случилась, кто-то из немецких летчиков незамеченным добрался до своей машины и теперь пытается удрать. И... черт! Он не собирается пользоваться заблокированной полосой. Бомбардировщик этого времени, тем более ненагруженный, в ней не особенно и нуждается. Достаточно просто относительно ровного поля. Ну и хорошего летчика, разумеется, но среди немцев совсем плохих пока что нет.

Подпрыгивая на мелких неровностях, бомбардировщик начал разгоняться. Даже такому далекому от авиации вообще и древних немецких машин в частности человеку, как Хромов, было видно, что непрогретые двигатели работают вразнобой и летчик с трудом парирует их рывки. Но разгонялся шустро – видать, никакого груза, совсем пустой. Разбег, толчок... Самолет проходит над самыми головами, в десятке метров выше русских зениток, которые радостно приветствуют его в четыре ствола. От «юнкерса» летят во все стороны обломки, и бомбардировщик резко клюет носом, чтобы практически вертикально встретиться с землей. Втыкается в нее не с грохотом даже, а с рвущим уши скрежетом, замирает на миг – и переламывается, одновременно вспыхивая от носа до хвоста. На землю самолет обрушился уже грудой ничем не связанных между собой пылающих обломков.

– Феерия, – пробормотал за спиной неслышно (в таком шуме и неудивительно) подошедший Громов.

– Эт точно... Пошли кого-нибудь, пускай глянут – вдруг летчик живой.

– Не... – мотнул головой старый вояка. – Я ему сам, лично кабину разнес. Но послать пошлю. Чем черт не шутит...

– ...когда бог пьянствует, – закончил за него фразу Сергей. Они переглянулись и синхронно рассмеялись, сбивая напряжение от боя, который, в этом никто не сомневался, уже закончился.

Отчаянный рывок немецкого пилота стал, пожалуй, единственной сколь либо осознанной попыткой сопротивления. Такого успеха не ожидал никто, даже сам Мартынов. В своем

времени, имея под рукой натасканное на диверсионные операции подразделение... Хотя нет, и там бы вряд ли все прошло гладко. В конце концов, охрану аэродромов скоро будут готовить и для противодействия спецназу, поэтому уровень возможностей их повысится всерьез. Сейчас же он и вовсе рассчитывал занять аэродром, захватив, в лучшем случае, один, ну, край, два самолета. Получилось же куда интереснее, ну да, наглость – второе счастье.

Охрана аэродрома, видимо, чересчур привыкла к безопасности. Расслабилась, заросла жирком, службу тащила формально. Да и охраны той неспешно прогуливалось (а кое-кто и вовсе бессовестно дрых) ровным счетом десять человек. Снять ее получилось без особого шума, после чего всех остальных повязали без лишнего напряжения. Среди бойцов нашлись и умельцы работать с ножом, и даже мастер помахать топором. Бывший лесник ухитрился снять своего «клиента», метнув топор с десятка метров. Тревога поднялась лишь под конец, и, как это частенько бывает, «из-за неизбежных на море случайностей». Проще говоря, один умник отправился инспектировать офицерский сортир. Хе-хе, будочка-то офицерская, а протопал туда самый обыкновенный ефрейтор. Видать, решил, пока командира нет, почувствовать себя орлом.

Эта задница с огромным самомнением тревогу и подняла, однако было уже поздно. Несколько выстрелов и неудачная попытка какого-то умника поднять самолет – вот и все, откровенно говоря. И достались победителям куча пленных, одиннадцать целехоньких «юнкерсов», четыре бензовоза (как авторитетно заявил один из водителей, на базе удлиненного ЗИС-5), грузовик-полупортка и медицинский фургон на базе все того же ЗИСа. Трофеями немцы пользоваться умели и любили, но на сей раз машины вернулись к законным хозяевам, и медики уже ходили вокруг фургона, облизываясь на него, словно коты на валерьянку.

Мартынов тоже облизывался, а с ним вместе, как ни странно, Востриков. Эти двое прямо глаз не могли оторвать от батареи из четырех зенитных орудий, уже подготовленных к транспортировке – похоже, аэродром планировалось перебазировать – и установленных на колесный ход. Как оказалось, это и были знаменитые немецкие «ахт-ахт», восьмидесятывосьмимиллиметровые зенитки. На Хромова они, правда, в первый момент произвели удручающее впечатление, поскольку высотой всего-то сантиметров десять уступали пятому БТ, да и по массе, как ему объяснили старшие товарищи, были вполне сравнимы. Тем не менее, как он посчитал, Мартынову виднее, и если ему нравятся эти орудия – значит, берем, тем более, техника для буксировки найдется, те же бронетранспортеры вполне справятся, да и с боекомплектom дело обстоит неплохо.

Еще все было в порядке с бензином и смазкой – теперь от восторга верещали механики. А вот прочие склады оказались практически пусты. Как рассказал один из пленных (всего-то пара ударов сапогом по почкам – и поплыл орел), их и впрямь планировали перебазировать через сутки-двое, поэтому в боевых вылетах они выскребали остатки того, что завезли, когда заняли аэродром. Хорошо еще, что боеприпасов советского образца здесь в начале войны тоже практически не имелось. Построили-то его только-только, до начала пара эскадрилий истребителей и разместились, а они успели взлететь. Погибли в бою или перебрались куда-то – о том немцы не ведали. Да и неважно это, в общем-то, было. Главное, трофейных боеприпасов фрицам не досталось, а то их рукастые механики живо сообразили бы, как применить трофейные бомбы против советских же войск.

И вот в этом месте начался конкретный «завис», потому что победители оказались перед самой страшной дилеммой завоевателя: добычу утащить не получится, а бросить жалко. И если пушки, снаряды и горючее еще как-то можно было вывезти, то что делать с самолетами? Новенькими, совершенно исправными, ухоженными?

Сергею они, кстати, понравились. Было в этих допотопных чудищах с архаичного вида моторами нечто привлекательное, намекающее на подвиги первых летчиков, покоровших воздушный океан. То, что утрачено на самолетах реактивных. Здесь «летчик» звучало гордо, а

всего через полсотни лет это слово будет означать лишь профессию. Воздушного извозчика, того же водителя маршрутки, разве что воздушной. Он даже залез внутрь, посидел в удивительно удобном для такой архаики кресле, удивленно посмотрел на панель приборов. Честное слово, на ином современном автомобиле оно посложнее будет. Интересно, а удастся ли ему научиться на таких летать?

– Что, старшой, нравится? – в кабину протиснулся Громов, без особого пиетета осмотрел ее и махнул рукой. Ничего интересного, мол.

– Ага. У нас в парке стоял когда-то самолет. Старый-старый, – Хромов не подумал даже, как история из его времени состыкуется с местными реалиями, но собеседник, похоже, воспринял ее, как должное. – Потом мальчишка залез на крыло, грохнулся и руку сломал. Самолет и убрали.

– Бывает...

– А вот церковь рядом стояла, с колокольни кто только по пьяни не наворачивался, но почему-то не снесли.

Громов шутку понял, но не принял, лишь вздохнул:

– Нельзя, старшой, без веры жить. Никак нельзя. Особенно на войне.

Вздохнул и полез наружу. Сергей, подумав, последовал за ним, тем более, возле самолетов уже вовсю кипели страсти – народ решал, что делать. Так что, прихватив висящую здесь же, на спинке кресла, отличной выделки кожаную куртку с погонами гауптмана¹⁵, он выбрался на взлетную полосу, щелкнул пальцами, привлекая всеобщее внимание, и предложил идею, которая только-только пришла ему в голову.

Откровенно говоря, в первый момент даже ему самому она показалась бредовой, но, как ни странно, ее не отбросили сразу, а принялись активно обсасывать. В самом-то деле, на один самолет еще найдутся свои летчики. Точнее, один летчик, способный управиться с незнакомой машиной. Бортстрелок, может, сумел бы поднять отечественный аэроплан, в конце концов, чему-то его учили. Не по штатному расписанию, а сами пилоты, на всякий случай. Однако управиться с совершенно незнакомой, построенной по чужим, пусть и классическим лекалам, техникой... Извините, не по его квалификации задача.

Однако же прибившиеся к ним, точнее, подобранные по дороге члены экипажа бомбардировщика – не единственные здесь, кто умеет летать. Вон их, умеющих, целая куча. Сидят в пустом ангаре и кашлянуть боятся. Так почему бы не приспособить изрядно деморализованных фрицев к работе? Банально посадить рядом кого-нибудь, хоть чуть-чуть понимающего в летном деле (а такие есть, ОСОВИАХИМ и впрямь проводил серьезную работу, да и желающих стать военлетами перед войной хватало, и потому основы кое-кто знал), дать ему в руки пистолет, и пусть фрицы рулят прямиком на советскую территорию. Авось долетят. И засунуть в самолеты раненых, так у них шансов будет всяко больше, чем мотаясь по вражеским тылам.

Решение приняли быстро – все сознавали, что бывают ситуации, когда промедление хуже предательства. Конечно, это может оказаться ошибкой, но приходилось рисковать. Возможность отправить тяжелораненых в нормальный госпиталь дорогого стоила, а потому, немного посоветовавшись, решили начать с немцами диалог. Получится – хорошо, нет – они ничего не теряют.

Немецкий полковник в ответ на предложение, высказанное Мартыновым (максимально вежливо, переводчик старался), сделал гордую физиономию и выдал короткую, лающую фразу, без перевода ясно, что нецензурную. Мартынов, как полковник полковнику, посоветовал ему чуть-чуть подумать... А затем приказал его расстрелять. Пример оказался достаточно впечатляющим, и остальные немцы предпочли идти на сотрудничество. Ну а кто не захотел. Что же, овраг большой, немцев поместится много. Главное, пилотов набралось на все самолеты.

¹⁵ Капитан.

И теперь оставалось лишь заправить «юнкерсы» и погрузить на них людей. Хинштейн отбрыкивался... Что же, его право. И впрямь не стоило им разделяться. Ну а пока шла погрузка, Мартынов подозревал отчаянно зевающего Сергея.

– Вижу, куртка тебе понравилась, – усмехнулся он, глядя на нарядившегося в трофейную одежду парня. Ночь была на удивление зябкой. Может, это и нервное, но приятно все равно мало. Колотило не по-детски, а ранним утром еще и ветер поднялся, так что плотная кожанка пришлась очень кстати. – На вот, для комплекта.

– Спасибо, – Хромов покрутил в руках кортик. Фирменный, от люфтваффе... – Глядишь, и пригодится.

– Ты, главное, погоны пока не спарывай, уж они-то сейчас точно пригодятся.

– Так, а вот с этого места поподробнее. Опять невыполнимое задание?

– Тебя не объегоришь, – улыбнулся Мартынов, но взгляд остался бесстрастным, оценивающим.

– Ну, тогда рассказывай... а я подумаю, взяться или нет.

Полчаса спустя он вновь трясся по дороге, на сей раз, в довольно просторной по сравнению с танком коробке бронетранспортера. Кофе с коньяком – а неплохо живут летуны, такого напитка Сергей в жизни не пробовал – и ветер в лицо начисто прогнали сон. Позади лязгали гусеницами трофейные «тройки», и торопился, замыкая колонну, еще один бронетранспортер, набитый красноармейцами. Веселье предстояло знатное, проверенные люди точно лишними не будут.

Расклады были тупейшие. Аэродром изначально существовал не сам по себе, а в комплексе с близлежащим городком. Ну, как городком – по нынешним временам, вполне себе город, райцентр, можно сказать, оплот культуры и светоч цивилизации. Пройдет лет двадцать – такие будут называть поселками городского типа. Однако же пока что вполне и вполне, десять тысяч населения, гарнизон, элеваторы и довольно мощные ремонтные мастерские, на которых ремонтировалась сельхозтехника со всех окрестностей. Когда на месте, в МТС, не могли поправить, разумеется. «Железки», правда, не наблюдалось, не дошли до нее пока у советской власти руки, но не так уж она и нужна была, если честно.

Когда было принято решение размещать здесь авиацию, то наличие города выглядело огромным, жирным плюсом. Снималась куча проблем со снабжением – какая-никакая, а инфраструктура имелась, да и пока строительство шло, можно было разместить в нем часть людей. Опять же, склады, которые, при нужде, выглядели подспорьем к тем несерьезным временным сооружениям, что обустроили при самом аэродроме. В общем, замечательно. И никто не ожидал, что немцы не только аэродром захватят, но и город возьмут походя, без единого выстрела. Не вписывалось подобное как-то в планы советского командования. Ими вообще грандиозный драп не предусматривался.

Сейчас в городе – а до него всего-то километров двадцать – располагался немецкий гарнизон. Вшивенький, правда, но вполне способный обгадить всю малину и, главное, сообщить наверх о появлении здесь советской бронегруппы. Там, конечно, и так рано или поздно узнают, но даже сутки значат очень многое, за это время можно умотать так далеко, что не только не догонишь – вообще хрен отыщешь.

В городе, кстати, слышали взрыв самолета на рассвете и даже звонили, благо телефонная линия досталась им неповрежденной, что фрицы вообще с восторгом приняли – свою протягивать не потребовалось. Спрашивали, что да как и не нужна ли помощь. Хорошо еще, немецкого телефониста предугадавший возможность подобных казусов Мартынов склонил к сотрудничеству быстро и вне очереди. Так что успокоить фрицев удалось, сообщив, что рванул бензовоз. Вот только кто сказал, что те не сунутся днем с проверкой? Так что задачей группы Хромова было установить контроль над городом и не дать немцам поднять тревогу.

Людей у него было не так и много, зато четыре единицы бронетехники и эффект внезапности однозначно расположились на его стороне. Так что стоял он, глотая свежий утренний ветер, и отрабатывал надменно-презрительный, безразличный взгляд, который, по его мнению, должен был иметь любой немецкий офицер при встрече как с унтерменшами, так и просто с младшими по званию. Тем более, летчики на пехоту. Васильич говорил, что у него хорошо получается...

Ну да, немецкий офицер, именно так – на Сергее была немецкая форма, благо трофеев хватало, на плечах все та же куртка с капитанскими погонами, ну и, до кучи, фуражка на голове. Справедливости ради требовалось признать, что экипировка сия ему нравилась. Чисто эстетически фрицы продумали ее тщательнее, чем РККА, да и по росту она ему пришлась куда лучше, чем обмундирование, взятое со склада. Так вот получилось... Правда, куртка, как ему уже пояснили, была насквозь неуставной, однако вряд ли это могло вызвать подозрение. Все же летчики всех армий и во все времена обожали демонстрировать окружающим свою элитарность. Люфтваффе в этом плане от других ничуть не отличалось, и мелкие, демонстративные пренебрежения уставной формой одежды являлись, скорее, нормой.

В город они въезжали с лягом. Главная улица, как оказалось, была замощена булыжником, небось, еще в дореволюционные времена, чтобы было, как у «больших». Разумеется, получилось узковато и кривовато (и, учитывая особенности древних интернациональных традиций попила бюджета, наверняка дороговато), но все же не грязь или пыль. Хотя бронетранспортер затрясло на этих каменюках не по-детски, и Сергей, едва не прикусив язык, зарекся на ходу открывать рот даже для ругани. Из окон на громыхающую колонну с испугом пялились обыватели, но переодетые в немецкую форму красноармейцы в кузовах бронетранспортеров героически не обращали на ненавидящие взгляды никакого внимания. Сидели себе, в касках и при автоматах, лучше подходящих для городского боя, чем винтовки, и изображали нордическое спокойствие.

На единственной в городе площади водитель слишком резко выкрутил руль, и бронетранспортер занесло. Все же, хоть эта машина и считалась надежной, но ублюдочной конструкции траки не способствовали хорошему сцеплению с камнем. Сергею даже показалось на миг, что вот прямо сейчас они и перевернутся. Он еще успел подумать про себя, что зря сказал при всех фразу о том, что тормоза придумали трусы. Тем не менее, бронированный крокодил оказался более устойчив, чем могло показаться, и, качнувшись так, что левая гусеница на миг оторвалась от земли, с лягом и грохотом восстановил равновесие. Больше всего захотелось выругаться, но нельзя – из мэрии (или как тут у них это называлось) уже выскакивали, застегивая на ходу мундиры, немцы, разбуженные вторжением. Бронетранспортер проехал еще метров десять и встал, а сзади уже выдвигалась остальная бронетехника.

Облокотившись на тонкий стальной борт, Хромов со скучающей брезгливостью на лице наблюдал за тем, как эти олухи не понимают, что им делать, и суется подобно безголовой курице. Их застали врасплох, они не проснулись толком и теперь видят перед собой офицера, который вроде как не прямое и непосредственное начальство, но все же, все же... Чинопочитание у немцев в крови.

Ага, вот и тот, кому решение принимать по должности положено. Шустренько так выскакивает, но при этом ухитряется не бежать. И мундир застегнут. Надо же, целый обер-лейтенант, в немецких званиях Сергей уже малость наблатыкался. Всего на одну ступень ниже звания, которое Хромов себе самозванно присвоил. Интересно, зачем целого обер-лейтенанта в такую дыру запахали? Ну что же, тем лучше. Вряд ли еще кто-то остался, раз уж главный прибежал. Пора!

Сергей, не обращая внимания на то, что там начал говорить немецкий офицер, да, откровенно говоря, и не понимая его, вскинул руку – и резко взмахнул ею. Практически мгновенно его люди вскочили... Ну, в принципе, на том дело и закончилось. Немцев здесь было десятка

полтора, не больше, у Сергея в бронетранспортерах примерно столько же, но готовых к бою и вооруженных соответственно раскладам. Немецких солдат покритиковали в упор из автоматов, а их ошарашенного командира, в которого, согласно приказу, никто не стрелял, коlobком выкатившийся из машины Громов ошарашил еще раз. По кумполу прикладом. Танки проворно развернули башни, но в этом нужды уже не было.

Сергей вылез из бронетранспортера не торопясь, но все равно поскользнулся на отполированных за эти годы тысячами ног камнях. На ногах удержался, но разозлился страшно. Как раз настолько, чтобы одной лишь рожей напугать с трудом приходящего в себя немца. Впрочем, тот и не думал о сопротивлении – не герой и не фанатик, хорошо понимающий, что от его молчания, по большому счету, ничего не зависит, а так хоть какой-то шанс... Дурак, какие шансы...

– Этого – в расход, и зачищаем тут все, – холодно бросил Сергей и на миг ужаснулся. Рефлексирующий студент исчез, вместо него родилось кто-то новый, готовый лить свою кровь, а чужую и вовсе за что-то важное не считающий. Умом это было страшно, эмоциями... Эмоции молчали. Работа как работа. Хромов загнал ненужные мысли в дальний угол сознания и зло сощурился: – Васильич, бери половину людей, проверишь город. Особенно тех, кто с фрицами сотрудничал. Их – по закону военного времени. А я к мастерским.

Громов усмехнулся, с каким-то старорежимным шиком бросил ладонь к козырьку и, небрежным кивком отправив своих людей вперед, побежал за ними. Вот так, можно не сомневаться – задание выполнит. И, что характерно, слово «зачистка», бывшее пока не в ходу, удивления не вызвало. Что же, тем лучше. Сергей поправил кобуру с маузером (СВТ он на этот раз оставлял в машине) и решительно зашагал к бронетранспортеру. До мастерских было метров триста, и пешком, срезая углы, добраться наверняка получится быстрее, чем на гусеницах да по узким улочкам. Вот только бронемашина – это и защита, пусть и слабенькая, и два пулемета, которые являются хорошим аргументом в любом споре. А что улицы узкие да кривые, а обзорность из кабины паршивая – так то не страшно. Носорог вон тоже плохо видит, но при его весе зрение – не его проблемы.

Как только бронетранспортер съехал с главной улицы на обычную, просто утоптанную землю, ехать стало и тише, и мягче. Три минуты, два поваленных забора – и вот они, мастерские, во всей красе. Те самые, которые, согласно полученной от пленного информации, уже вовсю использовались для ремонта поврежденной техники. Это дело, равно как и использование трофейного оборудования, у немцев было поставлено неплохо. Высокий забор со всему миру известной надписью, сделанной шаловливыми детскими ручонками, ворота, простые, даже металлом не обитые, а сейчас вовсе распахнутые настежь, и неторопливо ковыряющиеся в недрах полуразобранного танка фрицы, которые, похоже, на стрельбу даже внимания не обратили. Ну да и понятно, в общем-то. Расстояние приличное, дома и деревья, которых здесь великое множество, здорово рассеивают звук, а оружие немецкое... И чего, спрашивается, нервничать?

При виде нагло вваливающейся во двор машины ремонтники оторвались от своего занятия, с любопытством глядя на внеплановое развлечение. Двое не спеша, вразвалочку, как и положено знающим себе цену высококвалифицированным специалистам, двинулись навстречу гостям. Один даже говорить что-то начал, что именно, Сергей не понял да и понимать не хотел. Повторялась ситуация с офицером на площади... Ну, почти повторялась.

Спокойно вылезти из бронетранспортера, держа руки за спиной и стараясь, чтобы это выглядело как можно более естественно, подойти к техникам, которые то ли сообразили, что что-то идет не так, то ли просто решили не выпендриваться перед офицером, спокойным, чуть замедленным движением поднять правую руку с маузером – и высадить мозги сначала одному немцу, потом второму. И, наведя оружие – ох и тяжелое, неудобное, но brutальное, разом

демонстрирующее серьезность намерений – на остальных немцев, замерших в ступоре, рывнуть:

– Хальт! Хенде хох!

Нет, все-таки немецкие техники – ни разу не герои. Обычные рабочие, просто одетые в мундиры. И никаких рефлексов на хватание стреляющих палок и организацию обороны у них не имелось. Так что при виде направленного в их сторону оружия, а тем паче, когда их окружили автоматчики, руки они подняли, как миленькие. Ну, вот и ладошки. Теперь пришла пора испытать на практике идею, возникшую только-только, экспромтом.

– Плахов, – Сергей щелкнул пальцами. – Иди сюда, есть работа по профилю.

Их штатный переводчик подошел быстро, но без суеты. Худой, нескладный парень, в недалеком прошлом студент... Что-то он у себя там набедокурил и предпочел бросить учебу и пойти в армию. Аккурат перед войной это случилось, последний призыв. Впрочем, что уж у парнишки за скелет в шкафу, Сергея не интересовало абсолютно. Главное, Плахов свободно владел немецким, английским и французским языками, а значит, своей роли соответствовал. Впрочем, он и стрелял неплохо, и на марше не стонал.

– Переводить? – деловито поинтересовался Плахов, зачем-то разминая кисти рук. Была у него такая привычка. Сергей кивнул:

– Именно, – и, повернувшись к сбившимся в кучу пленным, рыкнул: – Ну что, мурлоко-тамы¹⁶, доигрались?

– Я этого слова не знаю, – спокойно изрек Платов. Какое именно слово, он не пояснил, но это и без того было ясно.

– Переводы как уроды. И им понятно, и правде соответствует, – зло ухмыльнулся Хромов и улыбнулся по-волчьи, уголками губ. Ну, ошибся, ляпнул слово из будущего – плевать. В динамично развивающемся русском языке, заимствующем слова у многих народов СССР, неизвестными терминами было никого не удивить.

Пять минут разговора. Несколько выбитых зубов и испачканная кровью перчатка, двое расстрелянных тут же, у стены... В будущем из-за такого пресса всего мира подняла бы вой, здесь и сейчас – нормальное явление. И совсем даже не людоедское. Просто, будучи человеком современным и циничным, Хромов понимал: ресурсом грешно разбрасываться, а вот присваивать себе достижения противника можно и нужно. В том числе интеллектуальные и человеческие.

В самом деле. У них – танки. Много танков, откровенно говоря. Гигантские мехкорпуса Красной армии или уже перемолоты, или сгорят во встречных сражениях в самое ближайшее время. Не потому, что у немцев техника лучше, а просто у них хорошо налаженное взаимодействие между разными родами войск, да и вообще связь неплохо организована. Вот и опережают русских и с воздушными ударами, и с оперированием резервами. Насколько помнил Сергей, исход первой фазы войны предreshен. Скоро танки поштучно считать будут. И в свете этого их группа, довольно многочисленная, организованная и худо-бедно сработавшаяся, – изрядная сила. Тем более здесь, во вражеских тылах, где у немцев не так много войск...

Однако медаль имеет и обратную сторону. Танки – это хай-тек любого времени. И, как и положено передовому оборудованию, они нуждаются в уходе – регламентном обслуживании, ремонте, элементарном контроле. Словом, в том, что группа Мартынова обеспечить не могла. Фрикцион-то еще отремонтируют, а вот двигатель по косточкам уже не переберут. И это еще в отношении отечественной техники, сравнительно простой, ремонтпригодной, а главное, хорошо знакомой. Но ведь были еще и трофеи!

В общем, мысль Хромова была простой и оригинальной. Не хрен фрицам землю удобрять, пусть они лучше пользу приносят. И предложил он им вполне приемлемые в данных

¹⁶ Персонаж советского мультфильма.

обстоятельства условия: они технику ремонтируют, а их взамен кормят и не дают в обиду. Альтернатива – к стенке и пуля в живот, как тем двоим, что попытались корчить из себя истинных арийцев и сейчас медленно погибают. Особенно хорошо это выглядит под жарким солнышком.

Нет, конечно, техники могут бояться того, как отреагирует на столь вопиющее нарушение устава, как служба противнику, их собственное командование. Только при этом стоит помнить, что оно далеко, а диверсионная группа русских вот она, рядом. И несогласие карается по законам военного времени. Короче, они договорились.

Как раз к этому моменту во дворе появился Васильич. Покрытый местной рыжеватой пылью, взмокший, но бодрый и веселый. Пожалуй, его энергии хватило бы и на кого помолже. Окинул взглядом идиллическую картинку – красноармейцы опустили автоматы и вполне мирно, кто с помощью своего переводчика, а кто и благодаря скудным знаниям языка, вложенным еще в школе, беседуют с пленными – и поинтересовался:

– Старшой, это что ты здесь учудил?

Хромов объяснил. Старый вояка покрутил измазанным в масле пальцем у виска, но потом задумался. Вздохнул, покачал головой:

– Не знаю, ох, не знаю, выйдет ли из твоей идеи что-то путное... Ладно, ты лучше глянь, кого я притащил.

– И кто это? – без интереса посмотрел Сергей на полноватого, но сейчас явно схуднувшего с лица мужика в мешковатом пиджаке и начищенных до блеска сапогах. От обуви резко воняло березовым дегтем. – Что за чихуахуа¹⁷ ты приволок?

– Гм, – Васильич уважительно крикнул. – Интересно выражаешься, старшой.

– Отец на флоте служил – ни на грамм не соврал Хромов. – На крейсере.

В этом месте он, правда, все же чуточку приврал. Отец служил на БПК¹⁸, но эти нюансы объяснять было не обязательно.

– Понятно, – Громов ничуть не удивился. – Моряки лаяться всегда умели. Нет бы чему полезному вместо этого научить. Дряни всякой жизнь и так научит. Нет, это не чи... гм... в общем, бургомистр это местный.

– И что он здесь делает? На площадь его и повесить.

– Туда и вели. Просто он начал верещать, что знает нечто важное, а нам все равно было по дороге.

– Да? – с сомнением приподнял бровь Сергей. – Ну что ж, пусть погутарит хлопчик, а мы послушаем и решим, что с ним делать. Эй, ты, дятел, будешь квакать неправильно – шлепну тебя в патоку. Попробуешь обмануть – шлепну в повидло.

Все ж таки ствол маузера перед носом – хороший аргумент в любых переговорах. Особенно если перед этим ты уже получил сапогом по почкам и прикладом в зубы. Сведя глаза к маленькой круглой дырочке, закрывающей пациенту весь мир, бургомистр испуганно зачастил:

– Товарищи... товарищи... я не виноват... меня заставили...

– Это все твои важные сведения? – лениво поинтересовался Хромов. – Парни, тащите его на площадь.

– Не-ет! – взвизгнул бургомистр настолько тонким голосом, что у Хромова появилось нешуточное подозрение об отсутствии у него в штанах кое-каких важных для мужчины элементов. – Я все скажу! Там... Там...

И ведь сказал, скотина, не обманул. Причем то, о чем у немцев Сергей даже не догадался спросить. Пленные. Снова пленные. Красноармейцы, их доставили буквально вчера и держали

¹⁷ Порода мелких собак родом из Мексики.

¹⁸ Не так уж он и слукавил. К БПК (большим противолодочным кораблям) относились корабли разных серий. Некоторые из них по своим размерам и характеристикам и впрямь соответствовали крейсерам.

в наскоро организованном лагере километрах в трех отсюда. Хромов только зубами скрипнул. Только-только сделали мобильную группу – и вот тебе снова пехота, которая будет тащиться черепашью шагом. И ведь мимо не пройдешь. Впрочем, может статься, не так их много, а техники, хвала богам, в избытке. Может, и получится всех разместить.

– Что же, если сведения подтвердятся, свою шкуру ты честно спас, – задумчиво сказал он, осмыслив расклады. – Но, сам понимаешь...

– Старшой, давай лучше я, – Васильич хитро усмехнулся. – Сам понимаешь, меня вербовать учили, тебя – нет.

– Действуй, – кивнул Сергей, подумав, что умение переложить задачу на более компетентного человека тоже не самое худшее в этом мире. – И вот что еще. Там, на площади, два мотоцикла. Пошли на одном человека с донесением к Палычу, а на втором двоих, чтоб разведали насчет пленных.

– Сделаю, не волнуйся.

– Ну, вот и ладушки, – кивнул Хромов. А потом, развернувшись к пленным техникам, командно рыкнул (получилось неплохо, ох, какой тиран пропадает): – Ну что, орлы, показывайте свое хозяйство!

Все-таки чем хороши немцы – так это исполнительностью. Есть грозно рыкающее начальство и приказ – все, остальное будет сделано. Они понеслись показывать, едва не кланяясь при этом, а хвастаться им было чем. Даже помимо оборудования, которое, честно говоря, было сейчас самым ценным трофеем, у них имелось, чем удивить. Все же занимались немцы тем, чем и должны были по штатному расписанию – ремонтом танков.

Сергей и раньше читал о том, что СССР и Германия имели принципиально разный подход к проблеме воспроизводства военной техники взамен утерянной в боях. Русские строили заводы, в том числе и гражданские, которые можно было легко перепрофилировать на производство танков. Немцы... Ну, они тоже строили, но главным у них было создание таких вот танкоремонтных подразделений, следующих за своими частями и быстро восстанавливающих поврежденные машины. Ну и трофеи тоже ремонтировали и пристраивали к делу. Главное, чтобы поле боя оставалось за немцами, что, в свете их наступательной доктрины, выглядело реализуемым.

Одно такое подразделение и подвернулось сейчас под горячую руку. Во дворе, в разной степени разобранности, находилось не меньше двух десятков стащенных с разных мест танков, как немецких, так и советских. Последние, впрочем, были представлены лишь все теми же вездесущими БТ. Как объяснил немец, которому выпала честь послужить гидом, с Т-26, которых Красная армия теряла куда больше, они не возились. Брезговали, считая, и не без основания, вконец устаревшими.

Правда, из стоящих во дворе в рабочем состоянии сейчас было всего три танка. Серьезных танка, кстати – две «тройки» и «четверка». Их, а вместе с ними еще восемь машин, притащили сюда после жаркого во всех смыслах дела. Там немецкие машины горели, будто спички, нарвавшись на встречный удар советского танкового полка, оснащенного новейшими Т-34 и КВ. Эти танки, не отличаясь надежностью, брали свое толщиной брони и мощностью вооружения. И прежде, чем немцы смогли навести на атакующих русских свою авиацию, на поле осталось немало жженой техники.

Хромов с интересом рассматривал результаты этого боя. Вот «тройка», которую военное счастье в этот раз свело с КВ-2. Шестидюймовый снаряд не разорвался, но это не играло никакой роли. Лобовая броня на такое не была рассчитана в принципе. Стальной лист вмяло едва не по башню и разорвало в клочья, а сам снаряд, пронзив танк, увяз только в двигателе. Внутри «тройки» пахло металлической окалиной, бензином, кровью и смертью. Непонятно даже, зачем его вообще сюда приволокли, ясно же, что никуда этот танк больше не поедет и восстановлению не подлежит.

Рядом машина чешской постройки. Кто ее бил, «тридцатьчетверка» или первый КВ, неясно, орудия-то у них одинаковые. Семьдесят шесть мэ-мэ, именно такая дыра обнаружилась в борту, как раз напротив двигателя. Судя по всему, и этот снаряд не взорвался, ограничившись тем, что наглухо обездвижил «немца».

Еще один «чех»... Опять неразорвавшийся снаряд.левой гусеницы нет. Катков тоже. Вместо них изорванное железо. Снаряд, пройдя аккуратно вдоль борта, просто смахнул все, что относилось к ходовой части. И борт вскрыл, словно поле распахал. Интересно... Похоже, тут все сплошь жертвы бракованного боезапаса.

Немец тут же подтвердил, что да, так оно и есть. Если шестидюймовый снаряд взрывается, то ремонтировать уже нечего. Да и семьдесят шесть миллиметров чаще всего не оставляют легким танкам шансов на восстановление. Средним еще как повезет, а вот легкие разрывает в клочья. Ну и в доказательство ткнул пальцем в еще одну «тройку», у которой башни попросту не было. Сорвало, как будто футболист-гигант пнул по мячу. Да уж, достижениями предков стоило гордиться, и тем обиднее было, что начало войны они ухитрились проиграть. Впрочем, может статься, на этот раз все пойдет чуть иначе.

Однако главный сюрприз ждал Хромова внутри единственного здесь полноразмерного цеха. Здесь обнаружился самый настоящий Т-34, но какой-то странный. Вроде бы танк как танк, обычных для первых серий форм с маленькой «зализанной» под одну линию с бортами башней, и притом что-то все же не то.

Лишь через минуту до него дошло. Да, он не видел раньше таких танков вживую, но Интернет – великая штука. И начитаешься всякого, не факт, что полезного, и картинок насмотришься. В том числе и с танками. И вот с этими-то картинками данная машина решительно не коррелировала.

Орудия и КВ, и Т-34 считались здесь длинноствольными, но на самом деле их можно было назвать так лишь в сравнении с теми, что устанавливались на танки прошлых поколений. По факту же – барахло. Увы, и военные, и даже многие конструкторы того времени всерьез считали, что орудие не должно выступать за габариты танка, дабы не мешать ему пробивать таранным ударом стены. Вот и использовалось то, что удовлетворяло требованиям заказчика, принося в жертву баллистику орудий. Неудивительно, что с появлением у противника «Тигров» и «Пантер», да и просто «четверок» с усиленным бронированием, они мгновенно устарели. То, что выглядело грозным в начале войны и позволяло достаточно уверенно бороться с довольно слабыми в тот момент немецкими танками, на самом деле было вынужденным и отнюдь не лучшим решением.

Конкретно у этого танка орудие было длинным. Очень длинным. Не могло такого быть на Т-34, но – вот оно, красивое... Откуда, спрашивается, взялось? Из сопровождающих Сергея бойцов такого тоже раньше никто не видел. И лишь внимательно осмотрев танк и замучив вопросами немца, удалось установить истину.

На данном конкретном экземпляре была установлена пушка калибром пятьдесят семь миллиметров с жутковатой бронепробиваемостью. В том бою немцам досталось два таких танка, оба с тяжелыми повреждениями. Их сюда доставили с приказом восстановить вне очереди, пускай даже собрав из двух один – уж больно серьезное впечатление на немцев танк произвел, и командир дивизии возжелал иметь в своем распоряжении хотя бы одного такого монстрика. Ну и ремонтники не подкачали, лишний раз подтвердив свое мастерство.

Конкретно этот танк был брошен экипажем после того, как снаряд повредил двигатель. Кстати, бензиновый. Сергей и не слышал раньше, чтобы на «тридцатьчетверки» ставили хоть что-то кроме дизеля, однако и всезнающим он себя тоже не считал. Бензиновый – значит, бензиновый, мало ли с чем экспериментировали в эти годы. Тем лучше, с топливом заморачиваться не придется. Танк был новенький, муха, что называется, не сиживала, так что запросто мог пойти в бой напрямиком с какого-нибудь испытательного полигона.

Второму танку досталось серьезнее – башню пробило аж в трех местах, и в борту сквозная дыра... Зато мотор целехонек, и немцы, выдернув его, поставили на место разбитого, благо операция эта оказалась на диво простой – по технологичности и ремонтпригодности советские танки крыли любых конкурентов, как бык овцу.

Приведя таким образом одну из «тридцатьчетверок» в нормальный вид, немцы, тем не менее, не успокоились – видимо, получили соответствующие указания сверху, ибо без этого они вряд ли стали бы шевелиться. Поэтому танк тут же получил вместо штатной радиостанции снятую с покалеченного «чеха» немецкую. А еще – новый прицел, качество советской оптической продукции фрицев совершенно не устроило. Жаль, не успели испытать и откалибровать, ну да это – не такое уж долгое дело. И командирскую башенку не поставили, сволочи! А ведь именно с нее, насколько помнил Сергей книги про таких же, как сам он сейчас, бедолаг, и необходимо начинать преобразование танковой доктрины. Впрочем, как раз это решается.

– Так вот ты какой, рояль в кустах, – Сергей погладил танк по теплой броне, повернулся и небрежно поманил пальцем техника. В двух словах объяснил, что у немцев имеются три часа, дабы переставить на советский танк башенку с покалеченной «тройки», и, предугадывая фразу о том, что это никак невозможно, пообещал расстрелять ответственного, которого сам же и назначил. В самом деле, есть оборудование, есть фронт работ – действуйте, доказывайте, что не зря на вас будут переводить казенную баланду. Сам же, оставив людей и бронетранспортер для контроля над работами, направился к площади. Да и не дошел – из ближайшего дома выскочила какая-то бабулька, лихо затащила его внутрь. А там – накрытый стол, за который Сергея буквально впихнули. Из каких закромов она вытащила столько еды, оставалось только гадать. Все по-деревенски просто, но вкусно и сытно. В общем, из-за стола он вылез лишь тогда, когда понял, что натянувшаяся на брюхе кожа заставляет закрываться глаза.

А женщина, которая потчевала его, за все это время не произнесла ни слова. Еще не старая... Это в первый момент она показалась ему пенсионеркой, наверное, в силу молодого возраста самого Хромова. На самом же деле – ну, лет тридцать пять, максимум, сорок, только мешковатая темная одежда портила впечатление. И лишь когда он закончил, она спросила:

– Вы ведь ненадолго пришли, да?

– Да, – Сергей не пытался спорить с очевидным. Женщина вздохнула.

– Скажите, почему так...

Вопрос был не слишком конкретным, но Сергей понял, зло махнул рукой:

– А я знаю? Я не товарищ Сталин, я обычный человек... У меня под началом несколько танков и стрелков едва на взвод. И, скорее всего, до своих мы не доберемся. Просто постараемся до того, как нас положат, убить как можно больше немцев. Пока получается неплохо.

– Спасибо...

– За что?

– За правду, – женщина вздохнула, подошла к нему и внезапно поцеловала в лоб. – Спасибо, мальчик. Прощай. Надеюсь, ты победишь.

Уходил Сергей с жуткой мешаниной чувств на душе. Он знал – или считал, что знает – почему так случилось. Он знал, сколько продлится война и чем закончится. Но он не мог, не имел права сказать этой женщине ничего. Все, что смог – посоветовать собрать людей и валить в лес, а то немцы – народ своеобразный. Запросто могут всех расстрелять. Нет у них, воспитанных в Третьем Рейхе, моральных тормозов. Нет, случаются исключения, но они единичные.

Есть приказ, и точка. А что это – военное преступление, им плевать. Командир приказал – он и отвечает... Что человека убить, что собаку. Кстати, судя по тому, что лая вообще не слышно, всех уже перестреляли, уроды.

На площади царили тишь, гладь да божья благодать. Трупы прибрали, разве что следы крови на камнях остались. На столбах, старательно высунув языки, висели четверо местных – полицаи, неправильно выбравшие хозяев. И сидел, привалившись спиной к танковой гусенице,

Высильич, с непередаваемым отвращением на лице куривший трофейные немецкие сигареты. Поднял глаза, усмехнулся, махнул рукой:

– Присаживайся, старшой.

– Остальные где?

– Всех по домам растащили, кормят-поят... Да и девчонки местные тоже рады. Х-хе, здесь, оказывается, мобилизация их планировалась. В бордель.

– С-суки...

– Не то слово. Так что кое-кто из девчат наших сейчас очень благодарит, и не стоит им мешать, – в восприятии человека из будущего сказанное звучало довольно похабно, однако Хромов решил не комментировать. Мало ли что, все же нравы здесь пуританские. Во всяком случае, на словах. Еще не так поймут. – Да ты не волнуйся, посты я выставил, так что есть, кому бдеть.

– Даже не сомневался.

– И правильно. Будешь?

М-дя... Коньяк. С аэродрома, видать, прихватил. Сергей на миг задумался о том, как, должно быть, устал этот немолодой уже человек. Здесь ведь годы значат куда больше, чем в двадцать первом веке, и люди живут куда меньше. Что ж, почему бы и нет. Сел, взял наполовину опорожненную бутылку и трофейный серебряный стаканчик, выпил. Громов, глядя на него, улыбнулся:

– Что, старшой, непривычен к такому?

– Да. Коньяк исключительный...

– Эт точно. Французский, почти как тогда.

Когда «тогда» – уточнять не потребовалось. Сергей налил еще немного, отставил бутылку – напиваться с утра глупо. Утро... Дома он бы еще потягивался в кровати, а здесь успел столько, что иному на всю жизнь бы хватило. Ну и ладно, теперь можно чуть-чуть передохнуть.

– Бывал уже здесь?

– А то ж, – не удивился вопросу Громов. – Два раза. Один раз мы отступали от немцев. Почти как сейчас, – тут он скрипнул зубами. Видимо, эти воспоминания не добавили хорошего настроения. – Второй раз... тоже отступали. От красных. А сейчас вот отступаю вместе с красными. Какой зигзаг судьбы, а?

– Пути господни неисповедимы.

– А ты уже и в Бога поверил? – с интересом поднял бровь Громов.

– Сам говорил – без веры жить нельзя.

– Гибко мыслишь, старшой. Кстати, а где ты драться учился? Это ведь не только бокс и не только самбо.

Надо же, углядел, разведчик. Что же, ответим правду. Без завязки по времени.

– Бывший офицер учил. А он вроде как много где служил. В Японии побывал, Китае, Европы видел.

Конечно, видел. И не только Европу. Иностраный легион – не шутка. Особенно если перед этим ты украшал своей фигурой ряды отечественного ВДВ. А потом уже, вернувшись, от скуки начал тренировать молодежь. Но этих нюансов Громову знать не стоило. Впрочем, он и не лез больше в душу, лишь глянул остро и поинтересовался, что же там еще интересного нашлось в мастерских.

Сергей рассказал. Васильич сделал неподдельно удивленное лицо, после чего поменял людей на постах, и вместе они направились смотреть трофей. Ну и тех, кто сейчас немцев охранял, стоило разогнать, дабы поели люди. По всему выходило, что времени у них осталось не так уж и много – над городком пророкотали два «юнкерса», а значит, Мартынов уже заканчивал с эвакуацией людей и скоро явится.

Как оказалось, имея в качестве альтернативы трудовому подвигу реальный шанс склеить ласты, немецкие специалисты могут творить чудеса. Время еще не вышло, но командирская башенка уже была на месте. Правда, грубо установленная, сварные швы в палец... Сергей усмехнулся мысленно. Доводилось ему когда-то бывать в музее трофейной техники, и видел он там рядом два танка, один производства сорок первого года, второй – сорок третьего. На первом все швы аккуратные, ровненькие, на втором тят-ляп, и дополнительные броневые листы на шпильках. Сейчас вышло очень похоже, немцы к реальностям жизни адаптировались стремительно. Впрочем, швы они как раз зашлифовывали, время еще было. Работа кипела, во все стороны весело летели искры, так что справятся. Очень жить хотят.

При виде трудового энтузиазма Громов только головой покрутил, после чего, поменяв охрану, отдал приказ, о котором Сергей просто не сообразил. Снять со всех подбитых немецких танков рации – пригодятся. И снаряды – а танки были с боекомплектом – собрать. Возможно, ему в голову пришли бы и еще умные мысли, но в этот момент раздался громкий смачный треск, и, поднимая тучу пыли, в основном почему-то коляской, подкатил мотоцикл, из-за руля которого браво выпрыгнул Селиверстов. Этот шустрик был у Громова на хорошем счету, и неудивительно, что именно его старый разведчик отправил уточнить обстановку.

– Докладывай.

– Есть пленные. Человек двадцать, точно пересчитывать не стал. Охрана – восемь серомундирников, один пулемет, двое при автоматах.

Он говорил, уточнял, рисовал на песке, а в голове у Сергея уже вырисовывался план. Почему бы и нет? У него больше людей, лучше вооружение, эффект внезапности тоже никто не отменял, равно как и бронетехнику. Людей – своих, русских – надо вытаскивать. Риска почти нет. Примерно так он и сказал Громову. Тот задумался на миг, кивнул:

– Хорошо. Думаю, командир одобрит. Когда выступаем?

– Я выступаю, Николай Васильевич. Сейчас народ поест – и двину. Ты остаешься.

– Не доверяешь?

– Не строй из себя оскорбленную невинность. Все проще. Ты справишься здесь и сейчас лучше меня. Дело важное, куда более ответственное, чем этот рейд. А мне надо боевой опыт нарабатывать, и так, чтобы отвыкать чувствовать рядом кого-то более опытного. На себя только рассчитывая. А рядом с тобой... В общем, ты как дуэнья при несмышленной девушке.

– Надо же, какие слова знаешь, – усмехнулся Громов. – Не так и плохо у нас в стране с образованием. А то, помню, находились люди, которые считали, что без их мудрого руководства страна скатится в варварство. Уехали в Париж со Стамбулом – и где они сейчас? А варварства почему-то нет... Ладно, я тебя понял. А не боишься?

– Небо высотой не испугаешь.

– И орлов полетом. Хорошо, только аккуратнее там. И помни: случиться может всякое, в том числе то, что тебя резанет не хуже ножа. Не забывай, что гнев – плохой советчик. Поэтому если что, успокойся, поправь дыхание, досчитай до десяти, а уж потом стреляй.

Подивившись чуть витиевату, но вполне понятному юмору товарища, Сергей кивнул и отправился собирать людей, но в этот момент его порыв прервали на взлете.

Вопли он услышал издали. Еще через минуту увидел и его источник. Человек пятнадцать женщин тащили по улице какого-то отчаянно отбивающегося мужика. Тот ругался непонятными словами и отмахивался, но его лупили всем, что попадало под руку, и бой он проигрывал с разгромным счетом.

– Стоять! – командный голос за эти дни выработался неплохой, прозвучало, во всяком случае, так, что разом осадило всех участников действия. – Что здесь происходит?

– Товарищ командир, этот... этот...

Действительно, этот. Он у полицаев оказался главным.

И, как положено главнюку, умным, хотя бы по сравнению со своими подчиненными. Если бургомистр, мало того, что ничего не успел натворить, так еще и жизнь выкупил ценными сведениями и заделом на дальнейшее сотрудничество, то этот вряд ли мог рассчитывать на подобное снисхождение. Хотя бы потому, что, явившись с немцами, за несчастную неделю успел найти и выдать своим хозяевам пятерых. Те пытались откосить от армии в СССР, а попали в лапы к немцам, и что с ними случилось дальше, оставалось лишь гадать.

Ну и еще было за ним всякое, та же инициатива по организации походно-полевого борделя для фрицев. И, когда началась стрельба, он живо сообразил, чем для него кончится веселье. Попытался спрятаться – но тут его подвело слабое знание местных реалий. Все же чужой он был здесь, и в результате здешние бабы его нашли. Хотя, в общем-то, не искали, просто одна пошла за картошкой и обнаружила в погребке незваного гостя.

Страшнее тещи зверя нет... Да и вообще что-то страшнее, чем толпа разъяренных женщин, представить довольно сложно. Разве что ядерную войну. Особенно женщин, в которых обязана быть загадка. Например, где у них талии. Возможно, начини этот умник сразу стрелять, шансы у него и были бы, но шум поднять испугался, а потом стало поздно. Смяли числом и массой, выволокли, как ту репку, и отделали. Так что пред светлые очи Хромова сей человек попал не просто потрепанным, а ободранным, словно его сотня кошек драла. Даже многочисленные синяки на лице терялись, скрываемые кровавыми полосами.

Вообще, чувствовался у полиция сейчас некий разрыв шаблона. Ведь перед собой он видел все того же немецкого офицера – а в стандарты «истинного арийца» Сергей вполне неплохо вписывался. Неудивительно, что он банально не понимал, как себя вести. Пришлось ему чуточку вправить мозги.

Небрежным жестом достав из-за пояса офицерские перчатки, Хромов задумчиво посмотрел на предателя, а затем раз-два – хлестнул его ими по лицу. Тот дернулся, но глаза приобрели наконец осмысленное выражение. Чуть усмехнувшись, Сергей поинтересовался:

– Ну что, человеке, докладывай, как ты дошел до жизни такой?

– А ты кто такой? – похоже, что к полицаяу вернулось сознание, зато связь с реальностью упорхнула окончательно и бесповоротно. Ну что же, это было даже интересно. Вот только кого напоминала манера держаться – угодливая и наглая одновременно? Несколько секунд размышлений... и негромкие слова подошедшего сзади Громова:

– Он, похоже, из урок...

Пазл сложился моментально. Точно, из уголовников. Это во времена демократии все любили петь о том, как лагерные сидельцы рвались защищать Родину, а на самом деле среди них были всякие. И те, кто считал себя «бандитом, но русским бандитом», и тех, кто всей душой стремился к немцам. Большинство же предпочитало просто валить тайгу – это тяжело, зато в атаку идти не надо. Однако конкретно этот экземпляр, похоже, был как раз из тех, кто предпочитал работать на врага. Что же, интерес уже угас, и, скорее по инерции, Сергей поинтересовался:

– За что чалился?

Тот ответил. Хромов присвистнул. Пятьдесят восьмая, «политический», значит. Вот только не тянет он на запуганного интеллигента, скорее уж, на налетчика или контрабандиста – там и ряхи наедают соответствующие, и наглость нужна. Хотя какая разница? Главное, получается, что, судя по этому экземпляру, сажали за измену вполне правильно.

– Врешь, скот.

– Я ж тебя порву, щенок.

Ну, точно связь с реальностью потерял. Сергей презрительно усмехнулся:

– Мужик, я понимаю, что ты реально крут... Как же, как же, семь лет на зоне петушил...

Сказал он это больше для понту и сам потом сообразил, что идти на поводу у играющего в заднице детства глупо, но реакция полицая застала его врасплох. Откуда он достал

финку, так и осталось для Сергея загадкой, но, если бы не отменная реакция, насадил бы полицей его на нож, как цыпленка. Во всяком случае, прыжок его все проворонили. Сергей успел только откинуться в сторону, разворачиваясь к атакующему правым боком и пропуская колющий удар вдоль груди. На миг лицо противника оказалось совсем рядом, а потом тело сработало уже само, повинувшись наглухо вбитым рефлексам. Короткий удар локтем, полицей отскакивает, рыча, как зверь. Ну да, сломанный нос – это больно, а обильно брызжащая кровь здорово подтачивает уверенность в своих силах. Сзади клацнули затворы автоматов, но Сергей жестом остановил Громова и его людей, подоспевших аккурат к шапочному разбору:

– Не надо, я сам. Давно хотел понять, каково это – драться с куклой.

Вряд ли здесь знали этот термин, но поняли моментально. С ухмылками разошлись в стороны, освобождая пространство. Хромов приглашающе улыбнулся:

– Ну что, урод, положишь меня – уйдешь живым, обещаю.

– С удовольствием, сопляк.

– Ну-ну, – Сергей рывком сбросил куртку, извлек из ножен трофейный кортик, крутанул его в пальцах. Мастером ножевого боя он себя не считал, так, показали в свое время азы, но этого хмыря надеялся все же завалить. Пускай тот даже и сильнее физически.

Полицай шагнул вперед, поигрывая финкой. Опытный, нож пляшет в пальцах, ни на секунду не оставаясь в покое. Но угрозу он видел только от клинка в правой руке противника. А зря.

Два быстрых удара ногами по правой нижней конечности. Этого полицей не ожидал. Даже босой ногой можно сделать противнику очень больно, а когда она еще и обута в высокий офицерский сапог с твердым, будто камень, носком... Шарахнулся назад, захромал, бестолково взмахнул оружием и тут же вновь отшатнулся, спасаясь от ответного выпада. И все это лишь для того, чтобы открыть для удара вторую ногу, моментально выгнувшуюся коленом назад.

– Вот, в принципе, и все, – Сергей убрал оружие в ножны и забрал у малость опешившего Громова одежду. Ну да, опешившему, такой быстрой и эффективной расправы никто не ожидал, искалечить в три удара не так-то просто. Ну да для того и делалось, те, кто будут служить под его началом, должны понимать, что их командир не трус и многое умеет. Получилось весьма наглядно. – Этого повесить. И, Николай Васильевич, займись делом. А я двину, пора навести здесь порядок.

К импровизированному концлагерю они подъезжали неторопливо и спокойно, благо здесь о том, что творилось в городе, никто пока что ни сном, ни духом не ведал. Да и вообще, за последнее время Сергей сделал вывод, что выражение «пока гром не грянет, мужик не перекрестится» интернационально. Уже который день по немецким тылам ходит мощная группа с танками и артиллерией, а здесь все лениво и расслабленно. Русские «где-то далеко». Ага, щ-щас-с. Русские уже приехали, и кое-кому предстояло убедиться, что излишнее благодушие долгой и счастливой жизни не способствует.

Лагерь выглядел нелепо и скучно. Загородка из жердей, в которую до войны загоняли колхозный скот, наскоро обтянутая сверху колючей проволокой. В один ряд – беги, не хочу. Рядом – вышка с пулеметом. Вполне добротная и крепкая, кстати. И, в принципе, все. У деревьев в тенечке дрыхнут фрицы (правда, при звуке мотора они дисциплинированно проснулись, но на то, чтобы встать, их уже не хватило), да мается со скуки пулеметчик. Ну, у него хотя бы крыша тень дает. Вот, в принципе, и все.

Пулемет заранее переставили в кормовую часть бронетранспортера – там сектор обстрела по вертикали был шире. Именно поэтому, подъехав к лагерю, водитель аккуратно развернулся. Пулеметчик тут же, не теряя времени, поднял ствол своего МГ. Длинная очередь – и свинцовая струя буквально в щепки разносит площадку вышки, финальным аккордом срезая одну из опор. В последнем, правда, нужды уже не было, пулеметчика вынесло одной из первых пуль.

Резко развернуть пулемет, приласкать так и не успевших ничего понять фрицев – и, в принципе, все. Красноармейцам, горохом высыпавшим из бронетранспортера, добывать было уже некого.

Интересно даже, а сколько они немцев за это время покروшили? Давили-то все сплошь маленькие группы, зато почти без потерь, и потихоньку счет набрали такой, что полку нынешнему будет не стыдно. Капля там, капля сям – набегает... Главное, не впадать в слюняйство и не играть в благородство. Это – война, и выходцы из двадцать первого века были куда циничнее своих нынешних товарищей.

– Сейчас выпустим этих орлов – и проверим деревню. Так, на всякий случай. Если что – кладите всех, нам свидетели не нужны, – проворчал Сергей, выбираясь из машины. Держащийся рядом Селиверстов молча кивнул. Вот ведь, Васильич, нехороший человек. Сам не пошел – но приставил к командиру другую дуэнью, разве что помоложе. Ну и черт с ним. Опека, конечно, раздражала, но для здоровья была полезной. Кстати о здоровье. Повернувшись к машине, он приказал собравшемуся вылезти следом за товарищами пулеметчику: – Оставайся на месте, а то мало ли.

Тот не по-уставному кивнул, но подчинился беспрекословно. Сел, поерзал, устраиваясь поудобнее, и принялся бдительно оглядываться по сторонам. Вот так, плен хорошо учит, что лучше в него не попадать. Именно в этот момент от философских мыслей Сергея отвлек крик одного из бойцов:

– Товарищ командир!

– Чего там еще? – развернулся к нему Хромов.

– Поглядите, кто здесь!

– Да какая разница, – буркнул он себе под нос, направляясь, тем не менее, к источнику кипиша. – О-па! А разница-то есть...

Поженян, собственной обтрепанной персоной. Воняет... Ну да ничего удивительного – жара, хрен знает, сколько не мылся, потный, грязный... Здесь все так воняют. И всех их, сидящих за ограждением, Сергей знал. Дезертиры, сбежавшие из их отряда. Вот и замкнулся круг. Хромов развернулся к своим людям, махнул рукой:

– Все, поехали, оружие собрать, деревню проверяем – и к нашим.

– А мы? – неуверенно подал голос кто-то из пленных. Сергей повернулся, удивленно заломил бровь:

– Вы? Да валите отсюда на все четыре стороны. Вас никто не держит, а нам предатели не нужны. И пришибите своего подпола, а то снова вас в говне утопит. Свободны!

– Ты, щенок...

В этом голосе было столько ненависти, что Сергей поневоле обернулся. Ну да, Поженян, а кто ж еще. Действительно ненавидит. А все потому, что оскорблен, унижен, и точкой фокуса видит этого наглого молодого выскочку в немецкой форме. А и черт с ним. Хромов подошел к одному из убитых немцев. Ну да, унтер-офицер, на животе кобура с вальтером. Достал, вытащил обойму, не слишком торопясь, выщелкнул все патроны, кроме одного. Вновь подошел к ограде и кинул пистолет Поженяну:

– На, ара, застрелись. Хоть раз в жизни поступи как мужчина.

Подполковник взял оружие... а дальше все произошло почти мгновенно. Два выстрела, слившиеся в один, пуля, разорвавшая воздух, кажется, у самого уха, согнувшийся пополам и медленно оседающий Поженян... И Селиверстов, небрежно перекидывающий через плечо автомат. Потом он спокойно зашел внутрь загона, вырвал из руки корчащегося на земле раненого пистолет, сунул трофей в карман и вернулся к своим. Хромов протянул ему кобуру и запасную обойму:

– Спасибо. За мной не заржавеет.

– Да все нормально, командир, – ухмыльнулся Селиверстов. – Я просто с ним послужить успел. Та еще гнида. Рассмотрю я его рожу, когда в разведку мотался, ни за что не поехал бы сюда.

– Хорошая эпитафия. Ладно, пошли.

Бронетранспортер уже привычно лязгнул гусеницами и в два счета домчал их до деревни. Немцев там не оказалось, что, впрочем, никого не опечалило, и группе оставалось лишь вернуться в город. С этим, правда, возникла неожиданная заминка – на одном из поворотов машина «разулась», причем гусеница не порвалась – она просто слетела¹⁹. Возились с ней долго – с непривычки в основном. Хотя принимать участие в восстановлении танковых гусениц приходилось всем, довести свои навыки до автоматизма, как профессиональные танкисты, они не успели. Вот и пришлось, громко переругиваясь и мешая друг другу, делать много лишних движений. Тем не менее, терпение, труд и неформальная лексика позволяют русским справляться практически с любой задачей. Так что спустя два часа их усталая, злая и порядком изгваздавшаяся в грязи компания все же добралась до места назначения.

С момента их отъезда здесь стало куда многолюднее. Наконец-то подтянулся Мартынов с остальными людьми, и вся площадь была заставлена боевой техникой. Местные немного прибалдели от происходящего и частью сидели по домам, а частью, напротив, сновали туда-сюда. Нашлось в городе и какое-то количество мужчин... Странно, до этого момента Сергей видел только женщин и тех, кто пошел на службу к немцам, а сейчас оказалось, что есть здесь и мужики. Причем не только старики, а люди вполне призывного возраста. Видать, или те, кого не успели призвать в первые дни войны, или те, кто уклонился сам. Теперь же они просили, чтобы их приняли в отряд – успели хлебнуть страха, когда жили под немцами, и теперь выбирали меньшее зло. Мартынов принимал, хотя и не всех – наверняка понимал, что возни с этими не имеющими представления об армейской дисциплине орлами будет много. Но все же набирал, лишний штык никогда не лишний. Впрочем, эту задачу отец-командир спихнул на Вострикова, благо журналюга обладал и чувством слова, и шустрым пером, а сам с интересом рассматривал трофеи.

– А, явился, герой, – вместо приветствия сердито пробурчал Мартынов, когда лязгающее гусеницами чудовище вкатилось во двор и замерло, выпустив наружу Хромова и его людей. – Я тебя что, за ручку водить должен?

Следующие несколько минут он, уведя младшего товарища в дальний угол двора (остальные деликатно не приближались, опасаясь попасть под горячую руку), деловито распекал его за несогласованные действия и отсутствие дисциплины. Называл анархистом, махал перед носом кулаком – и закончил наконец достаточно неожиданным «а в целом одобряю». Ну и немного позавидовал тому, что Сергей успел обзавестись по-настоящему преданными помощниками, один из которых, тот самый Громов, сейчас охранял «тридцатьчетверку», очевидно, всерьез опасаясь, что кто-то другой наложит на это чудо техники лапу. Оставалось лишь подивиться такой предусмотрительности старого вояки и согласно покивать. Ну а после, отпущенный из-под грозных очей полковника, Сергей едва не бегом отправился к своему новому танку, дабы на месте определить, что же из него получилось.

Надо сказать, немецкие механики явно рассчитывали заработать допмаек и вообще усиленное питание. Во всяком случае, постарались они на совесть. Башенка выглядела малость непривычно, но притом вполне органично вписывалась в очертания боевой машины. Сергей залез, посмотрел – даже покрасить успели, ну надо же! И, главное, обзор из нее был вполне приличный. Все же немецкая оптика – это вещь!

¹⁹ По воспоминаниям немцев, именно такая потеря гусеницы была достаточно распространенной проблемой их бронетранспортеров.

После БТ внутри «тридцатьчетверки» ощущения были, словно пересел с «приоры» на мерседес. Ну, в крайнем случае, на «тойоту». И не только в защите, хотя, конечно, после БТ с его противопульной... Нет, сорок пять миллиметров стали – это не триста, как на Т-72, но для местных реалий тоже серьезно. Да и вообще просторнее. Башня, конечно, маловата, но пространства внутри корпуса намного больше, и организовано оно куда разумнее. Плюс место механика-водителя фрицы успели облагородить, впихнув вместо костедробительной табуретки, по недоразумению названной креслом, аналог, снятый с какого-то немецкого танка. Удобно получилось. Словом, задумка с привлечением вестбайтеров (ну, или как там их назвать) оказалась весьма удачной. Оставалось пристрелять оружие – и можно идти в атаку.

Как раз в этот момент снаружи раздался злобный треск мотоциклетного двигателя, и к танку с форсом подкатили Игнатъев и Хинштейн. Последний вылез из коляски кривясь и постанывая, но это не помешало ему, хромая на обе ноги, добрести до «тридцатьчетверки» и постучать по броне здесь же подобранной железякой. Получилось внушительно, а главное, так звонко, что Сергею показалось, будто он сидит внутри гигантского колокола.

– Чего бренчишь? – недовольно спросил он, высовываясь из лобового люка.

– А чтобы тебя разбудить. И напомнить, что ты в экипаже не один.

– Слушай, Альберт, а может, тебе пойти подлечиться?

– Во-первых, не такой уж я больной. Во-вторых, почти всех докторов мы с ранеными отправили, благо место было. Одна Светлана Александровна осталась, а на ее рожу смотреть... На фиг, на фиг. В-третьих, ты думаешь, что найдешь того, кто стреляет лучше меня?

Сергей, по здравому размышлению, пришел к выводу, что не стоит напоминать товарищу о его промахах, когда они штурмовали мост. С непривычки и не такое случается. Куда больше его расстроила отбивка их медчасти. Все же сестричка, с которой он давеча перемигивался, была очень даже ничего, и шуры-муры с ней закрутить определенно стоило. А вообще, конечно, прав Хинштейн, и разбивать их группу не стоило. Он махнул рукой:

– Ладно, не стой тогда. Лезь, давай.

Хинштейн не заставил себя дважды упрашивать. С трудом сгибая ноги – видно было, что ходить ему из-за ожогов сплошное мучение, – он залез вначале на броню, а затем аккуратно вполз в башню. Повозился, устраиваясь поудобнее, и чуть не получил по голове сапогом от влезавшего следом Игнатъева. Тот, натянув шлемофон, от чего сразу стал похож на стимпанковского героя, как их любят изображать на обложках соответствующих книг, огляделся и недовольно пробурчал:

– Все равно тесно. И заряжающий нужен...

– Вот тебя бы им и назначить, – усмехнулся в ответ Хромов. – Вон, какой лось. Но на эту должность, чтобы брал больше и кидал дальше, мы человека и так легко найдем. Займись лучше рацией, а то я в этой немецкой хрени ни ухом, ни рылом.

– Можно подумать, я ухом-рылом, – в тон ему отвечивал Игнатъев.

– Ну, так возьми какого-нибудь фрица, пускай объяснит. А то вон их сколько без дела шляется.

– А что, это идея, – ухмыльнулся экстремал и полез наружу. Сергей мысленно плюнул: вот ведь, орел нетерпеливый, подождать не мог. Отстрелялись бы – потом учи, сколько хочешь. Впрочем, сейчас, потом – не все ли равно.

Рация в очередной раз подтвердила золотое правило: по мере развития техника усложняется внутри, но упрощается снаружи. Электроника двадцать первого века имела максимально простой интерфейс, рассчитанный, такое впечатление, на дебила. Здешние рации – местный хай-тек, с которым должен работать профессионал высокой квалификации. Лампочки, крутилки, переключатели, циферблаты – все неинформативно, алгоритм работы непонятный, и наткано это добро, такое впечатление, бессистемно.

Вдобавок в полный рост встал языковой барьер. То есть немец-то, впечатленный кулаком перед носом, и рад бы помочь, да не может, не понимают его. Переводчик же в танк уже толком не помещается, а сгонять с места Хинштейна, который, надо признать, весьма мужественно терпел боль от ожогов, как-то не комильфо. Кончилось тем, что Хромову пришлось вылезать и ходить вокруг машины, злобно попинывая траки. За этим занятием его и застал Васильич.

– Что творишь, старшой? – весело поинтересовался он.

– Жду, когда эти болваны рацию освоят, – честно ответил Сергей.

– Ну, тогда это надолго...

– Ну да, а времени – в обрез.

– Почему? Командир сказал, здесь ночуем.

– Ага. Нам еще оружие пристреливать, там вся оптика новая. А для этого надо еще место подобрать.

– Так в чем проблема? – Громов выразительно пожал плечами. – Немцы тут себе полигон небольшой оборудовали. Они ж и орудия тоже меняли.

– Та-ак... Вот за что люблю я немцев – так это за обстоятельность. Приспичит в кустики – так они там вначале яму выкопают и сортир поставят.

– Именно так. В следующий раз ты у них спрашивай. Или у меня.

– Спасибо, Васильич.

– Ладно, старшой, нормально все. Научись, какие твои годы. Пошли.

– Куда?

– Обедо-ужинать. И переодеться. Форменка-то немецкая, глядишь, и пригодится еще, а в танке ты ее мигом изгваздаешь.

– А...

– Пошли-пошли. Если там рацию осваивают всерьез, то это и впрямь надолго. А тебе силы понадобятся.

Громов знал, что говорил. Правоту его Сергей почувствовал буквально через час, когда выводил танк со двора. «Тридцатьчетверка» – шедевр, конечно, однако включать на ней передачи. Казавшийся до того достаточно сложным в управлении БТ сейчас вспоминался, как послушная птичка. И понятно теперь, почему опытные танкисты не особенно жаловали этот танк. Возможно, позже удастся к нему приноровиться, но сейчас управление выматывало капитально и сразу.

Тем не менее, вывести танк на стрельбище Хромову удалось без происшествий. А вот там их поджидал сюрприз – немецкая оптика совмещалась с отечественным орудием мало не идеально. С кучностью, правда, имелись проблемы, но к этому все были готовы. Все же уровень производства на отечественных заводах этого времени, даже военных, физически не мог быть шедевральной. Так что в город они возвращались довольными, и даже стремительно накатывающиеся сумерки не испортили настроения.

Уже ночью, когда они сидели и чуточку расслаблялись после бани (Хинштейн, ожоги которого не позволяли париться вместе со всеми, люто им завидовал, а в особенности Сергею, которому и всего-то потребовалось, что дополнительно обработать и перевязать быстро заживающую руку), Мартынов опрокинул в себя стопку трофейного коньяка и поднял руку, призывая ко вниманию:

– Ну что, господа-товарищи, какие будут предложения о нашем дальнейшем маршруте?

– А какие предложения? – ухмыльнулся со своего места Игнатъев. Вооружившись огромной кружкой ядреного местного кваса, он неспешно смаковал пенный напиток, щурясь от удовольствия, как огромный, битый жизнью, но все еще не потерявший к ней вкуса дворовый кот. – У нас раньше еще варианты оставались, пока фрицам не до нас было, но аэродром они не простят. Так что или прорываемся к своим, благо сплошной линии фронта пока нет, или уходим в леса. Третьего не дано.

– Первое слишком предсказуемо, – лениво отозвался Востриков. – А во втором случае мы сами отдадим инициативу противнику. Позволим им выбирать время и место, когда нас можно взять за жабры. О какой-то активности можно забыть, а на подножном корме долго не протянем. Так что в лучшем случае будем выживать, и технику рано или поздно придется бросить.

Все замолчали. Голова у продажного журналиста варила, следовало признать, совсем неплохо. Хинштейн лишь буркнул недовольно «присоединяюсь», и только Ковальчук, удивленно похлопав глазами, чуть наивно поинтересовался:

– Так что делать-то будем, а?

– Ждать, – отозвался со своего места Хромов, осторожно подравнивая ногти. Трофейный несессер, изъятый у одного из летчиков, пришелся как нельзя кстати. Ножнички, щипчики, пилочки – это вам не финкой маникюр делать.

– Чего ждать?

– Ждать, когда Александр Павлович поделится с нами своей безусловно гениальной идеей. Насколько я его успел изучить, когда он начинает задавать подобные вопросы, ответ на них уже подготовлен.

– Я что, настолько предсказуем? – удивленно поднял брови Мартынов.

– Угу. Не обижайся, командир, но в этом вопросе – да.

– Что же, ладно. Вариант у меня действительно есть. Правда, очень рискованный.

– Давай догадаюсь – атаковать?

– Ты умный мальчик... – Мартынов задумчиво прищурился. – Действительно, атаковать.

И при удаче немцы очень быстро поймут, что нет повести печальнее на свете, чем повесть о засоре в туалете.

План отставного полковника действительно был неожиданным и рискованным. Немцы совсем не дураки и, вероятно, смогли понять, как движется их группа, какой тактики придерживается. А может, и не смогли, не так уж долго они тут по тылам шуруют. Лучшие же умы вермахта сейчас заняты несколько иными задачами. Неважно. Главное, если возводить в абсолют ранее принятую тактику, просчитать их действия и взять за жабры становится делом техники.

Мартынов от дающих успех стремительных агрессивных бросков по тылам противника совсем отказываться не собирался. Корректировке предполагалось подвергнуть направление удара. Если конкретно, он предлагал атаковать, развивая наступление в сторону Германии. Этого немцы гарантированно не ждут, а значит, и инициативу потеряют окончательно.

– Смотрите сюда, – вещал он, размахивая над брошенной на табуретку картой вилкой с нанизанным на нее маринованным грибочком. – Вот здесь – железнодорожная станция, рядом с ней – очередной мост. Атака на станцию и подрыв моста полностью вписываются в наши предыдущие действия. Что будут думать фрицы? Что мы нанесли удар и ушли, подорвав за собой мост, дабы усложнить погоню. Что мы сами вначале по этому мосту переправимся и окажемся по их сторону реки, они если и сообразят, то не сразу. Несколько дней форы, как минимум. За это время можно оторваться от преследования и устроить тарарам, где мы хотим и какой хотим. Вдобавок погода заметно портится, можно надеяться, будет гроза. Башка у меня, во всяком случае, болит соответственно. Если я прав, то от внимания их авиации мы на какое-то время точно будем избавлены.

– Но если они разгадают наш замысел, то к этой же реке прижмут, а потом в ней и утопят, – хмуро отозвался Игнатъев.

– А вот это вряд ли. Бросить тяжелую технику и уйти в лес мы всегда успеем. Немцы же за нами меньше чем батальоном не сунутся.

– Вот батальон и пригонят... – Пессимизму экстремала можно было только позавидовать.

– Один батальон, да еще на открытой местности, мы и сами в грязь закатаем.

– Сейчас довольно сухо.

– На гусеницы намотаем. Не придирайся к словам. А если мы свяжем боем дивизию... Значит, она какое-то время не окажется на фронте, и жизнь мы прожили не зря.

– Печальную ты рисуешь перспективу...

– Я не совсем понимаю, почему мы должны кого-то связывать, – вмешался Ковальчук. – Мы здесь чужие, никому ничего не должны, и...

Он осекся. Видать, сработал инстинкт самосохранения, вовремя отметивший остеклевший и стремительно звереющий взгляд Мартынова. Впрочем, полковник справился с эмоциями. Лишь дернул злобно уголком рта. Этого хватило, никто больше не пытался лезть с особо ценным мнением по поводу гражданской ориентации.

– Меня чуть больше другое волнует, – заметил Востриков, явно не только для решения собственно вопроса, но и чтобы разрядить атмосферу. – Ну, рванем мы вперед, а дальше? Там граница, упрямся в нее – и все.

– Знаешь, – Мартынов не сдержал смешок. – Ты умный-умный, а иногда такой дурак. Граница – не кирпичная стена в сто метров высотой, а просто линия на карте. Тем более сейчас, когда идет война. И мне, говоря по чести, горячо наплевать, какие могут возникнуть дипломатические нюансы. Особенно в свете того, что по ту сторону этой карандашной черточки такие же фашисты, как и здесь.

– А снаряды? – теперь влез уже Хромов. – Для трофеев боезапас еще найти можно, а для наших танков? Все склады, которые можно ограбить, и подбитые машины, чтобы их разгрузить, останутся здесь. А у меня еще и калибр редкий. Расстреляем все – и что дальше? Остаться с голым задом?

– У тебя сколько осталось?

– Две сотни...

– Полтора боекомплекта то есть. И ты реально считаешь, что успеешь их расстрелять? Открою тебе страшную тайну. Даже под конец войны Т-34 проходил в среднем около ста километров, а потом его подбивали. И это когда наши уже умели драться с фрицами на равных и даже лучше них. А сейчас... – тут Мартынов печально махнул рукой. – Подозреваю, снаряды у нас кончатся позже, чем танки. И повезет еще, если раньше просто выработается моторесурс, а не влетит в борт что-нибудь взрывающееся.

– Да уж. Но я согласен. Бежать, тем более зная, что вычислят и все равно зажмут, лично мне как-то запахло.

Хинштейн согласно кивнул:

– Я с ними еще за предков не рассчитался.

– А, гори оно огнем. Согласен, – как перед шагом в пропасть выдохнул Игнатьев.

– Я тоже, – Востриков явно не был доволен тем, что говорил, но и трусом он не был. – Шанс не хуже любого другого. Не получается пройти по логике – стоит пройти по парадоксу.

– А я что... Я – как все, – Ковальчук явно не собирался злить полковника еще раз.

– Ну, значит, решено. Выступаем на рассвете. А сейчас всем спать. День будет тяжелым.

В отличие от предыдущего городка, этот, хоть и был немногим больше, встретил гостей не сонной одурью, а деловитой суетой. А куда деваться? Чай, не какой-то задрипанный вечерашний хутор, а вполне себе транспортный узел, пересечение небольшой, но судоходной реки, железнодорожных путей и автомобильной дороги. Грунтовой, но все же полноценной, так что положение обязывало.

Сергей вновь ехал на бронетранспортере, разбрызгивающем лужи колесами и гусеницами – предсказанная Мартыновым гроза все же случилась, а сразу после нее резко похолодало, и по небу ползли низкие серые тучи. Можно сказать, повезло, желчно подумал Хромов. В такую облачность немцы если и летают, то мало и неохотно. Откровенно говоря, в своем танке он бы, конечно, чувствовал себя не в пример спокойнее, однако Мартынов сказал «надо» и «у тебя уже

опыт есть», поэтому вновь пришлось влезать в немецкую форму и возглавлять диверсантов. Что же, грязную работу тоже надо кому-то делать.

Впрочем, другим задача предстояла ничуть не лучше. В группе Мартынова начал ощущаться острейший кадровый голод. Пехоты-то хватало, особенно с учетом пополнения местными кадрами. Те, сменив гражданскую одежду на новенькую, еще не успевшую обмяться и выщевить форму, которую назначенный интендантом вислоусый старшина-украинец хозяйственно тащил с собой аж от складов, на фоне успевших повоевать товарищей выделялись капитально. Да и толку от них будет не так и много – не обучены, а главное, не вбит рефлекс повиноваться приказам вне зависимости от раскладов. Неизвестно, как поведут себя в бою. Это сейчас, хлебнув немецкой «цивилизации», рвутся защищать Родину, а когда снаряды рвутся начнут, останется открытым вопрос, они просто ноги сделают или вначале в штаны наложат. Ладно, перемелется, а так хоть массовку создадут да смогут стрелять куда-нибудь «в сторону неприятеля». Так что это направление можно было считать закрытым. С артиллерией тоже более-менее, наводчики нашлись и на трофеи. А вот с техникой дело обстояло куда хуже.

Перетряхнув буквально всех, с трудом удалось обеспечить водителей на грузовики и мехводов на танки с бронетранспортерами. Пришлось, конечно, чуточку разбавить их трактористами, ну да за неимением горничной можно пользоваться и дворника. А вот с остальными – беда, поскольку большинству тех, кто сидел сейчас у орудий и пулеметов, учиться предстояло в бою. Конечно, во время двухдневного марша они только и делали, что до автоматизма отрабатывали процесс перезарядки, а на привалах слушали наставления более опытных товарищей и учились наводить орудия хотя бы через ствол. Вот только мало этого, ой как мало.

На фоне этого безобразия экипажи «тридцатьчетверки» и самого Мартынова поражали боеспособностью. У Сергея только один человек добавился – заряжающий Капустин, чуть флегматичный и, на взгляд остальных, немного туповатый парень, главным достоинством которого являлась огромная физическая сила. На тренировках орудие он заряжал четко и безошибочно, а вот что будет в бою... Ладно, посмотрим. Все равно танк шел пока с урезанным экипажем. В кресле механика-водителя сидел матерно проклинаящий недодуманную трансмиссию Игнатьев. Что поделаешь, Хромов, успевший более-менее приспособиться к управлению этой своеобразной машиной, сейчас занимался иными делами.

В очередной раз качнувшись, бронетранспортер преодолел яму, сделавшую бы честь любому бездорожью, и, противно скрипнув тормозами, встал аккурат напротив дверей комендатуры. Оба приданных их группе танка, «четверка» и «тройка», въехав на площадь, разошлись соответственно влево и вправо, занимая позиции, чтобы, случись нужда, поддержать товарищей огнем орудий и пулеметов. Второй бронетранспортер остановился чуть позади, закупоривая своим корпусом выезд на улицу. Двое часовых, до того со скучающим видом обозревавших не таящие вроде бы неожиданностей окрестности, моментально подобрались и встали навытяжку при виде заезжего офицера. Сергей улыбнулся чуть заметно, одними губами шепнул разом подобравшемуся Громову «работаем» и вылез наружу. Позади него бухнули две пары сапог – Громов и Селиверстов, то, что надо.

Сделать рожу надменную и значительную, а глаза пустыми. Три шага вперед, остановиться на миг, пропуская товарищей... Немцы даже дернуться не успели, приколотые к стене, как жуки булавками. Русская школа штыкового боя – это вам не хухры-мухры. Взмах руки – и позади застучали сапоги, народ высаживался из бронетранспортера споро, но без суеты. Чай, не в первый раз. Кто-то протянул Сергею его винтовку, и тяжесть СВТ успокаивающе потянула руку вниз. Уже ставшим привычным до автоматизма движением Хромов забросил оружие за спину. Сейчас пистолеты удобнее. Ну, понеслось!

Здание комендатуры было захвачено в какие-то две минуты, чисто и практически беззвучно. Немцы ребята, конечно, не трусливые, но рассудительные и буром на стволы лезть не привыкшие. Живо сообразили, что пистолеты и автоматы незваных гостей уже в руках, а

мебель, пускай даже и добротная, советская – защита очень так себе. Так что руки они задирали вполне спокойно, не пытаясь лишний раз дергаться. Исключение составил какой-то чин в эсэсовской форме, черной, с молниями на вороте и непонятного номинала погонами. Этот попытался бузить... слегка, потому что ничего серьезного сделать попросту не успел. Селиверстов приложил его кувалдой в челюсть, и на том единственная попытка организовать сопротивление закончилась.

– Пленных в подвал, – сейчас от быстроты и четкости действий зависело многое. – Ради-ста оставить пока. Васильич, договорись с ним о сотрудничестве. А я пока тут с комендантом побеседую.

– Эт можно, – важно кивнул Громов и занялся вербовкой здешнего Маркони. Тот, живо сообразив, что еще немного – и из него приготовят отбивную, с необходимостью работать на новую власть согласился моментально.

Тем временем Сергей подошел к коменданту. Тот так и сидел на своем стуле, высоко задрав руки вверх. Бледное лицо удивительно подходило к некогда белым, а сейчас порядком обшарпанным стенам, и фуражка, которую он на автопилоте водрузил на голову, когда открылась дверь кабинета, сползла ему на глаза. Сергей поднял маузер, кончиком ствола аккуратно зацепил ее за козырек и чуть-чуть приподнял вверх. Посмотрел в испуганные глаза немца:

– Алле, гараж! Будем разговаривать, или тебе мозги вынести? Вон на ту стену, к примеру?

Немец заморгал и вдруг быстро-быстро заговорил, мешая немецкую речь со словами какого-то смутно понятного славянского диалекта. Судя по всему, он слова Хромова понял безо всякого перевода, но вот его ответ мозг воспринимать отказывался.

– Плахов!

Их штатный переводчик оказался на месте. Послушал, что говорит немец, переспросил, и тот, перейдя на чисто немецкую речь, ответил. Плахов усмехнулся:

– Говорит, что он не немец. Просит не убивать.

– И кто он?

– Болгарин.

Ну надо же! Впрочем, что Болгария воевала на стороне немцев, было общеизвестно. Просто как-то не принято раньше об этом было говорить, а потом и вовсе забылось. И вроде бы утверждалось, что болгарские части на Восточном фронте не присутствовали. Ага, как же... Вон, живое свидетельство обратного сидит, не убивать просит.

А пленный разливался соловьем. Если ему верить, то выходило, что он не нацист, голо-совал когда-то за коммунистов, ничего плохого не делал, и вообще такой белый и пушистый, «...хоть в тюрьму но, желательно в июле и желательно в Крыму». С усиленным питанием, разумеется. Дать бы ему в рыло, да так, чтобы пломбы из зубов вылетели!

– Переведи, – Сергей с трудом подавил раздражение. – Я представителей братьев-славян на дух не переношу. За рожи дебилные, привычки гадские да натуру предательскую. Если бы это мурло сидело дома, то на его место сунули бы немца, и он не стрелял бы на фронте в наших бойцов. Поэтому у меня огромное желание исправить положение. И если эта ошибка природы хоть на секунду не захочет сотрудничать, то я ему яйца гвоздями к дверям приколочу.

– Это противоречит конвенции о военнопленных! – взвизгнул немецко-болгарский плен-ный. Хромов пожал плечами:

– Во-первых, СССР не подписывал конвенции. Во-вторых, вы напали на нас без объяв-ления войны. Так что вы, на мой взгляд, не более чем пережравшая стероидов банда. Молоток и гвозди мне, живо!

После этих слов комендант вял увещаниям и здравому смыслу. С пистолетом перед носом почему бы и не вянуть? Говорят, угроза экзекуции подхлестывает мозговую активность, и сейчас этот тезис блестяще подтвердился. Считанные минуты спустя на руках у Сергея имелись

все данные о размещении солдат в этом вшивом городишке. Их, правда, оказалось чуть больше, чем планировалось, но это сейчас было глубоко вторично.

Еще через пять минут, воспользовавшись услугами трофейной рации и прилегающего к ней пленного Маркони, установилась связь с основной группой. Немец, блистая стремительно наливающимся фингалом под левым глазом и скособочившись так, словно у него болели разом все ребра, испуганно поглядывал на Громова и виртуозно работал с аппаратурой. Сергей даже ощутил перед ним какую-то неловкость. Ну, право слово, будь у них с собой нормальный радист, этого и «уговаривать» бы не потребовалось. Увы, тех, кто разбирался в рациях, у них было мало. Все же хотя кружки радиолюбителей в СССР и были распространены, в обычную пехоту человека, понимающего в электронике, вряд ли бы взяли. Дури в стране, конечно, хватало, но до столь вопиющего разбазаривания ценных ресурсов доходило редко.

Еще меньше было народу, хоть как-то освоившего немецкие радиостанции. И совсем не оказалось тех, кто разбирался в них хорошо. Так что и с той, и с другой стороны пользовались услугами пленных. Зато связь держали уверенно, а главное, волну подобрали, которую сами немцы вряд ли будут использовать, а значит, и слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.